

РАССКАЗ
ЮРИЯ
РЫТХЭУ
«ВОЗВРАЩЕНИЕ
НА ЗЕМЛЮ»

С. С. АВЕРИНЦЕВ:
ОБРАЗ
КУЛЬТУРЫ —
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

В
Г
В

Обоюдный интерес: радиоинженер «Юпитера» Борис Гаврилович Василенко и бригадир Владимир Павлович Сычугов.

чужой беды не бывает

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

По душе приехавшим из Припяти литовская земля.

ДОБРОМ
ОРОДЕ
ИЛЬНЮСЕ

Тамара Павленко, Иван, Раиса и маленькая Светланка Савчуки будут жить и работать в Вильнюсе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (3081)

9—16 АВГУСТА

В НОМЕРЕ:

Всем хлебам на удивление! Фоторепортаж К. БАРЫКИНА и А. БОЧИНИНА «ЛИПЕЦКИЙ КАРАВАЙ». Стр. 18—20.

«Четыре громадных кварцевых иллюминатора смотрели на звезды, а большой локатор, настроенный на Землю, мерцал синеватым экраном».

Рассказ Юрия РЫТХЭУ «Возвращение на Землю». Стр. 20—24.

«В деле сохранения цельного и неподдельного облика истории нет мелочей».

Интервью с известным советским ученым С. С. АВЕРИНЦЕВЫМ. Стр. 10—13.

Сергей МАРКОВ, Игорь ГАВРИЛОВ. «Ромашка в лунных горах». Фотоочерк. Судьба заповедника в Средней Азии. Стр. 28—30.

«По его картинам вы полюбите Грузию». Очерк В. ЕНИШЕРЛОВА о Герое Социалистического Труда, народном художнике СССР Ладо ГУДИАШВИЛИ и цветная вкладка произведений художника. Стр. 8—10.

Рампа. «БЫТЬ, КЕМ РОДИЛСЯ». О своей профессии рассказывает заслуженный артист РСФСР Алексей ПЕТРЕНКО. Стр. 17.

жатва-86

ОТ ПОЛЯ ДО ЭЛЕВАТОРА

Каждый день августовской страды приносит в закрома Родины десятки тысяч тонн ставропольского хлеба. Более восьмисот уборочно-транспортных комплексов участвовали в уборке. Четко действует хлебный конвейер — от поля до элеватора.

Все колхозы и совхозы края работают нынче в условиях хозрасчета. Каждый участник жатвы заинтересован в весомом урожае, высоком качестве сбора, наименьших затратах.

Подбор валков на ставропольских нивах.

Председатель колхоза имени Ленина Кочубеевского района М. Березовский (слева) беседует с лучшим экипажем — комбайнером В. Коломойцевым и штурвальным А. Калининым.

Фото К. Тарусова (ТАСС)

В ДОБРОМ ГОРОДЕ ВИЛЬНЮСЕ

Н. ХРАБРОВА, собственный корреспондент «Огонька»

Гудит над бараками ветер.
Для нас он еще не умолк.
И нам всех дороже на свете
Запасный стрелковый наш полк...

Эти строчки родом из 1942 года, их написал семнадцатилетний лейтенант Октябрь Бурденко перед уходом на передовую — оборонять Кавказ, а позже он освобождал Польшу, штурмовал Берлин... Кто помнит 1942 год, поймет: слышать гудящий над бараками ветер значило жить, а друзья по запасному полку и по сей день, живые и мертвые, дороже всех на свете, потому что с ними тогда наутро предстояло идти в смертельный бой. Октябрь Бурденко остался жив, поступил после войны в институт, в Вильнюс на завод приехал с Украины по распределению и проработал здесь тридцать лет, сейчас — генеральный директор завода радиоизмерительных приборов имени 60-летия Октября. По военным законам он живет и поныне.

...С иголочки одетые люди охотно общались с нами и отвечали на вопросы, на которые трудно отвечать. Они были приветливы и щедры на улыбку, даже на шутку. Но вот глаза... Глаза ведь не умеют притворяться, не умеют скрыть тоску и тревогу. У каждого своя тоска, своя тревога. Красивая черноглазая девушка, инженер-программист из Чернобыльской зоны, с радиозавода «Юпитер», что был в городе Припять, Тамара Павленко рассказывает:

— Мы уезжали с надеждой на очень скорое возвращение. Я люблю свой город, он современный, прекрасно спланирован, в нем просторные и удобные квартиры и очень много детей. В апреле, накануне беды, в наших садах началось цветение. Сейчас там, конечно, розы. Если бы вы знали, какие розы у нас в Припяти...

— И какие были квартиры, дачи, гаражи,— тяжело вздыхают те, кто постарше.

Тамара Павленко останется по предложению Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов имени 60-летия Октября здесь на постоянную работу. Ей нравится этот полный очарования город. Но вряд ли захочет она когда-нибудь в жизни забыть сады Припяти в апреле...

Мы знаем, что случилась беда, и у каждого подъезда в Припяти встали автобусы — всего около 1400, и все, кто в это время беспечно оставался в городе или вернулся с дачных участков, в спортивной и рабочей одежде, не захватив ничего из своих не защищенных от радиации квартир, в два, три часа покинули город, были вывезены за пределы тридцатикилометровой зоны. Потом, в середине мая, часть из них прибыла в Вильнюс.

— Всего нас, специалистов и рабочих с радиозавода «Юпитер», приехало сюда 148 человек: 43 семьи с детьми и пенсионерами, 16 незамужних девчат и неженатых молодых людей,— рассказывает Анатолий Захарович Нагайцев, главный технолог «Юпитера».— Юпитерцы разъехались по разным городам страны, где есть радиопромышленные предприятия. Это было верно задумано, потому что зачем же людям терять квалификацию? С удивительной теплотой нас встретили в Вильнюсе! Мы беседовали с первым секретарем ЦК КП Литвы П. П. Гришкявичюсом, с членами правительства республики и в полной мере почувствовали их сочувствие и понимание.

— А где вас застал пожар?

— Спал я. В четыре утра проснулся по будильнику и поехал на велосипеде на рыбалку. Дыма не видел за деревьями. Клева не было, я долго сидел попусту, а вернувшись домой, узнал о пожаре. О чем подумал? Что это забота пожарников... Не сумел оценить нагрянувшей беды...

— Я приехала в воскресенье с дачи в спортивном костюме и с садовым ведром — так и эвакуировалась,— рассказывает работник отдела главного конструктора Людмила Дмитриевна Ефимова. Кто-то в спортивной сумке вывез замаринованное для шашлыков мясо; кто-то прихватил с собой собак и кошек; кто-то взял букеты с дачного участка. Потом наступили дни тревоги и растерянности. И снова пришла — уже печальная — собранность чувств. Зная, что дети и родственники в безопасности, жители Припяти уехали в эвакуацию по городам, в которых есть радиозаводы.

...Мы сидим в маленьком кабинете Виталия Васильевича Василенко, заместителя директора завода радиоизмерительных приборов (будем для краткости называть его так). Человек энергичный и собранный, он занимается кадровыми вопросами и сейчас сосредоточен на трудоустройстве людей.

— В дни приема чернобыльцев наши оказались на высоте,— рассказывает Виталий Васильевич.— У нас в коллективе свыше двадцати разных национальностей насчитаешь, директор наш радуется тому, что это людей не разделяет, наоборот, очень хорошо чувствуется реальная, дееспособная категория —«советский человек». Ожидая чернобыльцев, все мы почувствовали в первую очередь сущность нашей «советскости», и из «уроков Чернобыля», как принято теперь говорить, это, может быть, один из главных — урок общности нашего народа, человечности и доброты... Это очень большая сила. Откровенно говоря, она нас порадовала: за рабочими буднями, незаметно, вопреки воркотне и неурядицам, постоянно росло в сознании людей главное: мы советский народ, и если что случится...

Вот оно и случилось — «чернобыльская беда».

Первыми о приезде чернобыльцев узнали, естественно, руководители завода. Слово «эвакуация» будто давней взрывной волной ударило Октября Осиповича Бурденко. На несколько мгновений он растерялся. И сразу же распорядился собрать коллектив завода, сказал им: товарищи, такая вот беда и... «Говорите скорее, что надо». «Все, что сможем, сделаем»,— услышал в ответ.

— Я всегда любил свой коллектив,— рассказывает Октябрь Осипович,— но в ту минуту...— Он махнул рукой и дальше говорить об эмоциях не стал. Действовал директор не только с давней привычкой оперативно и смело руководить, но и с вдохновением, разбуженным сочувствием и любовью к незнакомым еще людям. Сразу был организован штаб из представителей всех подразделений завода и определено время его ежедневных совещаний —7.30 утра. Жителей молодежного общежития попросили потесниться, и они быстро освободили нужное количество комнат. Подготовили помещения в пионерлагере. Дозиметристы проверили необходимые приборы. По просьбе директора горздрав направил в заводскую поликлинику врачей-специалистов. В фонд пострадавших был отчислен дневной заработок. Денег оказалось больше, чем предполагалось, потому что многие внесли сверх дневного заработка. Для встречи на вокзале были заказаны «икарусы», молодых ребят попросили помочь перегрузить вещи. Но... вещей не оказалось. Все, соприкоснувшееся с радиационной пылью в тот роковой день через открытые окна и форточки, осталось там...

— Эвакуированные были спокойны,— рассказывал Октябрь Осипович,— не было, конечно, никакой паники, но в спокойствии чувствовалась удрученность, хотелось поскорее помочь этим людям, порадовать хоть чем-нибудь...

— Я предлагаю всем вам сделать модные короткие стрижки и приглашу парикмахеров,— сказал генеральный директор,— и в ближайшие часы мы заменим вашу одежду.

Виталий Васильевич ушам не верил: то есть как это в ближайшие часы? Но генеральный уже звонил директорам предприятий легкой промышленности, просил прийти на завод. Директора — в основном директрисы — не замедлили. В те же сутки коллективы предприятий «Рамуне», «Вилия», «Спарта», «Лялия», «Жальгирис», кожевенно-галантерейной фабрики имени Эйдукявичюса, проработав ночную смену, обеспечили прибывших бельем, трикотажными изделиями, верхней одеждой, обувью, чемоданами, сумками, зонтиками и даже перчатками. Чернобыльцы в арендованных для них автобусах ездили по магазинам и сами покупали еще кое-что из одежды и хозяйственного обзаведения. Диетологи составили оптимальный рацион питания, и лаборанты, повторяя и повторяя анализы крови, с радостью докладывали об улучшении.

— Вторник десятого июня был для меня праздничным днем,— говорил Октябрь Осипович,— именно в этот день у всех оказались нормальными анализы крови. С того момента лаборатория говорит нам только хорошее.

— Потом началось паломничество с предложениями — помочь вещами,— продолжает директор.— Я им говорю: не надо никаких вещей, у них все есть, в каждую комнату поставили новый холодильник, телевизор и эти, как их, «стенки» — ну, в которые все можно уложить и развесить.

— Как это есть?— возражали мне.— Это у нас все есть и даже лишнего много, как было и у чернобыльцев до...

В общем, в данном случае рабочие не послушались директора, стали нести все, с их точки зрения, нужное для обзаведения на новом, пусть даже временном месте. Станислав Иванович Шубин, давний работник завода, например, принес... семь комплектов постельного белья. «Накупили,— говорит,— лишнего, теперь класть некуда...» Вещей принесли много, все было «лишнее», но почему-то новое, неиспользованное.

— В те дни,— говорит Бурденко,— никто ничего не жалел для ближних. Денег было собрано много. Но не будем сейчас пересчитывать доброту на копейки, на штуки, на вес.

И все же пришлось руководителям завода пережить несколько дней огорчения. Когда чернобыльцы узнали, что придется в Вильнюсе жить дольше предполагавшегося, они расстроились. Виталий Васильевич признался:

— В первый момент было обидно: мы так сердечно приняли гостей... Но в конце концов потом мы заставили себя понять их. И они тоже многое поняли. Может быть, это было взаимное родство, возникшее во время преодоления беды,— не знаю... Но все больше заявлений стало поступать к нам в отдел кадров с просьбой предоставить работу здесь, у нас. Решила остаться семья моих однофамильцев — Василенко Борис Гаврилович и Светлана Николаевна и их дети. Савчуки остаются — Раиса и Иван. Видели, какая у них очаровательная дочурка — трехлетняя Света? Бабенко Василий с женой...

В общем, к концу июня из девяноста работающих двадцать человек вернулись в зону на восстановление АЭС, тридцать семь подали заявления на наш завод. Остальные решат свою судьбу к 1 сентября, к началу школьных занятий.

Перед отъездом я походила по заводскому Музею боевой и трудовой славы. Его общественный директор — ветеран Халхин-Гола и Великой Отечественной войны Д. И. Беспальцев вопреки правилам музейной тишины организовал тут бурную ежедневную жизнь. То ветеранов на пенсию провожают, то их внуков принимают в пионеры; выдают медали и грамоты, провожают новобранцев в армию и торжественно встречают отслуживших и вернувшихся на завод. Принимают новых людей и, посвящая их в рабочие, выдают им «Памятку», где среди многих добрых и искренних слов есть и такие: «Постоянно учитесь, узнавайте, думайте. Только тогда Ваш труд будет полезен обществу, Ваша жизнь — содержательной и интересной... Не проходите мимо нарушителей норм нашей жизни, иной раз это равносильно трусости... Честь коллектива — Ваша честь».

В музее много экспозиций с рассказами о судьбах людей необычайного воинского мужества и необычайного будничного трудолюбия. А недавно здесь появился стенд с названием «Чужой беды не бывает». Это о чернобыльцах. Пусть же хорошо им будет в цехах завода среди новых друзей, в новых квартирах, на улицах доброго города Вильнюса.

МИР ТИХОМУ ОКЕАНУ

Юрий ПОПОВ

Схема из журнала «Новое время».

Когда великий мореплаватель Магеллан вывел свои потрепанные гелеоны из бурного пролива, отделяющего Огненную землю от Южной Америки, перед ним открылась спокойная и величественная гладь неведомого до того океана. Они плыли долго, и все время океан был тих и спокоен. Магеллан так и назвал его — Тихий, мирный, умиротворенный.

Далеко не всегда этот океан был тихим, мирным. Бури проносились не только над его просторами, но и над многочисленными землями, раскинувшимися на его берегах. Эпоха великих географических открытий сопровождалась захватом обширных колоний и порабощением целых народов иноземными пришельцами. Неоднократно вспыхивали многочисленные войны за передел колониальных владений. Здесь, на омываемых океаном землях, было впервые применено против людей страшное оружие массового уничтожения — атомная бомба. Здесь уже после второй мировой войны велись кровопролитные войны против корейского народа, против народов Вьетнама, Лаоса, Кампучии. Обширная цепь военных баз была создана империалистическими державами на разбросанных по океану многочисленных островах с тем, чтобы держать в повиновении порабощенные страны и народы.

Как-то так случилось, что в последнее десятилетие проблемы стран, лежащих в бассейне Тихого океана и прилегающих территорий азиатского континента, занимали не такое уж видное место в вопросах мировой политики. Внимание государственных деятелей, общественности и прессы было больше приковано к тому, что происходило в Европе и вокруг Европы. Именно здесь начинался процесс, который получил наименование разрядки, здесь намечались пути к уменьшению конфронтации между ведущими военно-политическими группировками, существующими в современном мире. Может быть, из-за того, что Европа и в культурном, и в экономическом отношении значительно более однородна, чем, скажем, Азия или Африка, здесь стало возможным достижение Хельсинкских соглашений и возникновение самого духа Хельсинки, определяющего в значительной степени политический климат на этом материке.

Однако совершенно ясно, что если говорить о достижении прочного и стабильного мира на Земле, то его нельзя добиться без участия стран, лежащих в других регионах, и, в частности, в регионе Тихого океана и Азии.

Здесь расположены крупнейшие государства мира — Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, Индия, Китай, Япония, такие разноликие страны, как Вьетнам, Мексика, Индонезия, Канада, Филиппины, Новая Зеландия, Австралия, десятки других сравнительно небольших, а часто и просто крохотных островных государств. Все они представляют из себя весьма пестрое образование и в социально-политическом плане и в отношении культурного наследия и разнообразия религиозных верований, культурных традиций и особенностей.

Однако, несмотря на это разнообразие, в странах региона наблюдается явное стремление к укреплению единства, достижению согласия и поискам взаимовыгодных открытых связей. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, например, объединяет Филиппины, Индонезию, Малайзию, Сингапур и Таиланд, и целью ее было провозглашено укрепление экономического и культурного сотрудничества между ними. Государства этого региона, вступившие после развала колониальной системы на самостоятельный путь, понимают, что добиться прогресса своей экономики, поднятия уровня жизни населения можно лишь на путях мирного развития, создания атмосферы, свободной от угрозы войны и политической конфронтации.

К сожалению, в этом регионе действуют силы, пытающиеся втянуть страны Тихого океана и Азии в военные блоки. Империалистические державы стремятся сохранить здесь свое вековое господство, свои позиции, позволяющие им до сих пор распоряжаться природными ресурсами развивающихся стран, они всеми средствами вынуждают включиться в гонку вооружений такие страны, как Япония и Южная Корея, подстегивают рост их военных расходов. Естественно, в качестве камуфляжа этих планов империалистические державы используют старый и обветшалый жупел «коммунистической угрозы».

Те военные базы, которые созданы на Гавайских островах, на острове Гуам, на Окинаве, на островах Микронезии или острове Диего Гарсия в Индийском океане, стоили огромных денег и построены были не ради пустой забавы.

Приведу один пример. В 1971 году, когда от союзника США Пакистана отделилось в результате освободительной борьбы новое государство Бангладеш, седьмой американский флот был срочно переброшен из военной базы Субик-бей на Филиппинах в Бенгальский залив. Это была явная попытка силового воздействия на новое молодое государство и Индию, сыгравшую важную роль в тех событиях. Тогда, правда, США воздержались от прямого военного вмешательства на стороне Пакистана. Но недавние события в Ливане и в Ливии показали, что американская военщина ныне уже не останавливается перед такого рода военными провокациями.

Что касается советской политики в регионе Тихого океана и стран Азии, то она еще раз была четко определена в речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке. Именно этому вопросу была посвящена значительная часть международного раздела его выступления. Конечно, на данном этапе страны Азии и район Тихого океана не достигли той степени милитаризации, как, скажем, страны Западной Европы. Но процесс идет, и, пока не поздно, его нужно остановить. Советский Союз выступает за то, чтобы совместно с другими государствами строить в Азии и на Тихом океане новые справедливые политические и экономические отношения, развивать добрососедство и сотрудничество.

Среди неотложных мер, которые предлагает осуществить Советский Союз, находятся проблемы регионального урегулирования и создания заслона на пути наращивания и распространения ядерного оружия в Азии и на Тихом океане. Советский Союз выступает за начало переговоров о сокращении активности на Тихом океане военных флотов, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием, за сокращение вооруженных сил и обычных вооружений в Азии до пределов разумной достаточности и перевод в практическую плоскость обсуждения мер доверия и неприменения силы в регионе.

Это четкая и определенная программа создания миролюбивого климата в обширном и сложном районе нашей планеты. Она была с глубоким одобрением встречена общественностью расположенных здесь стран, их политическими и государственными деятелями. Пресса Японии, Китая, Индонезии, других стран опубликовала самые подробные отчеты о предложениях Советского Союза. Идеалы мира, добрососедства, равноправного международного сотрудничества выстраданы народами Вьетнама, Лаоса и Кампучии, заявил первый заместитель министра иностранных дел Кампучии Конг Корм, поэтому нашим странам особенно дороги и близки те миролюбивые усилия, которые предпринимает на международной арене Советский Союз.

Советские предложения просты и убедительны. К такому выводу приходит национальный секретарь Филиппинского совета мира и солидарности Антонио Парис. Какое миролюбивое азиатско-тихоокеанское государство может возражать против широкой концепции безопасности в регионе, выдвинутой Советским Союзом? — пишет он. И продолжает: в условиях антагонизма, характерного для сегодняшних международных отношений, реализация этой программы — дело трудное, однако политика СССР созвучна с настроениями и чаяниями сил, выступающих в защиту мира и безопасности. А ведь это заявляет гражданин той страны, где еще не так давно — два десятка лет назад — о Советском Союзе, его политике, о советских людях не имели, по сути дела, никакого представления. Я помню, как во время моей первой поездки в эту страну служащая банка растерянно вертела в руках мой советский паспорт и с каким-то даже страхом смотрела на меня, как на выходца с того света, как, впрочем, и другие филиппинцы, запутавшиеся в сетях американской пропаганды.

Те времена канули в вечность. Сейчас люди Земли видят, что Советский Союз твердо стоит на страже всеобщего мира. Он готов сделать все возможное для укрепления этого мира в любом регионе нашей планеты, в том числе и в районе Азии и Тихого океана. Тихий океан должен стать и мирным. Такова неотложная задача.

Юрий КАЗЬМИН

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ

ЧТО У ВАС НА ГРЯДКЕ!

ПОЛЕЗНОЕ С ПРИЯТНЫМ

ИЗ СОБСТВЕННОГО САДА

Как-то меня пригласили в гости. Еще в дороге мой попутчик, советник посольства СССР в ГДР Владимир Павлович Шадов, обещал интересную встречу, так как бывал в этой семье неоднократно.

В деревне Доссе навстречу нам вышли хозяева дома — супруги Линхен и Бернхард Карл. Оба они трудились в сельскохозяйственном кооперативе. Теперь на пенсии, но продолжают жить в трудах и заботах. Члены местного общества Союза садоводов и животноводов-любителей ГДР, они у себя на дворе в аккуратных пристройках содержат несколько инкубаторов. Супруги Карл для своих односельчан поставляют цыплят, утят и гусят, которых соседи затем выращивают.

После обеда хозяева привели нас в чистое и опрятное помещение, где вдоль стен стояли инкубаторные шкафы. Вентиляторы постоянно нагнетали в них подогретый свежий воздух. Через оконце было видно, как среди ровных рядов яиц кое-где уже копошатся крошечные пушистые птенцы.

— Нам с ними приходится непросто,— делится своими заботами хозяйка.— Видите, в каждом шкафу приборы для регистрации температуры и влажности воздуха. Практически круглые сутки вся закладка и молодняк должны находиться под контролем. И, конечно же, надолго отлучаться нам вместе с Бернхардом из дому нельзя. Приборы приборами, а глаз человека тут всегда необходим.

— Сколько же заложено яиц в инкубаторах?

— В этот раз девять тысяч куриных, шесть тысяч гусиных и шестьсот утиных яиц,— ответила Линхен.— После того как птенцы появляются на свет, мы их еще держим у себя две недели, чтобы они окрепли, набрались сил. Позже передаем птенцов членам нашего общества, которые выращивают птицу и продают государству, а сколько им нужно, оставляют себе. Дело это добровольное, но и выгодное.

Надо заметить, у членов Союза садоводов и животноводов-любителей в деревне Доссе есть даже некоторая специализация. Одни откармливают птицу, другие — свиней, третьи выращивают овощи и фрукты. Ежегодно со ста участков этого небольшого товарищества в государственную и кооперативную торговлю поступает примерно 16 тонн высококачественного гусиного мяса, три тонны говядины, около четырех тонн свинины, 14 тонн овощей и фруктов, а также другая продукция — всего на 700—800 тысяч марок.

Значительную часть произведенного жители деревни оставляют для себя.

Государство оказывает значительную поддержку членам Союза садоводов и животноводов-любителей, владельцам приусадебных участков. Их обеспечивают кормами и транспортом, выращенную продукцию точно в согласованные сроки закупают прямо на дворах и садовых участках и по таким ценам, которые заинтересовывают людей в свое свободное время заниматься делом, требующим немалого труда.

А тех, кто добивается наиболее высоких результатов, отмечают премиями и почетными призами. Именно такими призами и грамотами украшен красный угол супругов Карл.

Когда я брался за этот очерк, вспомнил своего старого знакомого, ветерана Общества германо-советской дружбы, капитана народной полиции в отставке Герхарда Гебхарда. Этот далекий от крестьянского труда человек взялся разводить кроликов. Пенсия у него хорошая, так что в дополнительном доходе он особенно не нуждается.

— Самое главное — есть интересное дело. Каждый год сдаю до пятидесяти кроликов. За килограмм живого веса кролика платят двенадцать марок,— объяснил Гебхард.— Внукам помогаю.

Ежегодно он получает сумму, равную четырем его месячным пенсиям!

Герхард Гебхард, несмотря на пенсионный возраст,— бравый розовощекий мужчина, веселый и энергичный. И я подумал: никакая поликлиника не заменит такую естественную профилактику от болезней, как посильная работа на свежем воздухе в своем саду-огороде.

В ГДР больше десяти тысяч садоводческих товариществ, объединяющих 766 тысяч участков (сюда входят и крестьянские приусадебные участки, и садово-огородные участки горожан). Доля индивидуальных хозяйств в государственных закупках в прошлом году составила: мяса — 13 процентов, шерсти — 31 процент, яиц — 36 процентов, фруктов — 33 процента и овощей — 11 процентов. Снабжение населения мясом кроликов и медом почти полностью обеспечивают индивидуальные хозяйства.

Захотелось более подробно разобраться в деятельности Союза садоводов и животноводов-любителей ГДР, и я договорился о встрече с первым секретарем Центрального совета этого общества Эрвином Вегнером.

Мой собеседник начал свой рассказ с объяснения, что производство овощей или, скажем, меда, яиц не является самоцелью их союза. Если есть излишки, государство их охотно закупает. Но никто не принуждает людей сдавать какую-то норму урожая со своих крохотных участков. Главная цель Союза садоводов и животноводов-любителей — способствовать здоровому отдыху трудящихся.

Идея создания организации садоводов и животноводов-любителей ГДР восходит к временам столетней давности, когда рабочие, чтобы как-то поддержать свое здоровье после изнурительного труда в дымных цехах, создавали небольшие загородные колонии для выращивания овощей и разведения кроликов. Как правило, землю для этих целей им отводили самую бросовую, которая уже не обладала никакой ценностью для сельского хозяйства и не годилась для строительства загородных вилл.

В условиях социализма любительство получило качественно новое отличие. Государство теперь выделяет участки в живописных, удобных для отдыха трудящихся местах, рядом с транспортными магистралями. Промышленные предприятия и организации помогают садоводам в благоустройстве территорий, строительстве линий электропередач, дорог, водопроводов.

Союз садоводов и животноводов-любителей был создан в 1959 году. В него вошли и многие владельцы индивидуальных домов, при которых есть приусадебные участки, а также те, кто увлекается разведением экзотических птиц и животных, служебных и домашних собак, спортивных голубей. Существуют секции и отделения по увлечениям и интересам. В каждом округе и районе республики общество имеет свои отделения.

Дважды в месяц выходит хорошо иллюстрированный журнал «Гартен унд кляйнтирцухт». Название это можно перевести на русский так: «Сад и разведение мелких домашних животных». Есть еще ежемесячные издания для собаководов и голубятников. Тираж первого журнала весьма высок для ГДР — 760 тысяч экземпляров.

Союз садоводов и животноводов-любителей ГДР действует в рамках Национального фронта. Государственные органы не вмешиваются в жизнь товариществ, они просто оказывают им различную помощь.

Государство заинтересовано в том, чтобы и с небольших участков населению поступало больше свежей продукции, особенно такой, которую пока еще трудно получать в массовых масштабах и которая требует много ручного труда. Например, мяса кроликов, гусятины, меда, некоторых сортов зелени. Но свою заинтересованность государство проявляет не административными методами, а гибкой политикой цен, активной помощью в транспорте, в обеспечении кормами, квалифицированными консультациями специалистов.

На продукцию садовых участков установлены единые закупочные цены, и никто не вправе занизить или завысить их. Цены дифференцируются в зависимости от качества, свежести продукции; она не облагается налогами, на ее производство не устанавливается какой-либо регламент. Единственное ограничение — если вы разводите ценные породы пушных зверей, их число не должно превышать положенных норм.

И все же, зачем была создана любительская организация в масштабах республики? Почему бы не обойтись без нее, доверив дело профсоюзам? На эти вопросы мне дали такой ответ:

— Мы убедились, что со временем в коллективах садоводов очень мало остается людей, связанных с тем производственным коллективом, который основывал товарищество. Люди меняют работу, уходят на пенсию, членами общества становятся их дети, как правило, занятые в других отраслях. Но и это не самое важное. Организация в масштабах всей ГДР нужна для квалифицированной помощи в грамотном ведении садоводства и любительского животноводства. При необходимости союз выступает как защитник прав садоводов. Например, при переносе участков. Хотя такое случается редко, но каждый раз принимается специальное решение. Скажем, если земля общества отводится под новый буроугольный разрез, тогда местная организация садоводов и животноводов-любителей контролирует, чтобы членам товарищества за год до переселения предоставили равноценную земельную площадь, построили к ней дорогу, провели воду и электричество. Все эти ра-

боты выполняются на средства и силами той организации, которая приобрела бывшие участки садоводов.

В беседе с Эрвином Вегнером экономические и правовые вопросы оказались в центре внимания.

— Я хочу еще раз заметить,— сказал он,— главная цель нашего общества — организация здорового досуга трудящихся. У нас высокоразвитое сельское хозяйство, и республика не нуждается столь остро в продукции с любительских участков. Сад — не источник средств существования, но, возделывая его, можно жить лучше. Кто хочет, может заниматься только декоративными растениями и цветами. Но Союз садоводов и животноводов-любителей проводит среди своих членов своего рода идейно-политическую работу, которая нацеливает товарищества на полезное использование земли,— ее в нашей республике не так уж много: на душу населения приходится всего 0,37 гектара сельскохозяйственной площади. Поэтому мы выдвинули лозунг: «С каждых ста квадратных метров участка — сто килограммов овощей и фруктов ежегодно». Это только наше пожелание. Люди сами решают — продавать урожай или использовать в своей семье. Мы, конечно, всегда идем навстречу тем, кто хочет продать.

Вместе с государственными и кооперативными торговыми организациями Союз садоводов и животноводов-любителей ГДР в каждый сезон создает более 20 тысяч закупочных пунктов. Их задача — вовремя обеспечить садоводов тарой, чтобы свежая продукция, не утратив своих качеств, дошла в города и поселки, детские сады и больницы, в рабочие столовые и школы.

Есть и другие формы закупки — например, оптовая, по договору. Садоводы имеют право продавать излишки в городах на специально отведенных для этого площадках. Тут они могут реализовать плоды своего труда с десятипроцентной накидкой. Но это случается редко, так как люди здесь дорожат своим временем и предпочитают иметь дело с закупочными пунктами на местах. Некоторые товарищества заключают прямые договоры с магазинами и столовыми. Последние берут на себя обязательство все выращенное вывезти в срок.

Союз садоводов и животноводов-любителей ГДР поддерживает тесные связи с Академией сельскохозяйственных наук и другими исследовательскими центрами республики. Вместе с ними общество издает массу полезной литературы, организует курсы повышения квалификации, ведь большинство его членов — горожане. Большую помощь от своей организации садоводы получают при обеспечении саженцами, семенами.

Кого принимают в общества? Всех, кто желает,— и горожан, и крестьян, но предпочтение отдается лучшим труженикам. Их принимают по рекомендациям партийных и профсоюзных организаций. Пока что желающих получить такие участки больше, чем их выделяют. Это и понятно, в республике, как уже сказано выше, все сельскохозяйственные угодья находятся на строгом учете.

г. Берлин.

письма на контроле

«ПРОСИМ ВМЕШАТЕЛЬСТВА РЕДАКЦИИ...»

Ровно два года назад, в августе 1984-го, ленинградка Н. Кириллова, участница Великой Отечественной войны, инвалид 1-й группы, обратилась в редакцию за помощью. «Просьба Кирилловой об улучшении жилищных условий будет рассмотрена на заседании медицинской комиссии Невского райсовета в 1985 году»,—сообщил «Огоньку» заместитель председателя горисполкома И. Я. Попов. Минул год. Дополнительного ответа редакция не получила и посчитала себя вправе проверить, что же решила комиссия. Оказалось, вопрос откладывается и «будет рассмотрен медицинской комиссией райисполкома в 1986 году». Как говорится, горисполкому виднее. Речь сейчас не об этом. Речь о том, почему потребовался второй запрос редакции. И к тому же непонятна сама формулировка: значит ли, если «вопрос будет рассмотрен», то Н. Кириллова получит квартиру? Почему не объяснили причину столь длительной отсрочки? Вот уж поистине обещанного три года ждут... Правда, последний ответ пришел уже за подписью другого заместителя председателя исполкома, А. Я. Авдеева, прежний ушел на пенсию. Создается впечатление, что новое руководство не следит за обещаниями предшественников, а выполнять и проверять их необходимо хотя бы потому, что медкомиссия, как мы выяснили, позвонив в Ленинград, собирается раз в году.

Хотя каждое третье письмо в «Огонек» начинается словами: «пришлите корреспондента»,— выполнить эту просьбу мы можем только в исключительных случаях, если редакция решит, что затронутый вопрос может вызвать интерес большинства читателей. Обычно же пересылаем письма в соответствующие инстанции с просьбой рассмотреть жалобу с выездом на место и поставить в известность «Огонек». После чего ждем конкретного ответа о принятых мерах: факты подтвердились, письмо обсуждено в трудовом коллективе, фамилии виновных названы, и нашему читателю оказана такая-то и такая-то помощь. Или, наоборот, факты не подтвердились и следует обоснование и доказательство тому, что искажено в письме.

Увы, бывает и иначе. Часто, слишком часто приходят формальные отписки, не выдерживаются сроки ответов, за скупыми строчками исчезает существо дела, как исчезает оно порой и за пространными объяснениями.

Рассматривая жалобу В. Худняка, пересланную «Огоньком», председатель Черновицкого горисполкома П. Каспрук сообщил, что живет, мол, заявитель в однокомнатной квартире (правда, Худняк писал, что в сырой, полуподвальной): «Имеется кухня, в которой расположены ванная и туалет. Отопление печное, газом. Вход в квартиру осуществляется по лестнице на первый этаж и затем во двор (всего 35 ступеней), что создает неудобства для Худняка и его жены, которые являются инвалидами 2-й группы общего заболевания и вынуждены пользоваться костылями». «Из-за единого квартирного учета,— читаем дальше,— очередь передвинулась с № 7 на № 19».

Исполком признает, что одолевать 35 ступеней на костылях, мягко говоря, неудобно. Но что же сделано? Положение только ухудшилось, и ухудшение объясняется тем, что «заявитель первоочередником не является и льгот не имеет».

Мы, конечно, не знаем истинного положения дел с жилплощадью в Черновцах, и потому нам трудно понять, что же вдруг отодвинуло очередь этих больных людей. Но как раз в обязанности представителей исполкома входит прийти к Худнякам и объяснить им, соблюдая принципиальность и гласность, как сегодня требует время и партия, кто и по каким причинам оказался впереди их на очереди.

То же самое необходимо сделать и по отношению к штукатуру из Геленджика А. Прониной, которая без мужа воспитывает двух детей и проживает вместе с матерью в одиннадцатиметровой комнате. Общая очередь № 477, льготная № 10. Но и льготная очередь растянулась на три с половиной года и за три с половиной года, увы, так и не сдвинулась с места.

Гласность и еще раз гласность, говорим мы сегодня, и кому, как не представителям Советокой власти на местах, проводить это требование времени в жизнь. Только при этом условии очередники поверят, что есть люди, которые оказались в еще более тяжелом положении, и будут иметь обоснованную необходимость ждать. Привычная же практика умалчивания рождает кривотолки, недоверие, обиды.

Жилищный вопрос — самый острый в нашей почте, и не потому ли, что в некоторых исполкомах его решают формально: закон соблюден, ответ заявителю дан в письменной форме,— не поэтому ли многие читатели пишут сразу в «Огонек», минуя исполнительный орган, облеченный высокими полномочиями решить вопрос на месте, без вмешательства редакции?

И тем не менее ни одна жалоба, полученная «Огоньком», не остается без внимания. По нашим сигналам обсуждают письма в исполкомах, в трудовых коллективах, администрация предприятий, министерства и ведомства. Мы загружаем почтовую связь, телеграф, телефонные линии, словом, в работе с письмом занято много людей. И поэтому особенно досадно, когда вы, наши читатели, бросаете в почтовый ящик необоснованную жалобу, видимо, надеясь, что по письму будут приняты меры без проверки. Телятница Н. Яшина из совхоза «Дивеевского» Горьковской области просила «пропесочить» руководство совхоза, повинное в плохом содержании телят и в ее увольнении якобы за выступление с критикой в адрес руководства. Письмо из «Огонька» рассматривали с выездом на место, на общем собрании животноводов. Секретарь Дивеевского райкома партии А. Маринин сообщил, что сигнал был ложный, факты не подтвердились, а Яшина на собрание не явилась. Также не явилась на разбор своей жалобы Т. Рыданова из села Чучкова Рязанской области, написавшая о беспорядках в общежитии, требуя наказания всех и вся. При проверке выяснилось, что «Рыданова ведет недостойный образ жизни. Жильцы общежития обратились с жалобой на нее в РОВД. В апреле этого года Рыданова была оштрафована за мелкое хулиганство на 20 рублей».

Готовя эту публикацию, мы послали письма и телеграммы некоторым читателям, жалобы которых стояли у нас на контроле. «Работа по монтажу рентранслятора в селе Азильта не ведется. Поэтому просим вмешательства редакции. Рамазанов, Идрисов и другие». Такая пришла телеграмма. А Цунтинский райисполком Совета народных депутатов уведомлял редакцию, что ретранслятор в селе Азильта Дагестанской АССР будет введен в строй во втором квартале текущего года.

Или еще письмо: «Ответ Министерства связи УССР, направленный «Огоньку» и мне, по своей сути самая настоящая отписка»,— сетует Ю. К. Крангач из Кировограда, сообщавший о несвоевременной доставке почты, в том числе и «Огонька». И продолжает: «Мне думается, что тов. Гурьевич Вере Андреевне, которой было поручено разобраться и подготовить ответ Министерству связи УССР по моему письму, следовало в первую очередь встретиться со мной лично вопреки всем неудобствам, побеседовать, а не ограничиться телефонным разговором и обещанием «держать вопрос на личном контроле». Правильно вам думается, Юрий Константинович.

Помните, вначале мы говорили о конкретных ответах, которые приходят в редакцию? Вот ответ заместителя начальника Главного почтового управления Министерства связи УССР В. Г. Бизиной, пришедший кировоградцу Ю. К. Крангачу: «Огонек» не доставлен по вине почтальона Л. Алексеенко, жалоба обсуждена, положение исправлено, за причиненные неприятности нашему читателю принесены извинения».

А на деле? «С 16 по 19 июня почта вообще не доставлялась. Сегодня уже 23-е число, а газеты за 16-е и 17-е так и не получены, не получен и «Огонек» № 23. Хочу еще раз подчеркнуть, какова цена «усиленного контроля» за работой пятого отделения связи со стороны руководства Кировоградского почтамта. Решения партии и правительства о коренном улучшении работы во всех отраслях народного хозяйства у наших связистов пока не вызвали никаких сдвигов»,— заканчивает письмо Ю. К. Крангач.

Подобный факт в нашей переписке не единственный. Между тем дело, которое мы, сотрудники журнала, и вы, товарищи на местах, делаем сообща, есть дело общее, государственное. И в решении проблемы читатель — журнал — исполком или ведомство главными условиями должны быть: взаимное доверие, принципиальность, гласность и конкретный результат.

Чтобы, закрывая жалобы, поставленные на контроль, «Огонек» получал ответы, как эта телеграмма из Иванова: «Телефон установили 26 июня. Благодарю. Ветеран труда, участник войны Волков Петр Яковлевич».

ОТДЕЛ ПИСЕМ И МАССОВОЙ РАБОТЫ

АЛКАШИ ШТУРМУЮТ АПТЕКИ

Стали ли пить меньше пьяницы? Увы, не везде. Во всяком случае, трое знакомых мне пьяниц, экзотическая достопримечательность нашего дома, норму свою не снизили, а может быть, и повысили. Это семейная пара, уже пенсионеры, открывшие продажу водки у себя на квартире, естественно с наценкой за тяжкий труд ежедневного стояния в очереди в винный отдел соседнего «Гастронома». С ними за компанию любимец местных кумушек, спьяну потерявший ногу под трамваем. В легком подпитии сидит он у подъезда, собирая вокруг себя импровизированный «пресс-центр», где обсуждаются все дворовые новости.

Официальные данные говорят о сокращении потребления спиртных напитков на душу населения. А не занижена ли эта статистика?

Частыми посетителями аптек стали не только больные, но и алкаши, стремящиеся приобрести спиртовые растворы и настойки, даже резоль используется не для ращения волос, как назначено, а все для того же — затуманивания мозгов.

Мне кажется, что с пьянством кое-где борются робко, нерешительно. Тут нужны более строгие действенные меры. Особенно важно решить проблему досуга молодежи, создать индустрию развлечений. Главное же, надо решительнее бороться с пьяницами, где бы они ни встречались у нас на пути.

Д. АРХИПОВА,
инженер-экономист

Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. О недостаточности принимаемых мер по борьбе с алкоголизмом пишут и другие читатели, пишут, как мало еще мы продвинулись в искоренении этого зла после Указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Но есть письма, рассказывающие о том, что там, где широко используют самые разные меры воздействия на пьяниц, где умело организуют досуг трудящихся, алкоголизм пошел на убыль. Об этом, в частности, рассказывает директор Бутовского химического завода Аркадий Иванович Вербо:

— Чего греха таить, пьяный в цеху, прогулы из-за пьянки были у нас не редким явлением. Сейчас картина резко изменилась. Сократились прогулы, и это сказалось на выполнении плана, день получки перестал быть для нас «стихийным бедствием», нормализовалась чисто производственная деятельность нашего предприятия, заметно повысилась производительность труда, улучшился микроклимат в коллективе. Для нас, производственников, Указ о борьбе с пьянством — просто благо. Хотя еще далеко не все рычаги пущены в ход.

ИСПЫТАНИЕ НА ВЫЖИВАНИЕ

Работая более семи лет на БАМе и ежегодно пользуясь железнодорожным транспортом, давно хотела написать о беспорядках, царящих на линии Москва — Тында. Побудила меня взяться за перо заметка в «Огоньке» (№ 26 за 1986 г.) «Внимание: транссибирский экспресс». Речь шла о поезде «Россия». Руководство пообещало заменить там постельное белье. Как вы думаете, куда оно пойдет, как и другой списанный с этого фирменного поезда инвентарь? Уверена, многое окажется в поезде Москва — Тында. С лета 1980 года на этом поезде я с семьей довольно регулярно езжу. И каждый раз испытываю огорчения. А ведь путь долгий — более семи тысяч километров.

Очень остро стоит проблема питания. Пассажиры мечутся по перронам станций в поисках съестного, больше надеясь не на киоски (в них хлеба даже не бывает), а на «сердобольных» бабок, у которых классическая цена на все — 1 рубль. И за три картошки, и за 2 огурца, и за бутылку молока непонятного происхождения. Титаны в вагонах часто не работают. После поездки, когда грязный, полуголодный, изможденный тряской (особенно хорошо «укачивает» пассажиров в так называемых длинносоставных поездах, о которых с восторгом говорил начальник Главного пассажирского управления МПС СССР Б. И. Торба в «Комсомольской правде» за 3 июня 1986 г.), измученный пересадками, доезжаешь до родных и друзей, они в ужасе шарахаются и спрашивают: «Вас что, на выживаемость проверяли?» Да, проверяли, и мы выдержали.

Мне могут сказать: «Хотите комфорта — покупайте билет в «СВ»». Я покупаю. Третий год. Как только эти вагоны стали подавать на линию Москва — Тында. Ездила и в этом году, 18 июня. Так вот: титан в нашем «СВ» не работал, в моем девятом купе прорвало трубу, купе затопило (в результате некоторые вещи испорчены). Правда, проводница Света нас переселила в другое купе, а кипяток носила из соседнего вагона. Но я хочу спросить: почему, несмотря на стопроцентное подорожание (в 1984 году я доплачивала за «СВ» по разовому железнодорожному билету 36 рублей, в 1985-м — 45, а в этом году — 89 рублей), сервис тут прежний? Мне как преподавателю основ Советского государства и права непонятно, почему они так неравноправны — пассажир и железная дорога. Я плачу за билеты, комиссионные (непонятно, за что), доверяю железной дороге свое здоровье, жизнь, имущество, а взамен — почти ничего. Думаю, что если бы руководители МПС СССР чаще сами ездили как простые пассажиры (а не в спецвагонах), то перестройка шла бы быстрее и лучше.

Н. ПАЛАМАРЧУК, педагог

Тында.

ЕСЛИ БЫ ВЫ БЫЛИ РЕДАКТОРОМ

РЕПОРТАЖ ИЗ ПУНКТА ПОДПИСКИ

Не скажу, что в первый день подписки почтовые отделения Алма-Аты ломились от народа. Это и понятно. Впереди еще достаточно времени, чтобы сделать тот или иной выбор. И все-таки я ждал и надеялся, что встречусь со своим читателем лицом к лицу. Потому что одно дело — писать для воображаемого, так сказать, среднестатистического читателя, и совсем другое — увидеть воочию, каков он хотя бы внешне, какого возраста, кто по профессии. Почему он выписал именно то издание, а не другое? Все это для журналиста не праздные вопросы, и потому я ждал. Но пока все шел не огоньковский читатель. Впрочем, почему бы не задать парочку вопросов и ему.

Вот молодой парень, только что выписавший «Декоративное искусство». Знакомимся. Аманбай Ибраев, художник-оформитель:

— В прошлом году я получал ваш журнал, поскольку в «Огоньке» часто печатаются материалы о художниках и цветные вкладки с их картинами. Но полиграфическое качество публикуемых картин ниже всякой критики. И мне бы хотелось видеть не только признанных мэтров, классиков живописи, но и работы молодых художников, вызывающих спорные мнения. Этого в «Огоньке» я не нашел, потому нынче его и не выписываю...

Петр Иванович Колесов, 39 лет, преподаватель:

— «Огонек» читаю, но от случая к случаю. Никогда не выписывал. По-моему, официальный раздел и политический комментарий, открывающие каждый номер, неинтересны, неактуальны. Возможно, это происходит потому, что «Огонек» приходит в Алма-Ату с двухнедельным опозданием после описываемых событий...

Ну что же, эти мнения наводят на определенные размышления... А вот, наконец, и наши подписчики, которым я задавал лишь один вопрос: «Каким бы вы хотели видеть «Огонек», если бы были его редактором?» Вот какие получились ответы.

Михаил Павлович Духовников, бывший экономист, ныне пенсионер:

— Выписываю «Огонек» с 1939 года. Это мой журнал, я уже не могу без него. Нравится его разнообразие: тут и информация, и цветные вкладки, и фоторепортажи из разных точек страны, и детектив, и интервью с интересными людьми, и хитрый кроссворд... К сожалению, редко вы балуете хорошим рассказом, а романы печатаете одновременно с публикацией в толстом журнале, иногда даже позже, как это случилось с «Выбором» Бондарева. Неужели у вас нет собственной гордости? Хочется, чтобы читатель чаще говорил: «Это можно прочитать только в «Огоньке».

Бекбулат Акшалович Турысжанов, подписчик «Огонька» с 1972 года:

— По казахскому обычаю семья у нас немаленькая, но в журнале каждый находит для себя что-то интересное: кто о спорте, кто о людях интересной судьбы, кто о художниках... Плохо, что политические новости, как правило, опаздывают, тяжело также читаются длинные романы с продолжением, а новых Чеховых не видно. Нечастые гости на страницах «Огонька» национальные писатели...

Василий Иванович Штатнов, монтажник, подписчик «Огонька» с 20-летним стажем:

— Для меня журнал — это окно в разнообразный мир. Прекрасны фотографии (даже интереснее картин бывают), захватывают детективы с продолжением, в общем, недостатков не нахожу, а иначе бы не выписывал.

Спицын Андрей Николаевич, строитель:

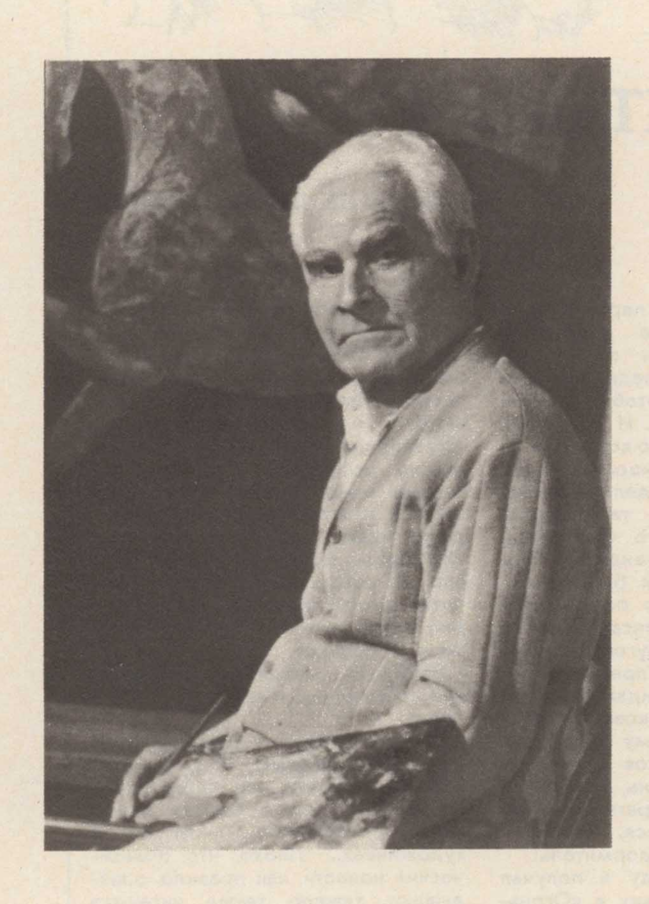
— Подписался на «Огонек» второй раз, хотя твердого отношения к нему еще не определил. Одно мне ясно — журнал такого типа единственный в стране. К сожалению, полиграфическое исполнение не всегда на высоте, а первые обложки бывают излишне слащавы и сентиментальны. Журнал хорош тем, что все чаще рассказывает об интересных, сложных личностях. Это делает его современным. Так бы почаще...

Ну что же, спасибо всем за эти короткие интервью-пожелания. Из них следует простой, но, пожалуй, главный вывод: чтобы нас читали, надо писать интереснее и об интересном.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

ОЧАРОВАННОЕ ИСКУССТВО

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

«По картинам Гудиашвили вы полюбите Грузию»,— писал французский искусствовед М. Рейналь. Мир Ладо Гудиашвили сложен, причудлив и глубоко национален. Художник раскрывает перед зрителем далекое прошлое грузинского народа, пишет жизнь современной Грузии, создает портреты-символы и картины быта старого Тбилиси, аллегорические, мифопоэтические, фантастические полотна, острогротескные антифашистские графические листы.

Истоки творчества Героя Социалистического Труда, народного художника СССР Владимира Дмитриевича Гудиашвили (1896—1980) — в древнем грузинском искусстве. Его духовным учителем был Нико Пиросманишвили. Художник-гуманист прошел длинный и сложный путь. Один из основоположников изобразительного искусства Советской Грузии, он отдал свой талант человеку, красоте и гармонии жизни.

Искусство Ладо Гудиашвили озарено художественными исканиями зари XX века. Молодости мастера посвящен этот очерк.

«8 апреля 1982 года Международный астрономический союз присвоил имя Гудиашвили малой планете № 2595, открытой Рихардом Вестом».

Летопись жизни и творчества Ладо Гудиашвили.

В первом номере ежемесячника искусства и литературы «ARS», вышедшем в Тифлисе в 1919 году, напечатана репродукция одной из работ молодого Ладо Гудиашвили. Интересно перелистать сейчас этот давно ставший библиографической редкостью журнал. Статья о творчестве Анны Ахматовой, заметки о концертах в Тифлисе пианистов Иосифа Гофмана и Сергея Рахманинова, стихи Вал. Гаприндашвили, Ю. Дегена, С. Городецкого, Тициана Табидзе, публикации работ талантливого польского художника Сигизмунда Валишевского, жившего тогда в Грузии. И вот в разделе «Художественная летопись» заметка «Выставки в 1918 году», как бы комментирующая публикацию картины Гудиашвили: «...Если 17-й год раскрыл нам блестящее, хотя еще не осознанное творчество Кирилла Зданевича, то 18-й год подарил нам В. Гудиашвили. Выставка его картин, устроенная совместно с А. Бажебук-Меликовым в Артистериуме, была одной из первых побед грузинской живописи. Во Вл. Гудиашвили любопытно соединились пассеизм и футуризм, понимая под первым вчувствование в национальную старину в духе Рериха и под вторым — умеренное пользование новейшими приемами письма. Надо пожелать, чтобы размеры задачи, взятой на себя Гудиашвили, не помешали планомерному развитию его несомненного таланта».

Октябрь 1917 года эхом отозвался в Закавказье. И пусть многие художники и поэты еще не отдавали себе ясного отчета в значении свершившегося в Петрограде события, но как бы интуитивно чувствовали величие наступавшей эпохи, ощущали огромный прилив творческой энергии. Период до установления Советской власти на Кавказе в 1921 году был временем выбора пути представителями передовой грузинской интеллигенции, к которой принадлежал Ладо Гудиашвили.

Как и бунтарская поэзия молодого Маяковского, искусство Ладо Гудиашвили могло сложиться только в преддверии величайших социальных перемен, оно было одухотворено приближением новой исторической эры, в которую полностью раскрылся его талант.

То было сложное и интересное для грузинского искусства время. Организовалась группа поэтов-символистов, причудливо названная «Голубые роги». Галактион Табидзе, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили и их единомышленники живо впитывали и трансформировали в своем творчестве мотивы русского и западного символизма, слитые с национальной грузинской, восточной традицией.

Розу Хафиза
Я ставлю в вазу Прюдома,
В саду Бесики
Цветы сажаю Бодлера;
Все, что притянет
Мой взгляд на пути незнакомом,
В стихе грузинском
Найдет свой голос и меру —

так писал Тициан Табидзе. Нет, они не стремились к эффектной эклектике, а искали пути к новому звучанию грузинского стиха. Тот же Тициан Табидзе, говоря о новой школе поэзии, отмечал, что ее представителями были введены в грузинский стих слова, из него изгнанные или ранее не употреблявшиеся, «рифма нашла новый простор, обновился ритм стиха. Мы впервые начали разрабатывать свободный стих, по-новому использовать аллитерации и ассонансы». Одновременно с голуборожцами в Тбилиси активно работали, печатались, выпускали книги и журналы известные русские поэты, и среди них Сергей Городецкий, друг А. Блока, один из столпов акмеизма. Он организовал в столице Грузии Цех Поэтов, много выступал как художественный критик, одним из первых отметил своеобразный талант молодого Ладо Гудиашвили.

Имя художника было уже известно среди кругов грузинской интеллигенции, когда он сблизился с поэтами-голуборожцами и членами Цеха Поэтов. Поиск своего места в искусстве вел и Гудиашвили по пути освоения новых форм живописи. Он отдавал дань поискам футуристов, символистов, представителей других новейших течений, но незыблемой оставалась национальная основа его таланта. В бурной, насыщенной духовной жизни Тифлиса Гудиашвили играет все бóльшую роль. Его можно видеть на диспутах и обсуждениях тенденций развития грузинской и мировой культуры, он много работает во всех жанрах, его выставки становятся событием художественной жизни.

На долгое, своеобразное творчество Ладо Гудиашвили оказало несомненное благотворное влияние его знакомство с древней грузинской стенной живописью и традицией грузинской миниатюры. Увлечение прошлым явилось на рубеже веков и в начале XX века одним из знаков нового искусства. В России во главе движения встал журнал «Мир искусства», наиболее ярко выразилось оно в произведениях А. Бенуа и Н. Рериха. Трогательное, любовное отношение к памятникам старины, осознание их как необходимой составляющей культурной среды, приравнивание создания человеческого гения к творениям природы были характерны для живописи и для поэзии. Не обошло это движение стороной и Грузию. В так богатое древними архитектурными шедеврами Закавказье отправлялись архитекторы, художники, искусствоведы для снятия копий с фресок, зарисовки и исследования древних памятников. В Тифлисе большое внимание привлекали выставки участников таких экспедиций.

Среди них была экспозиция копий древнегрузинских фресок, выполненных Ладо Гудиашвили во время поездки в юго-западные районы Грузии с целью изучения храмов, монастырей, стенной живописи. Именно в этой экспедиции, обмеряя, зарисовывая, копируя интересовавшую его стенопись, Гудиашвили приник к великому и вечному источнику народного искусства. И еще одно знание вынес из экспедиции молодой художник. Историк и археолог профессор Э. Такайшвили открыл ему мир древних миниатюр. Он «поведал мне,— писал Гудиашвили,— столько интересного о древней грузинской миниатюре, что я тотчас по возвращении в Тбилиси принялся за изучение иллюстрированных рукописей. Я очень обязан миниатюрам, они дали ключ к более выразительному изображению национальных особенностей в моем творчестве».

Добавим, что это знание неоценимо помогло художнику, когда в расцвете своего таланта он иллюстрировал гениальную поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Гудиашвили последовательно шел к тому синтезу грузинских национальных традиций и новейших течений в русском и европейском искусстве, который в дальнейшем и определил во многом его судьбу. На этом пути, пожалуй, важнейшим этапом стал цикл картин, посвященных жизни колоритных тбилисцев — кинто. Он погружается в полуфантастический, полусказочный, но такой национально обостренный мир предреволюционного тбилисского быта. Сюжеты этих картин, казалось бы, подчеркнуто-ординарны — веселящиеся гуляки-кинто, продавец рыбы и вновь кутящие в духанах, на природе, на фаэтоне мужчины и женщины. Но почему так невесел колорит этих полотен, в глазах многих героев застыла неприкрытая скорбь, а удлиненные линии фигур исполнены истинного трагизма? Умение за внешним проявлением веселья и бесшабашности увидеть печаль и тоску, подлинное людское горе, смелые попытки проникнуть в глубину сложнейших социальных движений, человеческих характеров, понять и пластически передать время, сформировавшее этих людей,— вот в чем отличие реалистического символизма картин цикла «Кинто». Не случайно чуткие критики проводили аналогию между этими картинами грузинского художника и трагическими городскими стихами А. Блока, где в бытовые эпизоды вложен глубокий смысл-символ.

Одна из сильнейших картин цикла — «На окраине города» внутренне удивительно перекликается с блоковской «Незнакомкой». За внешне обычной бытовой сценой живописец разгадал глубокий смысл. Стоит взглянуть на освещенное лицо падшей девушки с глазами святой, чтобы понять всю глубину обычной уличной трагедии, так целомудренно-чисто и проникновенно раскрытой художником. Ладо Гудиашвили в своих картинах о старотбилисской богеме уловил то, «что сознанию выговаривал воздух» в первые годы нового века. В этих полотнах он поднялся до всечеловеческих обобщений, обнажил трагедию, неудовлетворенность, чистоту, открытое сердце и отчаяние людей «на переломе». Но эти картины могли появиться именно в Грузии. Они поведали о людях, с веселой бесшабашностью встречающих удары судьбы, за смехом скрывающих слезы, раскрыли национальный характер героев.

Вот полотно «Рыба цоцхали». Перед зрителем действительно раскрывается «своеобразная энциклопедия жизни старотбилисской богемы». Мастерски скомпоновал художник фигуры кутящих гуляк-кинто на фаэтоне, запряженном парой белоснежных коней; крохотный духанчик с завсегдатаями, сидящими за столиком; фигуру продавца рыбы цоцхали. Вся сложная, поистине музыкально звучащая композиция подчинена трем центральным образам — мужественных людей, сомкнувшихся плечом к плечу, почти слившихся воедино, в один темный силуэт. Печаль, отвага, веселье, скорбь читаются на лицах трех братьев-кинто. И именно обостренный психологизм, сочетающийся с точностью и красотой воспроизведения быта, дает поразительный эффект.

В цикле картин «Кинто» прихотливо и так характерно именно для Л. Гудиашвили сплелись традиции древнегрузинской фрески с ее монументальностью, некоторой жесткостью, стремлением к обобщению и черты новейшего искусства с его поиском форм, чутко уловленные молодым художником. Он смело деформирует силуэт, дерзко вводит в мрачный колорит картин яркие, контрастные детали — красный платок, синий отворот архалука, алый треугольник рубахи, неожиданно освещающие композицию. Все это многообразие пластических приемов подчинено одной, главной задаче — раскрытию стихии народных характеров, тайн своеобразной причудливой жизни, которой живут герои.

Полотна «Кинто» были показаны в Тифлисе на выставке картин грузинских художников. Выставка открылась 4 апреля 1919 года. В тот же день в газете «Кавказское слово» появилась статья «Выставка художников грузин», написанная Сергеем Городецким. Поэт и критик проницательно уловил основные черты творческого облика «сложного художника» Ладо Гудиашвили. «Две традиции его творчества,— писал он,— легенда и быт,— наметившиеся уже в прошлом году, великолепно определились в новых работах. Фактура его картин окрепла, контур стал сильнее, задачи колорита разрешаются теперь сознательнее, и потому музыка линий стала еще очаровательнее. В этом его можно сравнить с Боттичелли, который тоже свои живописные задачи разрешал на канве певучего контура... Черный контур у Гудиашвили явно важен, он первый бросается в глаза зрителю, и потому предварительная подготовка зрительного ощущения у него сильнее, что позволяет ему чисто колоритные задачи разрешать упрощенно. Гамма его красок скупа, вкус к цветовым эффектам сдержан, и оттого так выразительны у него детали... Просветленная мрачность — вот перевод на язык слов его колорита. И это одинаково заметно и в его мифологических картинах, и в бытовых, и в группе символических портретов... Вообще за год работы Гудиашвили показал серьезное движение вперед, и, конечно, далеко еще не исчерпав своих сил, все же сейчас находится в расцвете своего оригинального, глубоко национального таланта».

На этой выставке картины Гудиашвили были показаны рядом с работами Нико Пиросманишвили, чье творчество до той поры привлекало лишь немногих знатоков, почитателей его таланта. Пиросманишвили в его созданных на клеенках вывесках-фресках инстинктивно угадал тот колорит и музыку линий, которые расцвели на полотнах Гудиашвили.

Он очень интересовался работами гениального самоучки Пиросмани, образ народного художника прошел через всю творческую жизнь Гудиашвили. В ранней молодости Ладо отправился на розыски бедствующего Пиросмани и нашел его больным, в жалкой каморке под лестницей. Здесь же были нехитрые принадлежности художника — клеенка, кисти, краска. Гудиашвили, несомненно, прекрасно сознавал, что творчество самобытного художника играет особую роль в развитии новой школы грузинской национальной живописи. Его глубоко взволновал образ Пиросмани, которому он посвятил много рисунков и живописных портретов. Все эти портреты посмертные. Одна из сильнейших картин серии —«Смерть Нико Пиросманишвили». Мы оказываемся в той самой каморке, где когда-то нашел Гудиашвили Пиросмани, у тела умершего в нищете и страшном одиночестве гениального сына Грузии. Серия картин, посвященных Пиросмани, относится к лучшим достижениям психологической живописи Гудиашвили, дает чрезвычайно много для осознания внутренней эволюции художника.

После выставки в 1919 году Гудиашвили едет в Париж — Мекку художественной жизни Европы. Там тогда образовался своеобразный островок грузинской культуры. Здесь жили и работали Давид Какабадзе, Елена Ахвледиани, Кето Магалашвили, прекрасные художники, чьи картины составили теперь славу грузинского искусства.

Полотна Ладо Гудиашвили покорили требовательный Париж сразу после выставки в Осеннем салоне, одном из авторитетнейших в Париже. «Эти грузинские сновидения для меня более притягательны, чем сказки «Тысячи и одной ночи», я ощущаю в них дыхание мифов, легенд, полных неизъяснимого трагизма. Все это я почувствовал в ваших картинах, они приблизили меня к Грузии...» — говорил известный критик Морис Рейналь, а знаменитый испанский художник Игнасио Зулоага захотел приобрести полотно «Кутеж кинто с женщиной». Это было признание. Сам же Гудиашвили считал, что приехал в Париж учиться. Он направляется в Парижскую Академию художеств, затем в академию Ронсона, но умудренные опытом и обладающие точным вкусом преподаватели объяснили ему, что учеба в академии лишь снивелирует его самобытный стиль, заставит утратить собственное «я». То же самое сказал Гудиашвили и Пабло Пикассо, с которым они познакомились в знаменитом парижском артистическом кафе «Ротонда». «Из художника, который на сложном пути освоения живописи оторвется от своей родной почвы и освоит чужую манеру письма в независимости от того, где он получит профессиональное образование, не получится большой художник». Гудиашвили внял советам и избрал путь дальнейшего утверждения в своем творчестве традиций грузинской культуры. А так как он был уже, несмотря на молодость, сложившимся мастером, его ждал успех.

То, что художник не ошибся в выборе, подтверждают слова проницательного Рейналя, автора монографии о художнике, которые Гудиашвили запомнил на всю жизнь и повторил в книге воспоминаний в главе «Мой Париж»:

— Когда в Париж приезжают иностранцы,— говорил Морис Рейналь,— они не должны терять своего «я», главное не стать эпигонами французской живописи. Ну какую цену, к примеру, имели бы ваши работы, как бы мастерски они ни были исполнены, лиши их национального колорита, то есть того главного, что отличает их от тысячи других картин? Впрочем, сейчас в Париже об этом много толкуют, и разговоры эти справедливы. По вашим картинам я могу судить о том, каким своеобразным осталось грузинское искусство, невзирая на то, что народ ваш прошел сквозь горнило многовековых разорительных войн. Это самое ценное. Ведь именно такое искусство заставляет полюбить чужую страну, понять и полюбить душу ее народа. Оно заставляет людей думать о том, что где-то далеко, в неведомых ему краях таится нечто поразительное и великое...

Постепенно Ладо Гудиашвили попадает в гущу парижской художественной жизни. Он дружит с А. Модильяни, который дарит ему рисунки, А. Дереном, Ф. Леже, А. Марке, М. Утрилло, японским художником Фужита, Ф. Мазерелем, С. Судейкиным, А. Архипенко, М. Сарьяном. Выставки грузинского художника проходят в крупных галереях, ему посвящают статьи авторитетные критики. Но пришедший успех можно было подтвердить в Париже только работой. И Гудиашвили много и упорно пишет. Он продолжает серию картин «Кинто», которые во Франции называлась «Apaches de Tiflis», увлекается грузинским национальным театром масок берикаоба-кееноба и создает первые работы из серии, ему посвященной, пишет городские пейзажи Парижа и деревенской Франции, портреты друзей. Именно тогда рождается Гудиашвили — театральный художник. Он вместе с Александром и Николаем Бенуа оформляет спектакли Итальянской оперы, работает для «Летучей мыши» Н. Балиева. Прелестны рисунки Гудиашвили парижского периода. Виртуозная техника, точный глаз, меткие характеристики, четкие певучие линии заставляют вспомнить таких мастеров графики, как Л. Бакст, Фужита и даже Ю. Анненков, чье влияние явственно, например, в рисунке «Вторичные похороны в Париже». Но никакие школы и веяния не мешают Гудиашвили оставаться самим собой, его карандаш и перо рождают действительно самобытные, оригинальные произведения. Его графические работы, как и живопись, пользовались большой популярностью и разошлись по многим музеям мира и крупнейшим частным коллекциям. Так, в одном из личных собраний в Америке находится выполненный Гудиашвили в 1923 году рисунок «Две танцующие девушки и лань». Он очень характерен. Взвихренные, будто поющие линии, как у самых лучших рисовальщиков — звезд нового искусства. Гудиашвили колдовски передает ритм танца, но это именно восточный танец, мастер сохраняет верность родной традиции, мотивам византийского искусства. Вот такой синтез и привлекал критиков, строгих парижских зрителей и коллекционеров в работах молодого художника, оставшегося в своем творчестве самим собой, несмотря на все искусы, которые предлагал ему многоликий Париж.

Настоящий художник не может существовать без среды. В Париже Гудиашвили оказался в той творческой атмосфере, которая помогла ему утвердиться на выбранном пути в искусстве. Французы тепло и доброжелательно относились к многочисленным иностранным художникам, буквально наводнившим Париж. «Успехи гостей,— вспоминал Гудиашвили,— никогда не вызывали здесь чувства зависти или соперничества. Наоборот, им оказывали всяческую помощь и поддержку. Нам была предоставлена возможность выставляться на любой выставке». Он сполна использовал этот шанс. Крупнейшие галереи Парижа; Марсель, Лион, Бордо, а затем Лондон, Рим, Нью-Йорк, Брюссель, Амстердам, Берлин принимают у себя, восхищаются картинами Гудиашвили, узнают по ним далекую таинственную Грузию.

Андре Бретон на обсуждении в «Ротонде» одной из выставок подчеркнул в работах Гудиашвили связь с прошлым его родины, именно здесь французский писатель увидел истоки успеха молодого живописца: «Этот художник — сын страны с богатейшим историческим прошлым. На грузинской земле и сегодня высится множество архитектурных шедевров. Ладо Гудиашвили снимал копии с фресок в древнейших храмах, принимал участие в их реставрации».

А сам он продолжал жить в Париже неподалеку от кафе «Ротонда», где встречался с многими выдающимися мастерами. Хотя боль-

шинство из них и сами тогда не знали, что искусство ведет их в бессмертие. Ладо Гудиашвили очень любил Модильяни, многому научился у него — особенно стремлению передать в пластике душу именно современного человека, проникнуть в суть его внутреннего мира, открыть тайну характера. В воспоминаниях Ладо Гудиашвили интересно написал о Модильяни, пытаясь и в слове не просто зафиксировать внешний облик и манеры поведения этого художника будущего, а проникнуть в суть его поисков, раскрыть сложность и необычность пластических решений, в чем-то перекликающихся с творчеством самого Гудиашвили.

«Портреты Модильяни и вправду мало похожи на их модели. Но это лишь внешнее впечатление. В его рисунках много условного, но как бы ни была причудлива эта условность, как бы ни отдаляла внешнее сходство модели с портретом, в условности этой всегда есть своя истина, своя жизненная подлинность и правда...»

Последнее утверждение Гудиашвили справедливо и для него самого. Пластический язык его полотен сложен, он никогда не гнался за внешним сходством, часто даже несколько идеализировал натуру, верный своему принципу выявить прекрасное в человеке. Именно это дало искусствоведам право говорить о ренессансном начале живописи мастера. Стиль Гудиашвили абсолютно свободен, естествен, он не скован академическими канонами, легко и непринужденно изменяет форму модели во имя замысла.

После шести лет жизни в Париже Гудиашвили, отвергнув самые лестные предложения остаться за рубежом, вернулся на родину. Сын Грузии, он не мог более творить вдали от своей земли.

...В центре Тбилиси мы поднимаемся на второй этаж старинного дома, принадлежавшего когда-то князьям Багратионам-Мухранским. На втором этаже большой зал — мастерская Ладо Гудиашвили. Сплошным драгоценным ковром покрывают его стены картины. Поистине захватывает дух от великолепия красок, пения линий, живописного вихря, бушующего в мастерской. Муза художника, его друг и жена Нина Иосифовна Гудиашвили, неторопливо и гордо показывает его работы. И перед нами открывается душа Грузии. Становятся понятны слова Бориса Пастернака, которые он написал, обращаясь к Гудиашвили: «Будни, в которые Вас посещаешь, становятся праздником, часы, проведенные у Вас, кажутся часами иного времени и другого века. На другой день после посещения Вас просыпаешься с ощущением, будто все виденное и сказанное у Вас приснилось. Сновидением и должно стоять и оставаться в стороне, на одинокой высоте, единственное, ни с каким сокровищем несравнимое богатство сердца — искусство...»

Неожиданным трагическим аккордом в ряду чудесных полотен, блистающих сказочными красками, завораживающих совершенно удивительной, свойственной одному Гудиашвили музыкальной гармонией контура и цвета, нежностью и добротой, звучит резкая сатирическая сюита его рисунков, разоблачающих фашизм. Еще в Париже молодой художник создал несколько рисунков, осмеивающих пороки буржуазного мира. И вот в разгар Великой Отечественной войны, в 1942 году, Гудиашвили вновь обращается к остросоциальной графике, он обрушивается на фашизм в рисунках, перекликающихся с одним из самых трагических циклов мирового изобразительного искусства, «Капричос» Гойи. Страшные, отталкивающие монстры, химеры, уроды с птичьими и ослиными головами попирают, растаптывают, рушат на этих страшных листах сокровища человеческой культуры, великие творения духа. Сложен аллегорический язык мастера, но в каждом рисунке внимательный взгляд увидит контрастное изображение темных социальных сил, фашизма, его адептов и красоты, обличение ужасов войны. На рисунке «За разгадкой тайны красоты», например, столпившиеся уроды рассматривают тело прекрасной женщины — убитой ими красоты; на листе «Кто знает, как это им пригодится» показаны омерзительные существа, волокущие на спинах Венеру Милосскую и тициановскую Венеру. Так клеймит художник завоевателей, расхищающих шедевры культуры. Характерен рисунок «Проект памятника реакционной цензуре». На нем изображена пирамида запрещенных фашистскими мракобесами книг. Между грудами томов похоронены сплющенные ими авторы. На вершине этой страшной пирамиды — символа варварства и невежества — уселась самодовольная обезьяна, олицетворяющая бездуховность и дикость, удовлетворенная тем, что ей удалось растоптать, запретить, уничтожить ненавистное свободное слово.

Это лишь некоторые сюжеты антифашистской серии Гудиашвили. Мир бесовщины, циничный, страшный, античеловечный, разоблачает художник. В своих графических работах Гудиашвили приблизился к высшему гуманизму — его доброе, прекрасное искусство подняло разящий меч беспощадной сатиры во благо мира, справедливости, красоты.

Среди сотен и сотен картин, созданных Ладо Гудиашвили в Советской Грузии, полотен, посвященных ее истории, удивительных мифопоэтических композиций, портретов великих детей Грузии и современников художника особой драгоценной сюитой выделяются произведения, обращенные к Женщине. Из бурного XX века художник как бы протягивает руку далеким временам, когда рыцари слагали стихи-молитвы Прекрасной Даме. Он постоянно пишет образ «грузинской Венеры», образ этот трансформируется, переходит с полотна на полотно, предстает в разных ипостасях. Но художник всегда обостренно ощущает его национальную стихию, бережно передает преклонение, которым окружена женщина у грузинского народа. Женщина у Гудиашвили — символ Родины, а Родина для него была свята. Недаром, расставаясь с Парижем, он писал: «Я полюбил его всей душой, полюбил настоящей большой и верной любовью, полюбил его искусство, его людей, полюбил чуть овеянные грустью, но всегда наполненные жизнью его улицы, величественные уникальные музеи, полюбил друзей, которых он мне подарил. Навсегда дорогими стали для меня годы, проведенные в Париже. Но еще сильнее — могучим и властным — было желание возвратиться на Родину. Жить вдали от Родины — великая трагедия... Не могу передать всех чувств, овладевших мною, когда я ступил на родную землю, я словно превратился в ребенка».

Творчество Ладо Гудиашвили было прекрасным гимном миру, родной земле, женщине, молодости и красоте... Мастер ушел из жизни, работая над портретом своей юной внучки Анано. Этот незаконченный портрет остался навсегда на его мольберте.

«Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека»,— говорилось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека... Этот вопрос был одним из самых ключевых на повестке дня VIII съезда советских писателей. Шел серьезный разговор о духовных и социальных проблемах жизни нашего общества, о судьбах современной культуры, о проблемах исторического наследия. Как и следовало ожидать, вопросы, которые были подняты на съезде в выступлениях многих делегатов, стали сегодня предметом пристального и внимательного изучения людей самых разных профессий, вызвали всеобщий интерес. Этот разговор будет, безусловно, продолжен на страницах газет и журналов, ибо проблемы, связанные с жизнью современной культуры, волнуют каждого человека. И чем острее, сложнее, парадоксальнее получится он, тем лучше, ибо только в спорах, как известно, рождается истина.

Сегодня мы предоставляем слово видному советскому ученому, доктору филологических наук, лауреату премии Ленинского комсомола Сергею Сергеевичу АВЕРИНЦЕВУ — одному из ведущих современных культурологов. С ним беседует А. КАРАУЛОВ.

С. С. АВЕРИНЦЕВ

Не утратить вкус к под

интервью «огонька»

— Мы невольно замечаем, Сергей Сергеевич, что в последнее время появляется все больше серьезных статей о современном состоянии культуры и общества. И наш разговор хотелось бы начать вот с какого вопроса: что, Сергей Сергеевич, вас особенно радует в жизни современного общества и в сегодняшнем этапе развития нашей культуры и что особенно огорчает?

— Радует меня, например, то, что появляются упомянутые вами серьезные статьи. К их числу я отнес бы статью художника Е. И. Куманькова в «Правде» от 3 мая этого года, выступления Д. С. Лихачева в «Огоньке»: «Память истории священна», «Культура и мы», «Во благо культуры». Под знаком серьезного обсуждения современного состояния нашей культуры прошел VIII съезд писателей СССР. Вслух и без околичностей говорилось то, что очень многие думают и чувствуют. Серьезное выражение гражданской тревоги — всегда факт отрадный, лишь бы слова обеспечивались делами.

Что меня огорчает? Как и многих, меня часто огорчает отношение к старым людям и к старым зданиям. Одно связано с другим, а то и другое вместе — очень важный симптом. Один маленький ребенок на моих глазах предложил такое определение человека: «Человек — это существо, у которого есть папа, мама, дедушка и бабушка». Он прав: человек есть существо историческое, и он не может лишиться своих корней, не может отказаться от терпеливого благоговения перед правами отцовского и дедовского как границей для собственного самоутверждения, не терпя очень серьезного урона в своей человеческой сущности.

Мой практический опыт в познании современного общества невелик, потому что я человек, что называется, кабинетный; чаще всего мне приходится видеть моих современников в метро, там я и пытался предпринять некоторые шаги, чтобы понять, что происходит: почему, скажем, старикам так редко уступают место?

У молодых людей часто встречается ложный страх: а не покажутся они смешными, если будут внимательны и приветливы к старшим? Порой ведь даже и место уступят, а в глаза не поглядят; просто встанут и отойдут в сторону, но боязнь быть приветливым и открытым за этим тоже

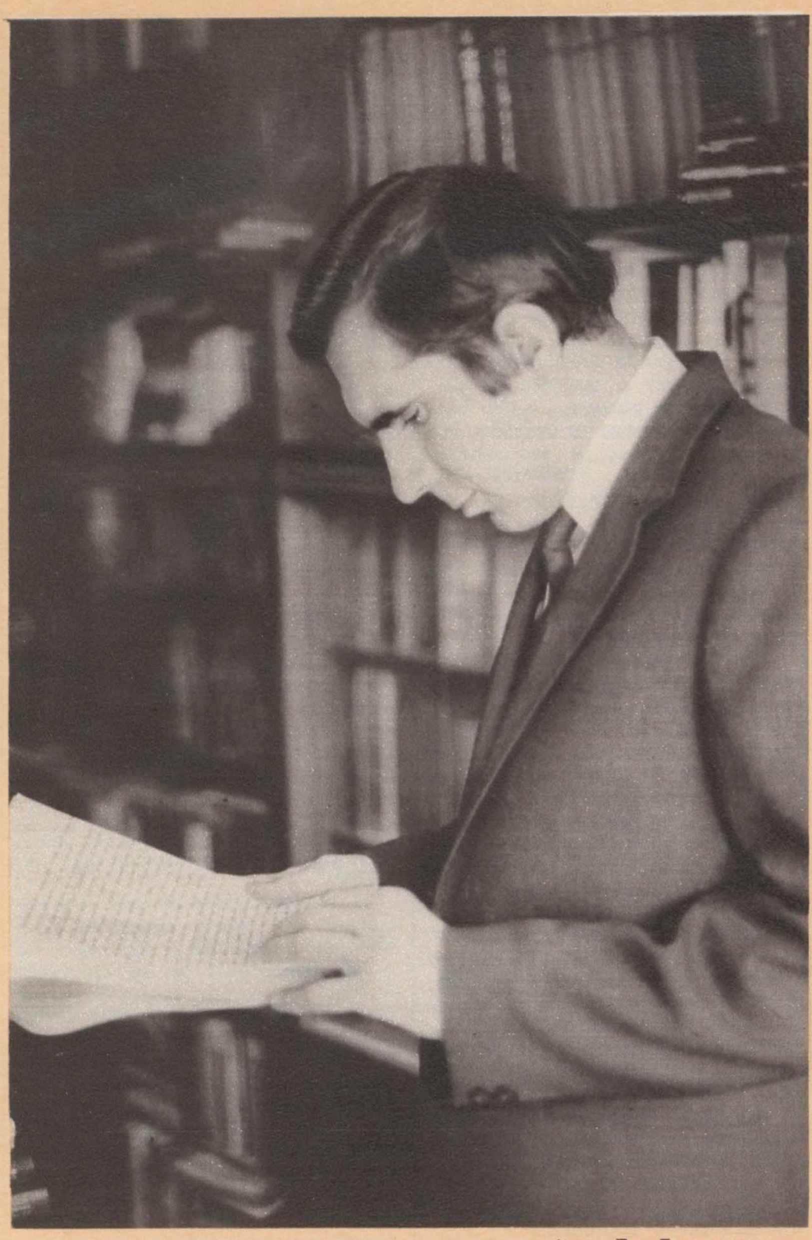

Фото Дм. Бальтерманца

ЛИННОСТИ...

чувствуется. Многократные эксперименты убедили меня, что если подать пример, то есть уступить место самому, то примеру могут, конечно, и не последовать, но следуют чаще, чем можно было бы представить заранее. Иногда это делают один за другим, точно дожидаясь, чтобы кто-нибудь взял на себя быть первым; это особенно интересно. Вроде безделица, а и тут есть своя психология. И даже своя философия. Такая, например: уступая место старику, больному, инвалиду, женщине с грудным ребенком на руках, человек всего лишь выполняет обязанность, что̀ можно сделать и со сжатыми зубами, а вот поглядеть другому в глаза — это значит принять другого именно как человека, и второе может оказаться труднее, но и нужнее первого. Или еще: кто поступает, как нужно, должен быть готов к тому, что его «не поймут», что сверстники его высмеют, а «облагодетельствованный» старик отзовется ворчливо или недоверчиво поглядит — на то он и старик, что тут странного? Воспитание должно готовить личность, внутренне независимую от чужих суждений и готовую к реальным ситуациям, когда все надо взять на себя и за все платить самому. А то в газетах спорят, и читатели тоже волнуются: как поступить с «ними», с теми, кто ведет себя дурно,— карать или уговаривать? Что на это сказать? Закон карает за преступления юридические и не может взять на себя без остатка регуляцию нравственных отношений, а проще сказать — палка еще никого благородству не научила; а чего стоят уговоры и рацеи, все и так понимают. Но ведь есть еще третья возможность — предъявить все требования не к «ним», а к себе, взять на себя риск непонимания, показать пример и платить по всем счетам самому. Возможность трудная, но другой не видно.

Что касается культуры в более узком смысле, мне хотелось бы отметить распространенное зло — утрату вкуса к подлинности. Оборвалась естественная связь с традицией. Иные поэты и особенно переводчики пользуются русским языком так, как если бы это был язык мертвый, последний носитель которого умер много веков назад. Реставраторы часто путают свое дело с делом дизайнеров. Мы ломаем бесценные здания, а потом начинаем играть с мыслью выстроить их заново — например, Сухареву башню. Из Арбата мы сделали броскую, «шикарную», очень сомнительного вкуса театральную декорацию, находящуюся в болезненном противоречии с духом русской культуры и русской жизни. Никто не подумал о хозяевах Арбата, о людях, которые там все еще живут либо доживают свой век, как живое воплощение истории улицы, либо начинают свою жизнь, как дети одного моего друга, проживающего в одном из арбатских домов. Жить на Арбате сейчас неудобно, неуютно, почти невозможно. Разве арбатская старушка присядет на одну из скамеек, поставленных посредине улицы, в самом центре людского потока? А в потоке этом ведь не одни туристы, там и люди с озабоченными лицами, спешащие по делам, потому что на Арбате и вокруг множество учреждений и «деловых» адресов всякого рода; хорошо им спотыкаться о скамейки, поспешно обходить фонари?

Кроме того, броские цвета, в которые выкрашены дома на Арбате, несут в себе что-то противоречащее темпераменту русской культуры и русской жизни. Мы совсем не такие.

Чтобы убедиться в этом, достаточно свернуть в бывший Большой Николопесковский переулок (сейчас — улица Вахтангова). Здесь, как известно, находится Дом-музей Скрябина. Он окрашен в нежный, лишенный всякой назойливости цвет, и этот цвет на редкость удачен. Музей Скрябина — это в полном смысле слова дом Скрябина. Бывают случаи, когда за отсутствием подлинных реликвий, реально принадлежавших к истории жизни того или другого великого человека, приходится идти на простительный подлог и заменять их вещами, которых никогда там не было и которые в лучшем случае могли там быть. Музей Скрябина в этом смысле отрадное исключение. Когда сравнительно недавно приезжал из Франции Борис Федорович Шлёцер, брат второй жены Скрябина, в высшей степени образованный и очень тонкий человек, много сделавший как для русской, так и для французской культуры, он, переступив порог скрябинского дома, замер, пораженный, и какое-то время даже не мог говорить. Здесь ничего не изменилось. Дом Скрябина остался домом Скрябина; он предстал перед Борисом Федоровичем точь-в-точь таким, каким он оставил его десятилетия назад. А ведь за эти годы дом реставрировался, да и в самом музее многое могло бы, наверное, измениться, если бы не люди, которые здесь работают, и прежде всего недавно скончавшаяся Татьяна Григорьевна Шаборкина и ныне здравствующая Ирина Ивановна Софроницкая, которая олицетворяет сегодня живую память скрябинского дома. В деле сохранения цельного и неподдельного облика истории нет мелочей. По мелочам все и разрушается. Тревожащая угроза нависла сейчас над главным домом музея-усадьбы Мураново. «Огонек» об этом уже писал. До последнего времени потомки Тютчева свято хранили музей. Но время потребовало реставрации. Двухэтажный дом, как известно, был построен поэтом Баратынским по собственному проекту; он сделан целиком из дерева и лишь по наружным стенам обложен кирпичом. Понятно, что с деревом хлопоты, и среди тех, от кого зависит, каким быть дому после реставрации, еще и сейчас есть желающие от него избавиться, заменить дерево на кирпич. Но как из песни слова не выбросить, так и из исторической реальности тоже нельзя ничего выбрасывать. Историю нельзя создавать заново; все созданное заново — увы, уже не история.

Лучше подумаем, что еще можно было бы сберечь сегодня. Например, поговаривают о сносе московского памятника архитектуры Гранатного двора, от которого и так, увы, осталось немного...

Существуют, очевидно, два вида вандализма. Один относительно невинный. Это вандализм разрушающий. Другой страшнее. Это вандализм строящий. Когда старые здания сносятся по жесткой практической необходимости, когда они мешают уличному движению, например, что же здесь говорить... Надо — значит, надо. Но никто, я думаю, не возьмет на себя смелость утверждать, что целые районы, целые улицы старой Москвы были уже в наше время уничтожены только лишь потому, что они стали помехой уличному движению. Что и говорить: мы не всегда семь раз отмеряли, прежде чем один раз отрезать. И не всегда советовались друг с другом, с общественностью — об этом особенно важно помнить сейчас, когда существуют гигантские проекты преобразования природы, которые вот-вот могут стать реальностью. У нас накоплен слишком горький опыт бездумного, варварского отношения и к нашей собственной истории, воплотившейся в облике городов, и к природе, чтобы мы могли об этом забывать. Еще раз хочу сказать: жесткая практическая необходимость — это одно, рано или поздно сердце с ней свыкается, а вот свыкнуться с победительной самоуверенностью людей, которые заняты не практическими нуждами, а прихотью своего собственного вкуса, например, неутолимым желанием во что бы то ни стало сделать что-либо броское, нельзя. Одна моя знакомая, очень хороший знаток русской культуры, плакала, оказавшись на Арбате после его реставрации. Реставраторы часто теряют чувство особой уважительности к тому, что не «созвучно» скоропреходящим вкусам сегодняшнего дня. Русский человек и созданная им русская красота имеют одно неповторимое свойство — застенчивость. Это передается во всем, в том числе и в архитектуре. Архитектура старой Москвы застенчива. Таким был и Арбат. И вот именно это ушло — видимо, безвозвратно...

Когда среди спокойной, очень хорошо себя чувствующей парижской старины возникает, как вызов этой старине, огромный и экстравагантный Центр Помпиду, он не подавляет старину, не заслоняет ее, а вступает со стариной в спор, хотя бы и не очень учтивый. Есть ощущение вызова и ответа на вызов.

А у нас, на Новом Арбате? Огромный небоскреб попирает несчастную церковь, оказавшуюся у него в ногах, и не смотрит на нее. Их соседство случайно, ло-

гически не связано. Здесь нет ощущения целого, вне которого невозможно такое явление, как город. Современная архитектура лучше увязывается с формами старинной архитектуры Запада «вплоть до раннего средневековья», чем с формами русской архитектуры. У Честертона есть описание готической церкви сверху: это застывший взрыв. Русская архитектура другая. Найти формы, которые не были бы чужды русским архитектурным силуэтам, очень трудно. Тур Сен Жак и новая Монпарнасская башня в Париже при всем различии их физиономий имеют нечто общее. Их силуэты — вытянутые горизонтально прямоугольники. А вот «договориться» с Иваном Великим куда труднее. Прямолинейные очертания современной архитектуры худо соединяются с луковицами московских куполов, с круглящимися линиями апсид...

Я не хотел бы выглядеть бесстрастным судьей моих современников, но если говорить о вещах, меня тревожащих, то это — повторю еще раз — утрата вкуса к подлинности. К подлинности во всем. Очевидное усовершенствование искусства имитации у иных людей невольно рождает привычку к имитации, и тогда уже душа не болит ни о чем.

Очень легко жить в тумане, для этого достаточно перестать сопротивляться мыслительной неясности, и вправду, как туман, проникающей всюду и обступающей со всех сторон тихо и беззвучно. Между знанием и незнанием существует множество промежуточных состояний: быть в курсе, быть в состоянии вести беседу и так далее. Современный человек все чаще и чаще сегодня берет на себя смелость судить о вещах, которых он на самом деле не знает, а просто знает все слова, которые полагается употреблять... Для многих из нас это уже словно в порядке вещей.

— Ловлю себя на мысли, Сергей Сергеевич, что мой следующий вопрос рождается по какой-то внутренней аналогии с тем, что вы только что сказали. Не кажется ли вам, что сегодня происходит и некоторое снижение уровня гуманитарных наук?

— Я не думаю, что уровень научных работ можно измерять так, как измеряется, скажем, уровень воды в реке весной или осенью. В литературоведении, например, идут сегодня самые разные процессы: что-то радует, что-то огорчает, но сделать единый вывод очень трудно.

Тип научной работы, несомненно, изменился. Сегодня в умственном обиходе свободно появляются такие понятия, которые еще вчера для многих из нас были просто неизвестны. И когда я вижу молодых людей, читающих книги, которых я никогда не читал, когда я понимаю, что они уверенно чувствуют себя в таких областях нашей науки, которые долгое время были в загоне, как не радоваться! Сегодня есть молодые ученые, которые знают, и знают основательно, то, чего среди их предшественников не знал никто. А какие-то знания и навыки уходят, и уходят безвозвратно...

У меня часто спрашивают о Бахтине. Как ученый Бахтин не вмещается в понятие «литературовед»: он скорее философ. Определенные издержки в усвоении работ Бахтина были связаны, я думаю, с тем, что в нем прежде всего видели непоколебимый литературоведческий авторитет, что его воспринимали как ментора, за которым можно повторять без страха ошибиться или попасть впросак. Но Бахтин — это мыслитель, а мыслитель существует не для того, чтобы за ним повторять, а для того, чтобы его *слушать* — и услышать. Многие построения Бахтина были уязвимы, и он это отлично знал. Но зато они убедительны как система взглядов, содержащая в себе целостную концепцию жизни мира и человека. Все, что произошло с Бахтиным, случилось на глазах моего поколения: сначала появились кислые рецензии, шло время, вроде бы ничего не менялось, но многие литературоведы (и не только литературоведы) стали перебрасываться его словечками и формулами, как отмычкой ко всем проблемам,— так родилась «мода на Бахтина». Между тем Бахтина, наверное, поймет не тот, кто по поводу или без повода будет говорить о «карнавальной стихии», о «полифонии романов Достоевского», а тот, кто перенмет хоть толику от его внутренней свободы.

Хотел бы сказать еще и вот о чем. Литературоведение и сегодняшняя литература едва ли обязаны обращать друг на друга непрерывное и пристальное внимание. Для контакта с текущей литературой существует литературная критика. А литературоведение (если это, конечно, литературоведение, а не бог весть что взамен) обладает суверенной территорией, ибо культура оправдывает себя только как целое и всегда включает в себя какие-то компоненты, действие которых не объяснишь в чисто утилитарных категориях.

Полезность литературоведения для литературы не определяется только прямым воздействием — литературовед поучает, писатель поучается. (Что за чушь!) Она осуществляет себя лишь в полноте связей культуры как целого. Но и здесь беда все та же. Существует столько способов имитировать все, что угодно: раскованность так раскованность, научность так научность, академичность так академичность,— хорош только тот товар, который вовсю идет на рынке, а людей со способностями имитаторов гораздо больше, чем людей со способностями творцов. Вокруг нас очень много подделок. Человек, который работает добросовестно, чаще всего оказывается в несправедливой конкуренции с людьми, которые работают нечестно или поверхностно.

— Но согласитесь, Сергей Сергеевич, что подлинный талант все равно обнаружит себя. Рано или поздно.

— Мы знаем немало примеров, когда непризнанные таланты получали общественное признание уже после смерти самого художника. Но есть, наверное, и таланты, которые признания не получили, о которых мы, люди последующих поколений, уже просто не узнаем. Перипетии общественного признания, как и все человеческое, в непредсказуемых вариантах совмещают смысл и бессмыслицу. Опасаясь выглядеть моралистом, я тем не менее хотел бы выразить свое глубокое убеждение в одной простой вещи. Человек не должен, наверное, сам ставить перед кем бы то ни было вопрос о своем таланте, о его масштабах, не должен сам себя оценивать. Речь идет даже не о скромности, а прежде всего о здравомыслии.

Есть люди, особенно молодые, которые постоянно задают себе один и тот же вопрос: чего я стою, оправдываю ли я свою жизнь тем, что я пишу? В каких-то пределах этот вопрос, безусловно, имеет смысл. Но, вообще говоря, свою жизнь человек оправдывает — или не оправдывает — решительно *всем*, что он делает, каждым поступком, независимо от формы его выражения. Мне кажется, что у нас есть слегка суеверное отношение к печатному слову в отличие от устного слова, от обыкновенного разговора. Мы почему-то считаем, что состоялось только то, что написано. Написанное останется,— ну, может, и останется, было бы чему оставаться. Но ведь то, что сказано, сделано, тоже услышано. В каждом часе человеческой жизни все важно. Свой вес в жизни имеет *все*, и об этом, мне кажется, не стоит забывать....

Простое общение людей — это вещь, важнее которой вообще ничего не может быть.

Все знают, что Рим построен на семи холмах. Что же, семь холмов давно были на своих местах и на них уже жили люди еще до того времени, к которому легенда относит Ромула, а Рима еще не было. На холмах стояли отдельные, обособленные, обнесенные стеной поселения. По-видимому, они жили между собой довольно мирно, но это еще не был город. Особое значение, однако, приобретала болотистая долина, лежавшая между холмами. На ней нельзя было селиться, она была ничьей, как раз поэтому она была общей. Но вот пришло время, когда болото было осушено и ничья земля превратилась в площадь, на которую стали спускаться жители холмов, чтобы заниматься общими делами: Форум. Это был новый тип человеческого общения...

Римская империя была, как всякая империя, создана насилием, но не меньшую роль, чем насилие, играл другой фактор, благодаря которому не благородные Афины, а именно грубый Рим начал новый цикл цивилизации. Гражданство Афин было закрытым, гражданство Рима — открытым; дети побежденных без труда сами становились римлянами.

Мы живем в такие времена, когда, ненаучно выражаясь, все слова уже сказаны. Каждый говорящий обязан знать, что выражает точку зрения, которая, в общем, известна слушателю вместе со всеми аргументами против нее. Притворяться, что это не так, бесполезно. Мы должны реалистически представить себе, какая ответственность ложится на каждого. По тем же самым причинам, по которым тот, кто видит, что все собрались на одной стороне лодки и лодка готова перевернуться, обязан броситься к противоположному борту, мы обязаны более вдумчиво и бережно относиться к старым ценностям как раз тогда, когда им грозит разрушение... И здесь речь идет о том, чтобы никто не был исключен, чтобы аргументы и, более того, чужой опыт были приняты всерьез, и при этом была бы сохранена мирная и тем более решительная верность личности своей позиции, чтобы встреча позиций не превратилась в их безразличное смешение. Это трудно, но все иное — погибель, если не физическая, то духовная...

— Сейчас, после некоторой паузы, на Западе, кажется, шире стала распространяться современная советская литература...

— Я не знаю, выделяются ли здесь именно 70—80-е годы, но взаимная дополнительность Запада и нашей культуры—вещь очень явная. Они нам нужны, но и мы им тоже. В каждом столетии рождается мыслитель, который не только как бы концентрирует в себе содержание этого столетия, но и выходит за его пределы. Для Западной Европы таким человеком, мне кажется, был Паскаль. Думаю, что для XIX века в целом одним из таких людей был Достоевский, который, в свою очередь, сумел переработать и поднять на иной уровень многое, что пришло к нему из литературы XIX века. Ему были нужны не только Диккенс, но даже Жорж Санд, и то, как он соединил, пережил в себе очень разнородные, даже и разнокачественные аспекты всеевропейской литературы XIX века, удивительно...

Но ответить на вопрос, чем же это мы нужны Западу, русскому человеку трудно просто потому, что он русский человек. Самое несвойственное русскому человеку занятие — это хвалить себя как русского человека...

— То, что вы специалист не по современной культуре, а по древней, вам мешает в жизни или помогает?

— Осмеливаюсь думать, что помогает. В своей современности человек находится и без того, по праву рождения; он ее чувствует кожей, но редко видит ее — она слишком близка к нему и слишком быстро движется, чтобы ее разглядеть. Многие современники Пушкина отрицали Пушкина по одной простой причине, что они его недостаточно полно знали. У них не было такого целостного восприятия Пушкина, которое есть сегодня у нас. Если человек подчиняется только тому отбору, который ему навязывает современность, если человек читает, например, только те книги, которые нельзя не прочесть под страхом опозориться в первом же «салонном» разговоре, он рискует оказаться в ситуации, которую один очень умный английский писатель назвал «хронологическим провинциализмом». Между тем знание прошлого, знание истории всегда дает человеку возможность посмотреть на самого себя и на свою жизнь как бы со стороны. Именно такого взгляда нам всем подчас по-настоящему не хватает...

— Но ведь его, этот взгляд, можно в конце концов приобрести.

— Есть нечто, чему можно и, следовательно, должно научить, и есть вещи, которым научить нельзя. Античное обучение гуманитарным дисциплинам имело одно серьезное преимущество перед нашим, современным: в античное время было ясно, чему и с какой целью учат человека. Научить можно делу: во-первых, фактическим сведениям, без которых четверостишие или картина могут быть просто непонятными; во-вторых, вниманию, пристальному вниманию к особенностям формы в их связи со смыслом; в-третьих, готовности уважать то, что было создано до нас. Любви научить нельзя — «сердцу не прикажешь». Конечно, эстетическое воспитание нельзя засушивать тоскливыми рацеями о том, что имярек был представителем того-то и сумел отобразить то-то, но его не сле-

дует, по моему глубокому убеждению, превращать в какой-то сеанс гипноза, на котором из юных слушателей хотят мощной атакой выжать эмоциональную реакцию на музыку или стихи...

Скажу еще вот о чем. Меня тревожит, что научные библиотеки сегодня все менее и менее доступны для молодежи. Это очень печально. «Начитать» то, что впоследствии будет действительно базой для всей последующей научной работы, человек может только в бытность студентом или разве что аспирантом. Потом уже поздно. Но сегодня попасть в научную библиотеку — это проблема. Их не хватает, в них тесно, поэтому широкому кругу гуманитарной молодежи они просто недоступны. В прежние годы существовал в Ленинской библиотеке зал для школьников. В нем можно было выписать любые книги из основного фонда, старые и редкие книги, которых нет в школьных библиотеках. Я когда-то провел там много часов, и не я один: для многих моих друзей это важная часть жизни. Почему этот зал упразднен? Кто ответит на этот вопрос?

— Сергей Сергеевич, хочется коснуться вот какой проблемы. В нашей стране выходят тысячи книг, но ведь кого-то из писателей, поэтов, вошедших в историю русской литературы, мы все еще издаем недостаточно... Не так ли?

— Я не хотел бы говорить обидное о людях, которых не знаю, но боюсь, что важная причина — нежелание лиц, обязанных решать подобные вопросы, брать на себя ответственность. Житейская мудрость гласит: лучше не связываться. Директор одного московского издательства в минуту откровенности рассказывал, что его могут ругать и будут ругать за то, что он напечатал, но никто не будет ругать его за то, что он воздержался от напечатания какой-то книги — он был человек опытный. «Особо стоит вопрос об издании произведений русских писателей первой половины XX века,— говорил на писательском съезде академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.— Мы, в сущности, подарили Западу начало нашего века: Андрея Белого нет, о котором Блок писал, что надо его издавать. Почему хотя бы не издать его мемуарную трилогию «Между двух революций»? С комментариями это была бы великолепнейшая история начала нашего века.

Ахматова издается в общем мало, маленькими тиражами и бессистемно. Нет ее полного издания. Хлебникова не надо издавать большими тиражами, но он должен быть у наших поэтов в полном виде...

Алексей Ремизов... чрезвычайно важен для нашего литературного развития по языку и по тем экспериментам, которые он в литературе ставил.

Нет полного издания Пастернака. Предполагаемое издание Гумилева в «Библиотеке поэта» также очень важно. И я хочу обратить ваше внимание на то, что у Гумилева нет ни одной строки антисоветской. Ждет своего научного издания наследие Корнея Чуковского... Этот список можно еще продолжать...»

Я и хотел бы продолжить.

Хуже всего, на мой взгляд, обстоит дело с философской или близкой к философии прозой, а ведь Россия создала совсем особый тип философской эссеистики. Ну, Флоренского печатают, но гомеопатическими дозами; почему, спрашивается, от философа XX века, словно от ионийского досократика, даже до специалистов должны доходить только разрозненные фрагменты? История русской мысли — это яростный спор о самых кровных, самых острых вопросах бытия, но спор живет своим напряжением, из него нельзя выбрасывать реплик, иначе спор обессмыслится. Нет и не может быть полного знания русской культуры без «Оправдания добра» и «Трех разговоров» Владимира Соловьева. А как с поэзией? Вот у Ходасевича есть, может быть, три или четыре стихотворения, без которых любая антология русской поэзии будет неполной, однако табу на Ходасевиче продолжает покоиться уже давно. А Вячеслав Иванов — не пора ли выйти за пределы книжечки малой серии «Библиотеки поэта»? Можно бы, кажется, и о статьях вспомнить.

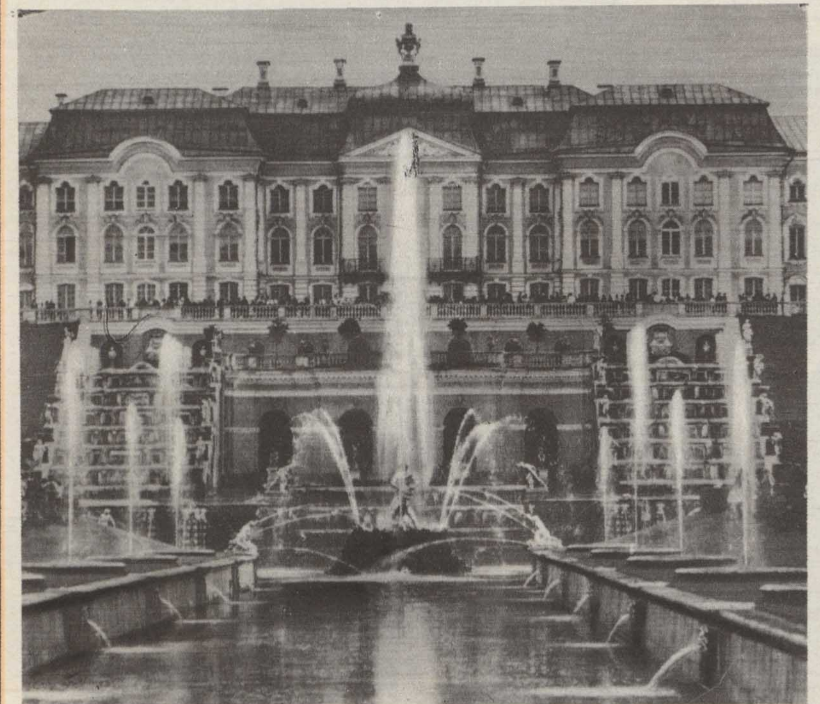
Ну да ладно, XX век — это XX век. Но что касается классики: где карамзинская «История государства Российского» — не только замечательный памятник нашего национального самосознания, но и шедевр русской прозы? Надо бы знать и произведения Федора Ивановича Буслаева... В противном случае мы просто невежды.

Реальной помехой для полного восстановления наших прав на все наше наследство сегодня является уже не вульгарный социологизм, как это было когда-то. Наша опасность — подход к явлениям культуры, который можно было бы назвать юбилейным, то есть репрезентативным. По неписаной табели о рангах известно, оказывается, кто великий, кто гениальный, кто, бедняга, всего-навсего выдающийся, а кого лучше не упоминать, потому что... потому что до сих пор не упоминали. Так теряется ощущение прошлого как реальности, несговорчивой, как всякая реальность, и прошлое становится разве что некой функцией нашего собственного сознания. Как выйти из этого заколдованного круга?

Иногда совсем нетрудно выбрать правильный путь — а вот поди же. Почему должны были пройти годы борьбы, именно борьбы за мемориалы, увековечивающие память о Борисе Леонидовиче Пастернаке и Корнее Ивановиче Чуковском в Переделкине, в стенах их дач, которые, не имея статуса музея, были притягательны для каждого интеллигентного человека? Сколько упущено времени, потрачено сил в борьбе за такое дело, где и сомневаться-то не в чем. Здравый смысл побеждает, но не слишком ли поздно? А ведь подлинного не заменишь ничем...

Будем надеяться, что теперь все будет по-другому. Наше общество вступило в решающий момент своего духовного развития. Сказаны такие слова об отношении к правде, об отношении к труду, об отношении к культурным ценностям, которые ставят каждого из нас перед выбором: либо слова оправдываются действием, либо мы помогаем превращать слово в «фразеологию», что смерти подобно. Что должно быть сделано, должно быть сделано сейчас. Возможности откладывать не остается...

Как я уже писал однажды, мне кажется, что мы живем в такое время, когда происходит резкая поляризация человеческих возможностей, между прочим, и по отношению к наследию прошлого. Тот, кто сейчас выберет утерю исторической памяти, получит ее, эту утрату, с такой полнотой, какая до сих пор была просто невозможна. Тот, кто предпочтет эстетскую стилизацию прошлого,— любование вместо любви, имеет в своем распоряжении готовый набор разных способов сделать это на любой вкус: совмещение несовместимых родов стилизации тоже стало допустимым. Ну, а тот, кто выберет трезвую, простую и в простоте своей почти немыслимую истину, увидит ее с той ясностью, с той отчетливостью, которые раньше никому и не мерещились. Чтобы вступить в наши законные права над нашим родным и всечеловеческим наследством, всего-то и нужно, что ум и сердце, не знающие лени, и решимость не лгать ни себе, ни другим. Подделки обманывают в конечном счете только тех, кто очень хочет быть обманутым...

Возрожденный Петергоф... За восстановление дворцово-парковых ансамблей пригородов Ленинграда реставраторы удостоены Ленинской премии.

хранители памяти

Вечер под названием «Спасенная красота» показало в июле Центральное телевидение своей многочисленной аудитории. О работе над этой передачей мы попросили рассказать автора сценария и ведущего вечера, искусствоведа-реставратора, заслуженного деятеля искусств РСФСР Савелия ЯМЩИКОВА.

— Телевидение включило в план своей работы на нынешний год цикл встреч с деятелями науки и культуры, как бы продолжающих уже сложившуюся традицию проведения вечеров в концертной студии Останкино, на которых обычно выступают актеры, режиссеры и писатели... С самого начала я решил привлечь к участию в передаче широкий круг специалистов, работающих в различных сферах искусства и литературы: реставраторов, архитекторов, музейных работников, писателей, журналистов, художников, руководителей министерств и ведомств, занимающихся охраной памятников. Несколько месяцев вместе с режиссером передачи Юрием Шамариным готовились мы к записи вечера, перенеся его из Останкинской студии в Центральный Дом художника.

Об успехах отечественной школы реставрации архитектурных сокровищ и музейных ценностей много написано и рассказано. Но наряду с блестящими свершениями специалистов и самоотверженными проявлениями энтузиастов не может оставить равнодушным беззаботное, халатное, а иногда и просто варварское отношение к свидетельствам нашей памяти — историческим и культурным богатствам Отечества. В нашем вечере «Спасенная красота» большое место отведено тревожным рассуждениям о судьбе отечественного культурного наследия. Прозвучала эта тревога в выступлениях В. Распутина, горько сетовавшего на гибель памятников народной архитектуры в сибирских деревнях и селах; члена-корреспондента АН СССР В. Янина, с сожалением отметившего, что многие восстановленные новгородские памятники теперь недоступны для посетителей и мало кому удается увидеть фресковое богатство XII—XVI веков; писателя Сергея Разгонова, рассказавшего, во что превратились уникальные районы Москвы; в кадрах о гибели литературных памятников Подмосковья...

На вечере прозвучало яркое выступление заместителя начальника Главного управления по охране и использованию памятников Армянской ССР М. Минасяна. Всех, кого волнует судьба культурного наследия страны, может только радовать тот факт, что в Армении без долгих слов перешли к делу и создали столь необходимое сегодня учреждение. А наши литовские коллеги, рассказал заместитель министра культуры республики И. Гляжка, в самом центре Вильнюса создали Центр реставрации художественных ценностей...

Вечер «Спасенная красота» длится лишь час с небольшим. За такое короткое время нельзя рассказать и о тысячной доле всего, связанного с реставрацией и охраной памятников в нашей стране. Вот почему инициатива ЦТ, поручившего Главной редакции учебных программ начать подготовку постоянной передачи «Памятники Отечества», очень своевременна и актуальна.

О. ПЕТРИЧЕНКО Фото И. ТУНКЕЛЯ

9 АВГУСТА — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

НЕГРОМКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Мальчишкой на спор я прыгнул с кавголовского трамплина. Не с большого, с малого — тридцатиметрового, но и этих впечатлений хватило на всю последующую жизнь. Не знаю, как там насчет «волшебного чувства полета» и прочих положительных эмоций, которые, судя по спортивным очеркам, обычно испытывают настоящие прыгуны,— наверное, я до них просто не долетел. Моя авантюрная встреча с воздушной стихией была бесчувственной и краткой: судя по ехидным комментариям приятелей, она чем-то напоминала неудачный запуск космического корабля: уже на первых секундах от меня отделились «двигатели» — кое-как прикрученные к валенкам широченные охотничьи лыжи, а затем, панически размахивая руками, я грохнулся оземь.

Рассказываю об этом Владиславу Павловичу Коковину, а он улыбается.

Он невысокого роста, коренастый, из тех ладных людей, в руках которых поет, спорится любая работа. Жизнь всему выучила, а еще одарила любовью к детям, которая и привела его в обычную среднюю школу, где Коковин занял негромкую и хлопотную должность учителя физкультуры.

Рискну даже назвать ее в чем-то неблагодарной. В самом деле, вырастая, определяясь по гуманитарной ли, технической ли части, мы вспоминаем, как правило, тех, кто преподавал нам азы физики или лирики. И редко, ох как редко, в числе дорогих сердцу первых учителей называем мы имена тех, кто, забыв о разнице в возрасте, самозабвенно гонял с нами футбольный мяч, мок под осенними дождями на кроссах, страховал во время первых неуклюжих прыжков через разлапистого коня.

Ну да бог с ней, с благодарностью, не ради добрых слов пошел в школу В. Коковин. Пошел ради работы, которая нравилась, с которой, по его глубочайшему убеждению, и должна начинаться дорога девчонок и мальчишек в прекрасный, радостный мир спорта.

Вот только валунов на этой дороге... Взять хотя бы уроки физкультуры. Мало того, что бывают они всего два-три раза в неделю, так еще и организованы не лучшим образом. О какой пользе от них может идти речь, если по обычному, привычному сценарию тридцать пять человечков стоят в долгой очереди у турника, ожидая, пока тридцать шестой пытается подтянуться, или в той же неспешной очередности осваивают кольца, брусья? И, кроме бега да игр, нагрузка на долю ребят достается минимальная, ни в коей мере несравнимая с той, что получают они, бесясь на переменках.

В общем, не понравилась Коковину такая примитивная физкультура. Не удовлетворяло и приня-

В. Коковин и его ученики.

Упражнение на развитие скорости.

ла Марина.— Тогда я еще в детсад ходила и всегда здесь гуляла. Знаете, как у нас интересно!

Знаю. И все-таки удивляюсь выносливости, закалке этой девчушки, ежедневно проводящей в спортзале по три часа.

И Марина не исключение. Восьмиклассник Саша Ланин, копьеметатель, тренируется шесть раз в неделю в спортшколе и еще посещает аэроклуб; шестиклассница Станислава Новик — перворазрядница по плаванию — тренируется в бассейне девять раз в неделю.

Список можно продолжить, и примечательно, что всех своих

планирует поступить в художественную школу, а когда его спрашивают, хватит ли силенок на три школы сразу, кивает на брата пятиклассника Антона, который во всех трех если не круглый отличник, то, во всяком случае, в числе лучших. Как ему удается? Антон пожимает плечами, отшучивается: «Беру пример со старшей сестры, Александры. Мы с братом идем по ее стопам».

Андрей с Антоном всерьез занимаются спортом, Саша еще и помогает маме по хозяйству, а где они на все это находят время, я так и не понял. Может, какие особые условия у ребят? Да нет.

тое хозяйство — размокающая после каждого дождя унылая площадка возле школы, тесноватый, плохо оборудованный спортзал. Мечталось о празднике, о том, чтобы с утра до вечера не умолкал звонкий шум на школьном дворе.

Когда поделился с коллегами своими соображениями на сей счет, а главное, планами задуманного переустройства, Коковина назвали фантазером. Нарисованная им картина напоминала то ли центр подготовки космонавтов, то ли базу олимпийской сборной. Да и то сказать: легкоатлетическое ядро (с новейшим синтетическим покрытием), теннисный корт, стрелковый тир, игровые площадки, полоса препятствий, гимнастический городок с набором невиданных снарядов — какой школьный бюджет выдержит подобное, под стать ли городу такое строительство? Да и кто возьмется за него?

Есть такое выражение: «идея носилась в воздухе». Так вот идея Коковина очень своевременно устремилась в атмосферу Красногвардейского района Ленинграда, так как именно в этом воздушном пространстве уже путешествовал в чем-то аналогичный замысел тогдашнего председателя Красногвардейского райисполкома О. А. Игнатова. Председатель давно и всерьез занимался проблемой «трудных» подростков и резонно полагал, что хороший спортивный комплекс мог бы стать надежным помощником в отвлечении ребят от многих никому не нужных занятий. И тут-то на горизонте его замыслов появился Коковин.

Пришлось Владиславу Коковину стать и строителем, и прорабом, и координатором действий многих предприятий района, откликнувшихся на просьбу райисполкома помочь в сооружении необычного комплекса. Завод «Гидромехоборудование» сделал кольцевой крылатый рукоход, качели-гиганты. Опытный завод строительных машин — качели-лопинги, центрифуги, объединение «Пластполимер» — гимнастические бревна и параллельные, разновысокие брусья, объединение «Баррикада» — стрелковый тир и т. д.

Перечисляю и сам удивляюсь: до чего в пересказе все легко получается. Высказал свои мысли Владиславу Павловичу, но он не согласился:

— Не скажите, народ у нас к детям отзывчивый, но поработать пришлось. Были, конечно, в наших взаимоотношениях сложности, однако спасибо райисполкому, где надо — проявил твердость.

Но вот гляжу за окно во двор, где стоит точно такая же средняя школа, с точно таким же типовым участком, точнее пустырем, единственной достопримечательностью которого являются невесть какой силой погнутые футбольные ворота, сваренные из водопроводных труб. Столбы уже много лет падают, да, к счастью, все не могут упасть на бывшую хоккейную площадку.

Должен, однако, оговориться, что, несмотря на вопиющую запущенность окружающей спортивной среды, «стадион» этот не худший среди сотен подобных. Куда страшнее падать на асфальт, а именно это жесткое, опасное покрытие почему-то облюбовали строители для пришкольных спортивных площадок.

Ругаются между собой по этому поводу архитектурное, строительное и школьное ведомства, возмущаются папы и мамы, но бумажная перебранка и словесное сотрясение воздуха сами по себе ничего не создают. Тем примечательнее на этом фоне молчаливая деловитость Владислава Павловича Коковина. Пока другие спорят, он фантазирует и строит.

Не берусь описывать принцип действия всех этих «крылатых рукоходов», «шагающих гигантов» и тому подобных сооружений. На сей день их придумано около 90. Несмотря на некоторую загадочность наименований, в большинстве своем они очень просты по конструкции и, что самое важное, так и зовут: подойди и попробуй!

Приходят сюда и стар, и млад, приходят поодиночке и семьями, приезжают, прибегают из соседних и дальних микрорайонов. Здесь равно интересно и совсем зеленому новичку и опытному разряднику. Одним словом, комплекс удался на славу, и в этом немалая заслуга Оли Орловой, Наташи Либих, Сергея Демьянова, многих других недавних десятиклассников, сегодняшних рабочих, студентов.

Владислав Павлович перечислил десятки фамилий своих добровольных помощников, но я называю лишь нескольких из числа тех, кто строил этот удивительный спортивный городок.

— Строила вся школа,— подчеркивает Коковин.— И ученики, и учителя. Увлекла сама мысль сделать то, чего нет ни у кого в городе, показать пример другим.

Не знаю, была ли в числе строителей нынешняя третьеклассница Марина Свешникова. Девочка-дюймовочка с таким азартом отплясывала под музыку нечто зажигательное, что я не удержался и спросил:

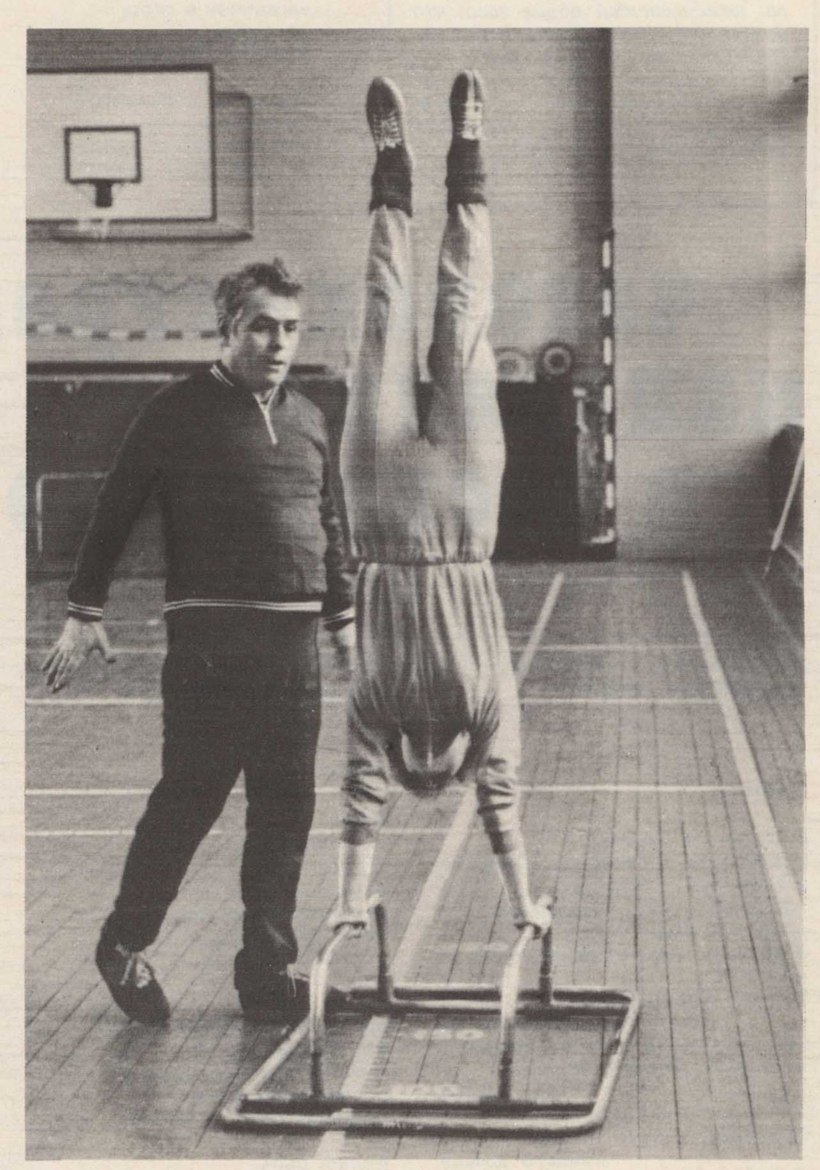
— Слушай, а ты не устаешь?

Она засмеялась:

— Так это же разминка — ритмическая гимнастика. А потом я на настоящую, художественную пойду, на тренировку.

— Давно ли и где начался твой путь в спорт?

— А во дворе,— просто ответи-

Тренировка силы.

собеседников я застал не за разговорами, а за делом. Они называли свои занятия разминкой, а я утирал за них пот и невольно сочувствовал: если это разминка, какой силушки требуют от них настоящие тренировки?

Конечно, немногим из этих мальчишек и девчонок доведется стать чемпионами. Но большинство, уверен, станет здоровыми людьми.

Не только в спорте наши дети успевают удивительно много. Недавно мне довелось познакомиться с тремя школьниками в возрасте 8, 11 и 15 лет. Младшего из них зовут Андреем, он занимается в первом классе английской школы и еще посещает школу музыкальную, где учится играть на пианино. В ближайшем будущем

Сразу оговорюсь — к 532-й школе они не имеют почти никакого отношения. А вот к нашему рассказу самое непосредственное. Потому что их отец Владислав Павлович Коковин.

Да, он прирожденный воспитатель и поистине трудовой человек. Это Коковин и его друзья, инженеры В. Симонов, Ю. Кисилев, А. Голубев, А. Хохлов из Ленинградского филиала ВНИИ искусственного волокна, рассчитывают все новые спортивные снаряды и сооружения. Уже не один пришкольный стадион оборудован по их чертежам. И вот приходят в Ленинград письма с просьбой поделиться опытом.

Ленинград.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Современную мексиканскую поэзию отличает одержимый поиск своей сущности, своего отличия от остального мира и желание определить свое сходство с союзом латиноамериканских народов, желание познать весь мир, его состояние, соответствие и — все еще — несоответствие великому предназначению человеческой цивилизации. Этими мотивами наполнены стихи и поэтов старшего поколения — Карлоса Пельисера, Сальвадора Ново и Росарио Кастельянос, и поколения пятидесяти- или почти пятидесятилетних: Хаиме Лабастиды, Хосе Эмилио Пачеко, Омеро Аридхиса. В Мексике я был лишь один раз, но поездка эта дала незабываемый образ того, что долгие годы постигалось через посредство книг, экрана, репродукций, пластинок: непостижимо огромная столица; иссушенная солнцем глубинка; музыка; цвет и свет мексиканского пространства...

Павел ГРУШКО

Человек-стрела, нацеленная в бесконечность

Росарио КАСТЕЛЬЯНОС

ТКАЧИХИ СИНАКАНТЫ

В долину тонких сосен,
и туч, и тучных стад —
в долину Синаканта
пришла я час назад

одна как есть — ни дома,
ни родичей,— я тут,
чтобы ткачих увидеть,
таинственный их труд.

Полет руки меж ниток
загадочен и скор,
причудливо уместны
и краски, и узор.

Гляжу, не отрываясь,
на эту ворожбу.
Что мне соткут подруги?
А вдруг мою судьбу?..

Карлос ПЕЛЬИСЕР

СТРОКИ О ЧЕ ГЕВАРЕ

Он был странствующим
огнем революции.
Он огонь, который в нас
разгореться готов.
Он плечо, подпирающее ураганы.
Он дерево, на котором нет
ленивых плодов.

Сгустим наши дыхания,
чтобы время
могло обрести плоть,
чтоб мы не остались
только воспоминаньем,
а могли, разгораясь,
смерть побороть.

Он искра, возвещающая
новое пламя,
его живая смерть
ко всем нам обращена,
он необходимое радостное деянье,
чтобы не умереть от сна.

Пусть сгинет ночь, но не звезды,—
пусть только ночь сгорит.
Все, что есть в нас от света,—
да слышит и зрит,
да зрит и слышит,
да слышит и зрит.

Боливия — это Боливар [1], солнце —
это Боливар.
Анды громоздят
одиночество высоты,
дремучая сельва повсюду вокруг
от света до темноты,
Идеи.
Дела.
Сельва — фабрика жизни.
А шахты — смерть заняла.

Крестьяне, шахтеры,
он свою кровь оставил
в ваших руках,—
он, вас любивший и любящий,
он, который будет любить вас
в веках,
который, даже если ты
и не явишься,
явится, покинув свой прах.

Мы — на заре народов,
желающих сплотиться
в единый народ,
Южный крест раскрывает
сиянье своих объятий.
Пусть единым желанием
нас обожжет.
С дивной крыши Боливии
Южный крест рушится на нас всех.
И он нас раздавит, если мы
не потрудимся
на благо этих, и тех, и тех.

Мы должны стать всеми народами.
Увидеть себя в неугасимом луче
Боливара, Сан-Мартина [2]
и Че.

СТИХИ МЕКСИКАНСКИХ ПОЭТОВ

Сальвадор НОВО

ГОРОДА

В Мехико, в Чиуауа,
в Хименесе, в Паррале, в Мадере,
в Торреоне — повсюду
холодные зимы и ясные утра,
дома, где живут люди,
огромные здания, где не живет
никто,
театры, куда приходят
и рассаживаются,
церковь, где встают на колени,
животные, которые не могут
без людей,
река, протекающая поблизости,
бурлящая, словно после
ночного дождя,
болота, где плодятся лягушки,
сад, где каждый вечер в пять
возле киоска столько чудес,
рынок, забитый зеленью
и корзинами,
ритм дней, воскресенье,
станция, которая ежедневно
добавляет или убавляет людей,
словно бусины в четках,
боязливая ночь,
семья и отец,
вечно работающий
и приходящий с работы,
время ужина и друзья,
визиты к друзьям,
новый костюм,
письма из других городов,
ласточки, низко летящие
или забивающиеся под карниз.
И повсюду — желание:
капелькой воды соединиться
с радушной землей.

Омеро АРИДХИС

МОСТ

Взлет
обветшалых камней.
От его краев
начало и конец
сбегаются к центру,
чтобы разойтись от центра,
подобно рессоре.

Когда
его геометрическая плоть,
его скучная длина
и серая протяженность
распадутся в воде,
подобно храму в пыли?

Может быть,
человек
на его дугообразной вершине —
стрела,
нацеленная в бесконечность?

Мост —
дугообразный воздух,
окаменевший над лиловой рекой
снов.

ГОЛУБЫЕ ПРОСТРАНСТВА

У реки в долине есть дно,
а выше — в горах —
воздушный свет солнца,
петляя, оставляет за собой
прозрачные тени.

А человек,
хоть и беден на этой земле,
бредет, одетый во всю свою
наготу света.

Хаиме ЛАБАСТИДА

РЫНОК В ПОЛДЕНЬ

Внезапно донесся запах —
запах гнилых плодов,
донесся запах их пота.

Грузчик остановился,
сбросил ящик на землю,—
содрогаются стекла.
Ящики — гром тамтамов.
Но это были не джунгли.
Здесь был асфальт и его
душные испаренья.

Солнце оплавило стены
и размягчило брусчатку,
грубо размыло краски.
Воздух сделался жидким.

Пот состязался с гнилью,
кто острее на запах.
На проволочных растяжках
седела свежая рыба.

Выли сирены фабрик,
ныли руки торговцев.
Пузырились крыши домов.
И начал от зноя ржаветь
механизм моих рук.

В этих соленых тропиках
бедность вострит свой гнев.
У бедности цвет народа,
желтая потная кожа.

Рынок дробит нам кости.
Рынок такой: здесь труд
пахнет потом и смертью.

Хосе Эмилио ПАЧЕКО

ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Солнце покинуло
умытый дождем мир.

Свет взыскивает свой воздух.

Прозрачность
померцает минуту,
и воцаряется ночь.

В ЗАЩИТУ ВЬЕТНАМА

I

На Меконг вернулась весна,
на деревьях,
обглоданных дефолиантами,
появились побеги.

Они бомбили Вьетнам,
словно можно
выстегать море.

II

Они сказали, что защитят
западный мир
и что революция не пойдет дальше.

Сегодня их кости убелены рисом,
и в осенней грязи поблескивают
их банки и негниющие
клочья пластика.

---

[1] Симон Боливар (1783—1830) — руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке.
[2] Хосе Сан-Мартин (1778—1850) — один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Южной Америке.

Мехико ночью * На берегу Тихого океана.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На кукурузном поле неподалеку от Лас-Эстакаса * Здесь снимался фильм «Тарзан» * Утомился * На одном из пляжей Акапулько * Старинная крепость в городе Куэрнавака * Экзотические хижины и водопады на берегу океана * Ремесленник * Фрагмент древней пирамиды * Уличный базар.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

БЫТЬ, КЕМ РОДИЛСЯ

Для актера, прослужившего на сцене четверть века, Алексей Петренко накопил на своем счету не так уж мало ролей. А каждая его работа на экране — от Распутина («Агония»), Петровского («Поезд чрезвычайного назначения»), Петра I («Сказ про то, как царь Петр Арапа женил»), директора школы («Ключ без права передачи») до гротесковой, комедийной роли в короткометражке «Давыдов и Голиаф» — привлекает внимание, вызывает интерес.

Фотопортрет, который вы видите, был сделан В. Плотниковым в 1975 году, как раз когда заканчивались съемки «Агонии».

«Он один из немногих актеров,— рассказывает режиссер Элем Климов, открывший Петренко для кинематографа,— которые рискуют и способны пропускать через себя высокую энергию, опасную энергию».

Итак, с Алексеем ПЕТРЕНКО беседует корреспондент «Огонька».

В печати крайне редко появляются интервью с этим актером, кажется, два-три раза за всю его жизнь. И первый вопрос, на который хочется знать ответ: почему он так экономен в высказываниях?

— Не столько в силу особенностей характера, сколько в силу специфики профессии.

Вот, предположим, поэт. Он живет затворником и общается с миром лишь посредством букв. В этом случае понятно, что у него возникает потребность время от времени ощутить живой контакт с людьми.

В распоряжении актера нет никаких инструментов, кроме самого себя.

Сначала способ существования в профессии складывается интуитивно. Я учился в Харьковском театральном институте. Он расположен на магистральной улице города — Сумской, где всегда многолюдно и шумно. И довольно трудно проскользнуть в дверь здания с вывеской «Государственный театральный институт» незаметно для прохожих. Но я умудрялся это делать. Почему-то очень не хотелось демонстрировать свою причастность к загадочному для окружающих актерскому миру. И с первого же курса отказывался участвовать в концертах с художественным чтением, когда выходишь на сцену без театрального костюма и грима.

С годами это не исчезло, а, наоборот, укреплялось. И сейчас отправляюсь на спектакль заранее не только для того, чтобы сосредоточиться, но и чтобы не попасться на глаза ни одному зрителю, хотя захожу в театр через служебный вход. Точно так и после представления. Все-таки есть что-то разрушительное для театра, когда зритель видит на сцене некоего персонажа, а потом с ним рядом в метро садится тот же самый актер-человек, но уже без усов и без шевелюры.

Не могу отделаться от чувства, что не стоит злоупотреблять частым появлением на людях в собственном обличье. Хватит и повседневной необходимости — на улице, в магазине, в общественном транспорте.

Ну, а кроме того, вопросы всегда повторяются, а следовательно, повторяются и ответы. А сколько же можно повторять одно и то же?

Как справедливо заметил в одном давнем своем стихотворении Андрей Вознесенский: «Слишком часто мы рты разеваем».

Важное место заняла в судьбе Алексея Петренко роль Распутина. Но фильм «Агония» вышел на экран с большой задержкой, и то, что должно было стать кинодебютом актера, превратилось в ретроспекцию, потому что успели пройти на экранах все более поздние фильмы с его участием...

— Гоголь предлагал готовую рукопись прятать в стол на семь лет. И тогда выяснится, что и как. «Агония» пролежала десять. Для кинематографа с его бурным техническим развитием да еще в наш век такой срок очень строгий. Но данные кинопроката свидетельствуют, что «Агония» выдержала конкуренцию даже с гораздо более молодыми по возрасту фильмами. Значит, труд многих людей оказался не напрасным.

Каждому актеру хотя бы один раз в жизни должно повезти. Мне повезло. Постановщик «Агонии», имевший возможность выбирать среди самых известных мастеров, рискнул утвердить меня, до тех пор практически не снимавшегося. В итоге это явилось для меня одновременно и счастьем и несчастьем. Почему счастьем, думаю, объяснять нет нужды, а несчастьем вот почему.

Представьте себе, что летчику выпал шанс впервые подняться в воздух на сверхзвуковом корабле и он испытал ошеломляющие ощущения перегрузок — физических, нервных, психологических, профессиональных. А потом его уделом стало управлять обыкновенными самолетами, а то и садиться за штурвал «кукурузника». Так случилось со мной.

Все было сложно в «Агонии». Поначалу односерийный сценарий, обозначенный как политическая сатира, не удовлетворял всех. Прежде всего Элема Климова, затем и самих авторов, ну, и всех-всех. В картине занято очень много высокоталантливых мастеров своего дела. Режиссер-постановщик день ото дня усложнял задачи и себе, и драматургам, и исполнителям. На ходу разыскивались материалы; в ту пору еще не выходили ни «Двадцать три ступени вниз» Касвинова, ни роман Пикуля «У последней черты», и вообще эта страница отечественной истории оставалась как бы пропущенной через тишину.

Оператор Леонид Калашников снимал две серии на дефицитной импортной пленке, отпущенной на одну серию, и вместо привычных для кино трех — пяти дублей делался один, в редких случаях два.

У меня не было опыта, а фигура Распутина по мере работы все распухала и ускользала. За помощью обращался к десяткам людей — от Василия Макаровича Шукшина, с которым режиссер меня специально знакомил для беседы о сибирском говоре, до самых серьезных историков и профессиональных гипнотизеров. По инерции до сегодняшнего дня вырезаю материалы и кладу их в папки с надписью «Распутин». И вот теперь что-то, кажется, начинаю понимать про эту странную личность.

В последующие за «Агонией» годы тосковал не из-за того, что она не выходит на экран (с этим как-то уже свыкся), а по испытанной однажды перегрузке.

Это в кино. В театре утолить тоску по творческим перегрузкам помог режиссер Анатолий Васильев, уговоривший меня сыграть нетрадиционно написанную роль восьмидесятилетнего старика в лишенной драматургических штампов пьесе Виктора Славкина «Серсо». После большого перерыва очутился перед новыми, казавшимися непреодолимыми профессиональными барьерами. В наш век поточного производства всего — в том числе спектаклей и фильмов — Васильев позволил себе роскошь потратить три года на создание уникального штучного ручного изделия. Того же требовал он и от актеров. И вот теперь «Серсо» идет в театре на Таганке; играем в месяц подряд пять-шесть представлений. И на каждом из них вместе со своими товарищами по «Серсо» пытаюсь соответствовать уровню, предложенному авторами спектакля.

И, наконец, вопрос, без которого не обойтись в беседе с актером: над чем он работает? О какой роли мечтает? Каковы планы на будущее...

— Желания актеров утопические. Они утопают в желаниях режиссеров.

И тем не менее актерская профессия — одна из самых независимых на земле. Как независимы нотные знаки или буквы.

А еще изначально эта профессия прекрасна тем, что она профессия познания. В прежние времена, когда ничего не фиксировалось, как бы актер ни сыграл, он должен был двигаться дальше в своем познании человека и жизни. Теперь кино и телевидение записывают труд актера на пленку, и он может воочию видеть результат. Значит, есть коварная возможность отбросить все, что плохо, а то, что хорошо, нещадно использовать дальше. А значит, остановиться в процессе познания.

Почему сегодня таким успехом пользуются некоторые любительские театры? Там люди на сцене натуральные, в них бегут токи живой жизни, они не обросли своими и чужими штампами, не разбавились водой апробированного искусства.

А вот в обычных спектаклях и фильмах человек унифицирован. Не хватает дикости. И складывается впечатление, что самобытные личности существовали на русской земле во времена Чехова и Горького, а теперь все похожи. Между тем и сейчас живут среди нас самородки, яркие, неприглаженные типы, может быть, только выражают они себя не так явно, или мы наблюдаем их лишь в общественных местах?

Представьте себе, что все живущие на земле звери — от жирафа до мыши — стали культурными, домашними, ведут себя по правилам. Проголодался лев, а воспитанный заяц сам отправляется к нему в пасть.

...Если не можешь соскочить с заученной интонации — соскакивай с роли. И с «должности» артиста, писателя, режиссера. И тебе не может служить оправданием или утешением, что существуют целые театры и целые писательские организации, которые плохо играют и пишут, но делают они это по системе, при которой долго живут и процветают.

В молодые годы актеру хочется войти в моду, и он начинает метаться. Появляется повышенный спрос на березку — он тут же становится березкой. Привыкает к березкиным украшениям и мыслям, а на небосклоне новый кумир — клен. А потом лоза. И так далее. И не угонишься. А может быть, надо так: кем родился, до того и дорастай. Если сумеешь. Ведь все равно рано или поздно выясняется, кто мы есть на самом деле. И не поддаваться, когда разгорается временная золотая лихорадка вокруг вновь открытого чего-то или кого-то. Знать, что она временная. И прислушиваться к внутреннему сторожу.

Ну, и последнее. Что делаю и что собираюсь делать.

Недавно отснялся в болгарском фильме по повести Руденко Иорданова «Лука блаженный». Человек, которого играл,— болгарин, бригадир строителей. Однако фильм не претендует на то, чтобы научить строителей строить, как это часто случается со сценариями и пьесами на так называемую производственную тему. Лука пытается жить по совести. Вот и все. Это не так много, но и не так мало по нынешним временам.

На днях озвучивал роль Слона в будущем телевизионном мультипликационном фильме. Это мой дебют в новом жанре.

Осенью предстоит начать работу над двумя большими ролями — из произведений Горького и Шекспира. Называть не буду. Ведь спортсмен-штангист никогда заранее не обнародует намеченный новый вес. А то ведь может быть и так: назовешь вес, а потом подойдешь к штанге, постоишь-постоишь и отойдешь...

Обычно принято говорить: главная роль впереди. Может, оно так и есть. Только мне иногда кажется, что все роли уже в прошлом, а впереди осталась одна-единственная: твоя собственная жизнь. Ведь, когда заканчиваются спектакли и фильмы, актер остается один на один с собой... Что он расскажет самому себе?

Алексей Петренко. **Фото В. ПЛОТНИКОВА**

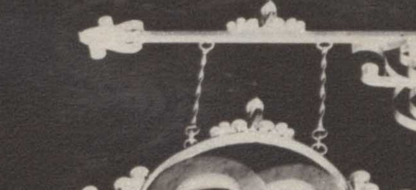
В липецкой пекарне.

Пожалуй, и нет еще такого хлеба, который сравнится с ржаным! Непроста судьба этого хлеба, многое в этой судьбе зависит от пекаря и хлеботорговца; да и от каждого из нас. «Огонек» не раз рассказывал о ржаном, выступал в его защиту. Напомним лишь некоторые публикации — «Ржаной от «Карла Фацера» («Огонек» № 22, 1978), «Урок хлеба» (№ 48, 1978), «Хлебам на удивленье» (№ 38, 1983), «Житный, пеклеванный и лаваш» (№ 20, № 30, 1984). Сегодня мы узнали, какой замечательный хлеб пекут в старинном русском городе. Но почему только здесь!

Они из «Сказки».

К. БАРЫКИН,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

ЛИПЕЦКИЙ КАРАВАЙ

В Липецке пекут ржаной хлеб. Эка невидаль, говорите! И я так считал, покуда не увидел, что за ним выстроилась очередь. Выделяют его липчане среди других хлебов! Почему?

Ржаное это дело взяла на себя Ольга Ивановна Конькова. А она такой человек, что умеет выбрать дело, которое сейчас, сегодня нужно делать в первую очередь...

Подсказывают же ей эту цель житейский опыт, интуиция да и должность — директорствует Ольга Ивановна на здешнем кондитерско-булочном комбинате. Это она несколько лет назад затевала «Сказку»; теперь этот магазин в городе все знают. Он и сейчас ухожен так же, как в день открытия. И не только тем примечателен. Смотрю на прилавок. Сухое печенье, галеты, которые в Москве или, скажем, в Ленинграде чаще вспоминают, чем покупают. Бублики горячие, обварные, тоже изрядно позабытые. Пряники и прочая вкуснота. Без перебоев. Каждый день. С утра до закрытия... Достало бы Коньковой одной «Сказки». Но с тревогой отмечала она: исчезает из обихода ржаной, такой, каким его знали и ели наши деды и прадеды. «Это же наш хлеб, гордость наша». И начинала все не для куража, не для галочки в годовом отчете. А с такой вот заботой о ржаном и о едоках. «Напомним им и хлебную строку нашей истории». Потому истории, что ржаной не частность, а историческое обобщение. Пышки, ситники, калачи, булочки и батончики — это хлебное. А ржаной — это хлеб. Нет его лучше и никогда не было. Да и вряд ли появится.

Умеет Конькова понять момент, за которым должна следовать не длинная речь, а одно слово: пора!

Посоветовалась Ольга Ивановна с товарищами по комбинату. Обсудили все, взвесили обстоятельно, но без проволочек.

Нашла дорогу в обком партии. Здесь ее поддержали. Я поначалу не мог объяснить себе: отчего секретарь обкома, на плечах которого (которой — это Раиса Егоровна Злобина) пропаганда, так заботлив к хлебной выпечке! Потом разобрался: сохране-

ние традиций, а какие без хлеба традиции, разве это не пропаганда?..

Всегда ржаной был первым среди русских хлебов. «Пшеничка по верхосытку, а ржануха на закладуху». Надежный это хлеб, плотно кормит.

Но я знаю и другое — уходит ржаной из обихода. Мне показали тревожную статистику: по ржаному мы основательно не дотягиваем до нормы, а вот пшеничных хлебов съедаем на две трети больше, чем надо бы. Едим ситный и жалуемся на лишний вес, на другие хвори... Конечно, такого ржаного, какой был лет пятьдесят—шестьдесят тому, уже не сыскать. Но остались подробные описи: и какой надобно быть муке, и воде, и заквaскам. На «головках» прежде тесто ставили и растили... Остались и рецептуры. Спасибо за них одному из крупнейших историков хлеба, Святославу Всеволодовичу Коновцеву, спасибо профессору Льву Яновичу Ауэрману и всей «хлебной кафедре» Московского пищевого института, спасибо Виталию Александровичу Патту «со товарищи» по Научно-исследовательскому институту хлебопекарной промышленности... Их заботу и взялись продлить липчане, в частности Ольга Ивановна Конькова. И до этого начинали возрождать ржаной, наладили было его выпечку, назвали хорошо — «житный». Но годы идут, и никак не выйдет житный на те позиции, которые ему надо отвести в рациональном питании. Отчего это происходит — другой вопрос, с ним походя не разберешься, но нет житного на многих обеденных столах. Это факт. Нынешняя корректировка в шкале ценностей, когда снова появилась тяга к разумной давности, не обошла да и не могла обойти ржаной хлеб. И когда мы говорим о сбережении народной истории, тут без заботы о ржаном — одни слова. А еще академик И. П. Павлов говорил, что хлеб насущный представляет ту древнейшую связь, которая соединяет все живые существа с окружающей природой... Недаром над всеми явлениями человеческой жизни господствует забота о хлебе, сказал ученый.

Ольга Ивановна в разговоре обронила: «Внуки наши должны знать вкус настоящего ржаного». Сказано — сделано? Это только в сказках колобки (к слову, из ржаной муки был выпечен первый колобок!) быстро пеклись. У хлебозаводов же план. К ним с давним рецептом не подходи. Объемы, рост от достигнутого; хлеб массовый, индустриальный, можно сказать. Его пекут на потоке. Не до экзерсисов, не до вариаций на тему «забытый ржаной». Тогда собралась с ним Конькова к директору Новолипецкого металлургического комбината Ивану Васильевичу Франценюку. Ее отговаривали. До булок ли ему? Комбинат — махина, своих забот невпроворот. Она соглашалась, но помнила строку умного поэта: «Не будет хлеба — не будет железа».

Пошла. И порешили ставить Дом хлеба в центре микрорайона, в котором живут металлурги. И Франценюк, поверх верха занятый гендиректор, на летучках спрашивал за эту стройку так же ответственно, как за прокатный стан. Да никто и не уходил от дела.

Пекарню уже строили, а закваски для ржаного не имели. Тут какое дело: всюду сейчас перешли на жидкие закваски, они удобны. А встарь хлеб пекли на густых, на «головке».

— Выведали, что есть на одном дальнем руднике давняя пекаренка. Поехали. Хлебопек хлебопеку никогда не откажет. Привезли что требовалось, теперь бережем пуще глаза,— это говорит мне мастер Надежда Николаевна Сафонова.

По крупицам восстанавливается хлеб, не само все в печь попало.

Сейчас Дом хлеба открыт. Около него я и увидел очередь за ржаным. Во всех булочных города ржаного, что с хлебозаводов, полным-полно. Но едут сюда, ворчат, однако готовы подождать...

— Уж до чего пригож и вкусен! — и так и этак нахваливает Домна Ивановна Петрова.— Ну, словно из деревенской печи...

Ни разу еще не замечено, чтобы оказался несъеденный кусок такого хлеба в бачке для отходов. А это тоже не последней руки обстоятельство. Недавно одна из центральных газет привела статистику: за год только в Российской Федерации скоту скармливается 2,5 миллиона тонн хлеба.

Липецким ржаным свиней не подкармливают. Это тоже факт.

Дом хлеба толково спроектирован. Есть большой торговый зал, в нем свежие булки, батоны, калачи, те же галеты, пряники и бублики (те, что пекут в «Сказке»). Через стеклянную, во всю стену перегородку — сама пекаренка.

Так сейчас не только в Липецке — пекарня при магазине. Но всюду, знаю не понаслышке, в них пекут хлеб только пшеничный, белый, как вата,— «багеты», у которых если и есть вкус, так только в первые два-три часа после печи. И оборудование в таких пекаренках все больше из дальних стран.

А тут заказали эстонским кооператорам печи — не нарадуются, ни разу еще не подвели. Соорудили этажерки с люльками, в которых тесто отстаивается, отдыхает, прежде чем отправиться в печь. Такая у ржаного технология — технология степенного, неспешного хлеба... А затем окунают заготовки в полымя, в самое пекло; оно опаляет тесто, румянит его, берет в корочку.

— Без нее хлебный дух не сбережется,— замечает Сафонова.— Но лишь прошли жаркие минуты, тут не зевай, а то хлеб не испечется, а высохнет. Зарумянится каравай, мы огонь поубавим, и пекись себе на славу...

Трое в смене. Сафонова и ее помощницы, тоже мастера, пекарь Нина Сергеевна Пашенцева и тестомес Галина Васильевна Маркова.

Часа не прошло: принимай, Надежда Николаевна, урожай печи.

Горячие, духовитые, аппетитные хлебы словно сами выскакивают, а тут их: раз, раз, раз,— на полки, чтобы чуть постыли, отошли от жара. Хлеб уже ждут. О нем по городу хорошая молва. Дескать, вкусен он (что есть, то есть!), и полезен («Моему старику врач так и сказал: ешь ржаной, что ты все на сайки налегаешь»). Но тысяча буханок за день, за смену. Спасибо, хорошо, но всего тысяча. Одна тонна. Вот и старается каждый быть первым в очереди. А сзади напирают советами: «Больше чем по буханке не продавайте». Вот она, диалектика,— хорошее дело такой стороной обернулось. Как узелок разрубить?

— В планах, и в ближайших, увеличение выпечки,— поясняет Конькова.— На самом Новолипецком комбинате, прямо у заводской проходной, пустят булочную с пекарней. Шесть тонн ржаного, а это шесть тысяч буханочек. Строится пятый хлебозавод, и там проектируется линия для ржаного.

Перешагнет ржаной и областную границу: приезжали воронежцы, все узнали-выведали (а от них ничего и не таили), собираются у себя затеять пекарню.

— И тогда мы к ним со своим хлебом-солью, а они — в ответ, со своим. Как хорошо — обменяться хлебами! Расположение свое друг другу высказать.

Но и Новолипецкого металлургического комбината магазин-пекарня да и воронежские профессиональные хлебопеки в общем-то не удивляют: рассудили здраво, и все тут. Ведь под это рассуждение у них есть и силы, и средства, и возможности. А вот то, что пекут теперь ржаной (немного: пять—семь буханок в день, больше им не надо) в далекой, «неперспективной» липецкой деревеньке Племянниково,— вот что примечательно. И неожиданно. Была в деревне старая школа, называлась племянниковской, закрыли ее за ненадобностью. Пустовал дом. Подремонтировали его, выложили в красном углу русскую печь; отыскались и те, что умеют-знают хлебы катать. А ребятишки тут как тут; понятливо переняли, освоили.

...Александр Трифонович Твардовский писал: хлеб и хлеб — всему держава. Жалею, не узнал он, что липчане так хорошо это подтвердили.

Липецк.

Когда я подхожу к дому с мемориальной доской, к зданию с табличкой «Охраняется», полагаю — тут все в порядке: общество охраны да и само государство озабочены тем, чтобы сохранить постройку, пронести ее через века и годы. Но есть еще нечто, на что и доску-то не прикрепить. Старая и добрая народная песня, поморской старины лодка; да тот же ржаной хлеб! Как их оберечь, как сохранить их неповторимость, что тут можно сделать?

ВОЗВ

Юрий РЫТХЭУ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

РАССКАЗ

●

Космический корабль Сверхдальней земной экспедиции возвращался домой. Сверхдальняя земная экспедиция занималась исследованием погибших цивилизаций. Занятие, прямо скажем, не очень веселое, но человечество планеты Земля, вышедшее из труднейших испытаний конца двадцатого столетия, не хотело повторения тех судеб, которые привели к исчезновению многих внеземных цивилизаций.

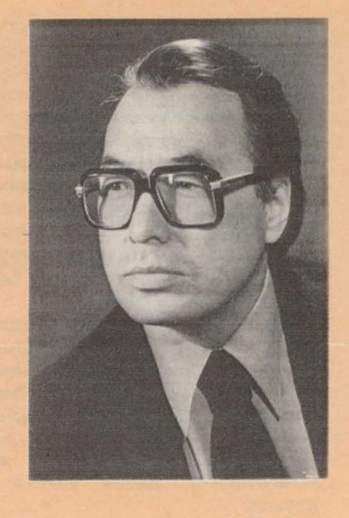
Роми Сахни, космический исследователь Гималайского института изучения космоса, порой испытывал некое чувство, вроде древнего чувства зависти, к тем своим коллегам, которые занимались живыми внеземными цивилизациями, устанавливали с ними контакты, искали пути общения с разумными существами, многие из которых совершенно не походили на людей Земли. Но он и глубоко и отчетливо понимал нужность и полезность работы, которую проводила Сверхдальняя земная экспедиция. Коллеги Роми Сахни — русский Владимир Чулков, уроженец маленького тверского городка Кимры, вьетнамец Нгуен Тхань, часами готовый рассказывать о своей родине, о маленьком селении на южной оконечности Индокитайского полуострова с коротким названием Муи, о маленьком саде на самом берегу голубого залива, где росли посаженные еще дедом кокосовые пальмы. Четвертым в группе космических исследователей был уроженец Таймыра, ненец Григорий Тайбарей. Его главной специальностью было определение причин физических столкновений небесных тел, приводящих к катастрофе.

Во время предыдущих экспедиций были открыты следы цивилизаций, погибших в ядерной войне, развязанной самими обитателями этих планет. Таких было сравнительно немного, но кровь стыла при мысли, что подобное могло когда-то случиться на планете Земля в те тревожные времена, когда угрожающе росло число смертоносных ядерных зарядов, когда иные обезумевшие стратеги всерьез поговаривали о первом ядерном ударе, об ограниченных и затяжных ядерных войнах, с леденящим равнодушием рассуждали о возможной смерти десятков и сотен миллионов, нет, не врагов, а своих же сограждан! В те годы готовилось и химическое оружие, тайно испытывалось бактериологическое, вынашивались планы тотального влияния на психику людских масс. В те годы Советское государство и все социалистические страны возглавили борьбу за мир, за сохранение жизни на планете Земля.

Григорий Тайбарей каждый раз, сталкиваясь с цивилизациями, взаимно уничтожившими себя, чувствовал горечь и запоздалое сострадание к исчезнувшим разумам, частицам особого, неповторимого света во Вселенной, пронзившего огромные расстояния и беспредельные пространства. Особенно больно было видеть мертвые планеты, где жизнь была похожа на земную и разумные существа походили на людей. Словно виделась собственная судьба, своя, к счастью, несостоявшаяся гибель...

Отгоняя от себя эти мрачные мысли, Григорий Тайбарей обращал взор на крохотную звез-

РАЩЕНИЕ

дочку, родную, желанную, теплую, хотя на Таймыре климат оставался таким же суровохолодным, но это была теплая стужа родной Земли, Земли, сохраненной для прекрасного разумного создания — Человека.

Нгуен Тхань не впервые участвовал в экспедиции. Он одним из первых исследовал и описал фактический облик погибших в результате космических катастроф цивилизаций. Разные это были существа, но всех их объединяли Разум, способность познания окружающего мира, самого себя, реальная, удивительно мощная материальная сила.

Он согласен был со своим другом Григорием Тайбареем, когда тот говорил об особых чувствах, испытываемых им к разумным существам, похожим на людей, погибшим из-за своей, как ни странно, неразумности.

Роми Сахни сидел в кабинете, облицованном легкими бамбуковыми панелями, такими теплыми и приятными. Четыре громадных кварцевых иллюминатора смотрели на звезды, а большой локатор, настроенный на Землю, мерцал синеватым экраном.

Роми нажал на кнопку внутренней связи и произнес:

— Чулков, ты где?

— В спортивном зале.

— Жду у себя.

Григорий Тайбарей и Нгуен Тхань тоже сразу же отозвались.

К приходу товарищей Роми разложил на столе материалы посещения того участка Млечного Пути, где была обнаружена и исследована обитаемая планета.

При приближении к ней, когда были получены анализы атмосферного воздуха, произведены гравитационные измерения и взяты предварительные дистанционные пробы почвы, состава воды в океанах и реках, все в один голос воскликнули: «Да это же наша Земля!»

Григорий Тайбарей шутливо спросил главного штурмана:

— А не повернул ли ты тайком обратно? Сознайся!

Но это действительно была новая, неисследованная планета, и ее удивительная схожесть с Землей только подогревала растущий интерес, волновала участников экспедиции.

Космический корабль занял круговую орбиту с наклоном в сорок пять градусов к экватору Зеркальной, и через несколько витков бортовые компьютеры получили ответ на свой вопрос и расшифровали его.

Да, планета была населена. И, похоже, близкими к земным людям существами. На экране дисплея возникли сначала расплывчатые, а потом вполне отчетливые очертания двуногих, прямоходящих существ с огромными круглыми глазами, которые то закрывались какой-то пеленой, то открывались широко и светились как бы изнутри, словно мощные объективы старинных фотографических аппаратов. Хотя температура поверхности планеты по показаниям приборов космического корабля составляла около двадцати двух градусов по Цельсию, зеркаляне были одеты в серые, глухие одеяния, в такого же рода штаны, заправленные в высокую обувь темного цвета. У каждого из них на груди, на шнурке или на цепочке болталось нечто вроде бирки со знаками, над расшифровкой которых пока еще работали бортовые компьютеры космического корабля.

— Они запросили все данные о корабле,— сообщила человеческим голосом главная машина.— Все параметры, откуда прибыли, с какой целью... А также просят данные о каждом члене экипажа. Вопросники будут переданы дополнительно.

На этом первый сеанс связи с новой планетой был прерван, и четверо земных суток космический корабль Сверхдальней земной экспедиции кружился на орбите, безуспешно пытаясь вызвать на связь зеркалян. Тем временем участники экспедиции собирали сведения о планете, пользуясь средствами, имевшимися на корабле.

Планета была довольно густо заселена. На ней были города, соединенные между собой дорогами, разными коммуникационными системами. Среди зеленых полей и лесов проглядывались населенные пункты, которые по земным меркам можно было бы назвать селами или деревнями. Но для такой большой и прекрасной по климату планеты как-то удивительно мало было знаков деятельности, и создавалось впечатление, что планета, точнее, ее жители находились в странной спячке, предпочитая сидеть дома, почти не общаясь друг с другом.

— Странный народ,— бормотал про себя Тхань.— Может, у них какая-то болезнь?

— Да нет, наши машины-анализаторы об этом не сообщают.

— Тогда что же с ними такое?

— Может, у них такой характер,— возразил Роми.— Зачем им обязательно быть психологически похожими на нас?

На четвертый день главный компьютер принял анкеты-вопросники для членов экспедиции. Они содержали около полусотни вопросов, касающихся не только самых интимных свойств каждого человека, но также требующих сведения о родственниках, о контактах с другими цивилизациями, о своих предках, отчего они умерли и где похоронены. Около десятка вопросов касалось служебного и научного продвижения, полученных наград и премий, а также почетных званий.

Чулков, взглянув на вопросник, присвистнул:

— Где же я возьму сведения о далеких предках?

И впрямь некоторые вопросы поражали бессмысленностью. Ну, например, такие: имеются ли у вас родственники среди инопланетян, если есть, укажите, какие связи с ними имеете... Надлежало также указать принадлежность к земным политическим и общественным организациям, точное местожительство, состав семьи, перечислить живых и умерших родственников.

— По-моему, они решили поиздеваться над нами,— осторожно предположил Тхань.

— Я помню что-то вроде этого,— задумчиво сказал Тайбарей.— В оставшихся от моего деда бумагах было что-то вроде такой же анкеты...

— Неужто у нас было такое?— недоверчиво заметил Чулков.

— Ну, конечно, там поменьше было вопросов, — промолвил Тайбарей, — но я запомнил ответы: не был, не состоял, не имел...

— А это выход из положения!— обрадованно воскликнул Чулков.— На большинство вопросов можно так и ответить!

— А мне кажется,— раздумчиво произнес Роми,— раз наши новые знакомые и братья по разуму запрашивают эти сведения, то надо отнестись к их обычаю с должным уважением...

— Вот еще!— воскликнул Тхань, продолжавший между тем изучение вопросника-анкеты.— Требуется приложить по двенадцать голографических снимков лица в анфас и в профиль. Причем надо представить и правую, и левую стороны лица.

— Не считая роста в метрических мерах и веса,— ворчливо заметил Чулков,— в начале дня и вечером.

Конец спорам положило распоряжение начальника экспедиции.

— В первую группу включены космонавты-исследователи Роми Сахни, Нгуен Тхань, Григорий Тайбарей и Владимир Чулков. Всем тщательно и без пропусков заполнить вопросники-анкеты и приготовить просимые голографические изображения.

С помощью бортового большого компьютера в общем-то справились с анкетами. Она затем и размножила вопросники-анкеты и перевела в знаки существующей на Зеркальной письменности. Вопросники-анкеты в готовом виде заняли по целому портфелю.

У начальника экспедиции имелась титановая пластинка, на которой в двоичном коде содержалась информация о его полномочиях. Но и ему пришлось, как и другим, изготовить голографические снимки и заполнить анкету.

После передачи данных на Зеркальную снова наступила пауза, и новая планета не отзывалась на вызовы космического корабля ровно шесть дней.

На седьмой день на очередной запрос пришел краткий ответ:

— Ваши документы изучаются соответствующими инстанциями и комиссиями. О решениях вам будет сообщено дополнительно...

В томительном ожидании прошло еще три дня.

Наконец с Зеркальной сообщили, что группа землян может быть принята на планете. Указывались координаты, куда мог сесть челночный корабль-паром.

Челночный корабль мягко приземлился на указанной поляне, возле красивого, полноводного озера. В большой иллюминатор хорошо была видна рябь на поверхности воды, солнечные блики, напомнившие Тханю вид на Западное озеро в Ханое со стороны старого здания гостиницы «Гавана».

Прежде чем перейти в шлюзовую камеру, все надели гигиенические маски, предохраняющие дыхательные пути и слизистые оболочки глаз, носа и полости рта. Маски были легкие, прозрачные и отнюдь не искажающие привычного внешнего вида землян.

Первым ступил на почву Зеркальной начальник экспедиции. Он хотел было двинуться к фигурам, стоявшим поодаль, но тут на его пути выросли двое довольно рослых зеркалян, вооруженных какими-то приспособлениями, отдаленно напомнившими сохранившиеся в земных музеях винтовки. Анализатор и преобразователь сигналов на груди у начальника экспедиции тут же перевел команду:

— Предъявите документы!

Начальник экспедиции хотел было возразить, что все требуемые документы давно переданы

НА ЗЕМЛЮ

на Зеркальную, а также голографические снимки космонавтов-исследователей, но вовремя сдержался, подумав, что не следует ему здесь спорить и устанавливать свои порядки.

Начальник экспедиции расстегнул папку и подал одному из стражей требуемые документы. Тот тщательно изучил каждый документ, внимательно сверил голографические изображения с каждым прибывшим человеком, подходя так близко, что Роми казалось, будто он глядит в глубину подзорной трубы или фотообъектива — такими глубоко бездонными казались глаза зеркалян.

Закончив процедуру, страж-зеркалянин понес документы отдаленно стоящей группе и передал их одному из них, невзрачному на вид, низкорослому, даже несколько кривоногому существу с такими же глубоко сидящими, светящимися темным блеском изнутри глазами.

Процедура знакомства с документами явно затягивалась, давая время землянам оглядеться.

За группой зеркалян виднелись экипажи, напоминающие своим внешним видом старинные земные допотопные автомобили эпохи двигателей внутреннего сгорания.

Когда изучение документов было закончено, анализатор речи сообщил человеческим голосом:

— Правительство нашей планеты приветствует собратьев по разуму. Просим следовать за нами.

Стражи шли по обе стороны от землян, держа в руках голографические снимки и время от времени сверяя их с осторожно шагающими по неведомой планете людьми, будто те могли неожиданно исчезнуть или же переменить свой облик.

Землян рассадили порознь. Начальник экспедиции не стал возражать. На крайний случай у людей имелась незаметная со стороны система связи, и они могли общаться друг с другом даже на большом расстоянии.

Не проехали они и четверти часа, как перед вереницей машин вырос шлагбаум. Ехавший впереди один из стражей понес папку с документами землян к вышедшему из придорожной будки третьему зеркалянину-стражу, одетому так же, как первые. Тот долго изучал бумаги, а потом прошел вдоль машин и сверил изображение каждого землянина с сидящим в машине оригиналом. Завершив процедуру, страж вернулся к себе в будку и поднял шлагбаум.

То же самое повторилось и при въезде в город, но никто из землян уже не удивлялся. Только Тхань заметил вслух:

— По-моему, они чего-то боятся.

— Это меры для нашей безопасности,— предположил Тайбарей.

Показались городские строения. Первое впечатление — все это заброшено, давно не ремонтировалось и не обновлялось. И на самой улице, и на домах, и на редких прохожих, робко жавшихся к высоким даже по земным масштабам строениям, лежала печать запустения и равнодушия обитателей города.

Чулков подумал, что это, быть может, так выглядит окраина города и в центре будет повеселее... Кто знает, что тут за общество, возможно, классовое, и машины едут через кварталы, населенные бедняками и отверженными?

Но вот машины выехали на большую площадь, окруженную зданиями, по виду явно общественными. Очевидно, это были правительственные здания. Но и они, быть может, даже в большей степени выглядели запущенными, изношенными, давно не подновлявшимися. По всей площади легкий ветер гнал кучу каких-то зеленых листков, оказавшихся при ближайшем рассмотрении обрывками бумаг с письменными знаками.

Машины подъехали к зданию. Это была гостиница. Анализатор речи передал начальнику экспедиции слова зеркалянина:

— Здесь вы будете жить.

Но прежде чем земляне получили ключи от номеров, им снова пришлось заполнять анкеты-вопросники, нисколько не меньшие, чем те, которые были посланы на космический корабль.

— По-моему, они издеваются над нами,— недовольно произнес Роми, пытаясь вспомнить, где был кремирован его прадед, чтобы ответить на вопрос в анкете.

— Ровно полтора часа ушло,— сказал Тайбарей, любивший точность.

— Мы изучим ваши документы,— сказал кривоногий зеркалянин,— а потом встретимся с вами.

Особенности его голоса хорошо передавались анализатором речи. Тон его речи был высок, и на Земле он вполне мог сойти за женский.

«Может, это женщина?» — с любопытством подумал Чулков.

В комнате над довольно удобной кроватью висел лист, испещренный письменными знаками. Чулков настроил на него свой карманный анализатор и прочел целый свод правил поведения жильца гостиницы. Прежде всего многое запрещалось: передвигать по своему усмотрению мебель, сверлить стены, наносить на них надписи, менять мощность и силу освещения, более двух раз в сутки пользоваться ванной, устраивать собрания, приводить в номер знакомых без согласования с администрацией и так далее. Многие из запретов относились к действиям, о которых мало кто бы мог догадаться. Так, не разрешалось устраиваться на ночлег в ванной комнате или под кроватью, разбирать прибор, напоминающий старинный земной телевизор.

Усевшись в кресло, Чулков включил этот прибор, настроил свой речевой анализатор.

Передавались новости. Зеркалянин-диктор с огромными черными глубокими глазами как бы вбирал в свои окуляры зрителей, и испытывающий при этом неприятное ощущение Чулков уже хотел было выключить экран, как вдруг услышал...

— На сегодняшний день самоубийством покончили еще семьдесят тысяч наших братьев в разных частях планеты, на тысячу больше, чем вчера,— бесстрастно сообщал диктор.— Среди ушедших из жизни в основном существа зрелого, среднего возраста. Меньше всего ушло из жизни детей. Участились случаи ухода из жизни целыми семьями... Сообщение о прилете космического корабля с планеты Земля Солнечной системы будет передано завтра после согласования, редактирования и отбора фактов Главным управлением фильтрации новостей...

Изображение диктора медленно погасло на экране, и комната наполнилась звуками удивительной музыки. Она была грустная, напоминающая чем-то сочинения древних земных композиторов, творивших до двадцатого столетия. Тоска охватывала слушателя, обволакивала его странным ощущением безысходности, тоски по далекому, ушедшему навсегда.

Что же у них такое тут происходит? Что за тревожная, тягучая атмосфера окружает жизнь этих таких похожих на земных людей существ, побуждая их десятками тысяч добровольно уходить из жизни?

Чулков принял душ и соединился с товарищами по системе внутренней связи, которая подробно объяснялась в правилах поведения постояльца гостиницы.

Номер начальника экспедиции был попросторнее, и все собрались вокруг большого овального стола, окруженного полукреслами, напоминающими остатки мебели старинного европейского дворца на планете Земля.

— Итак, каковы ваши первые впечатления и суждения?— спросил начальник экспедиции, адресуясь сразу ко всем.

Некоторое время в комнате царила тишина, свидетельствуя о том, что определенных суждений пока ни у кого из членов экспедиции нет.

— Ну, что скажешь, Чулков?

Владимир Чулков отозвался не сразу.

— Меня заинтересовало сообщение о том, что за сутки на планете умерло более семидесяти тысяч жителей...

— Мало ли что могло случиться? Может, стихийное бедствие?— пожал плечами Роми Сахни.

— Они все покончили самоубийством,— сказал Чулков.— И сообщение было сделано так, словно это обыкновенное, рядовое явление, уже ставшее привычным.

Чулков догадался, что никто из членов экспедиции не включал телевизионное устройство в номере, и он рассказал, каким образом узнал об этом, и о музыке, прозвучавшей вслед за грустным сообщением.

— Интересно,— проронил Григорий Тайбарей,— как это самоубийство может стать привычным?

— Во всяком случае, так мне показалось,— сказал Чулков.

— Меня поразила общая атмосфера запустения и какого-то застоя,— задумчиво произнес Тайбарей.— Словно здешняя жизнь остановилась и даже попятилась назад.

— Жизнь есть жизнь, и, какая бы она ни была, она не может пятиться назад,— философски заметил Роми.— Исчезнуть в катастрофической ситуации может. Мы уже довольно насмотрелись такого.

— Фактов пока маловато,— вздохнул начальник экспедиции.— Будем добиваться того, чтобы нам дали возможность подробнее познакомиться со здешней жизнью.

— В номерах по нашим правилам запрещено устраивать сборища!— Голос исходил откуда-то из стены, и все от неожиданности вздрогнули.— Просим вас разойтись!

Через несколько дней после многократных напоминаний и просьб в гостиницу явились новые, незнакомые ранее зеркаляне. Только двое, встретившие людей у космического челночного аппарата, были теми же.

— А где же те, которые встречали нас?— спросил начальник экспедиции.

— Они ушли из жизни,— бесстрастно сообщил выделявшийся ростом и осанкой зеркалянин.— Добровольно.

Из осторожности начальник экспедиции не стал задавать дальнейших вопросов и приступил к обсуждению возможности совершить экскурсию по планете.

— У нас принципиальных возражений нет,— сказал старший зеркалянин.— Изложите ваши намерения, укажите районы, которые бы вы хотели посетить, и наши соответствующие инстанции рассмотрят ваше заявление.

Надо было прежде всего достать карту планеты. Это оказалось не так легко. Прежде всего потребовалось составить специальное заявление: для каких целей и на какое время требуется карта, кто будет ею пользоваться и так далее. Общими усилиями заявление было составлено и вручено высокому, статному зеркалянину.

Потянулись дни ожидания. В назначенное время смотрели новости, и каждый раз главным сообщением было растущее число самоубийц. Передали новость и о прибытии космического корабля с планеты Земля, но похоже, что это сообщение никого особенно и не взволновало.

— А не спросить ли нам здешних жителей о причинах массовых самоубийств?— высказал пожелание Роми Сахни.— Вдруг мы сможем чем-то помочь?

Время от времени к землянам приходил высокий, статный зеркалянин, выслушивал просьбы и уходил куда-то их согласовывать. Отказов почти не было, но на получение разрешения даже на небольшую прогулку неподалеку от гостиницы уходил целый день. Причем гостиничный страж каждый раз придирчиво сверял голографические изображения землян с их оригиналами, хотя, похоже, в гостинице, кроме пятерых землян, никто больше не жил.

Когда в очередной раз в гостинице появился высокий зеркалянин, начальник экспедиции как бы невзначай спросил его:

— Отчего так много здешних жителей уходит из жизни?

— На нашей планете не все выдерживают здешний образ жизни, вот и уходят добровольно,— коротко ответил зеркалянин.

— А такой уход тоже надо согласовывать, получить на это разрешение?

Вопрос застал врасплох зеркалянина, и он с неожиданной откровенностью ответил:

— Уход из жизни ни с какими инстанциями не согласовывается. Им уже все равно. И они это делают легко и просто, может быть, потому, что это единственное, что не надо ни с кем согласовывать.

Наконец разрешение на путешествие по Зеркальной планете было получено.

По просьбе гостей с Земли для передвижения выбрали наземный транспорт, чтобы иметь возможность попристальнее вглядеться в здеш-

нюю жизнь, постараться понять, что же здесь происходит.

Сопровождающие зеркаляне редко появлялись среди людей. О непринужденной беседе с ними не могло быть и речи, ибо на каждый мало-мальски серьезный вопрос им требовалось время, чтобы согласовать с кем-то ответ, получить санкцию. Тот неожиданно разоткровенничавшийся высокий зеркалянин больше не появлялся, и, похоже, откровенная беседа с людьми обошлась ему недешево.

Земляне посетили несколько городов, находящихся в таком же упадке, как и Главный город, побывали на остановившихся промышленных предприятиях. Иногда среди механизмов и машин попадались относительно недавно изготовленные, но больше было старых, заржавленных.

На вопрос о возможности выпуска новых машин после долгого согласования и консультаций старший инопланетянин ответил так:

— У нас как раз первыми из жизни и стали уходить разного рода изобретатели, сторонники реформ, изменений. Не выдерживали они, когда, скажем, на согласование нового промышленного продукта или проведение какой-нибудь реформы уходили целые десятилетия... Это им не нравилось, влияло на их физическое и душевное здоровье.

У Роми на языке вертелся вопрос, который он не знал, как задать так, чтобы не вызвать неудовольствия или не поставить в неловкое положение сопровождавших. Как же они сами относятся к сложившейся ситуации, понимают ли, что из-за всего этого цивилизация Зеркальной повернула вспять и идет к гибели?

Посоветовался с товарищами, с начальником экспедиции. Решено было найти подходящий случай.

Случилось это в небольшом, страшно запущенном городишке, где вместо привычного электрического освещения на главной, центральной площади горели какие-то чадящие факелы. Зеркаляне пригласили гостей с Земли на музыкальный концерт в здание, отдаленно напоминающее старые земные театры. Но здесь вместо привычного ряда сидений для зрителей каждому предоставляли нечто похожее на персональную ложу, устроенную так, что зритель не видел остальных и как бы оказывался один на один с исполнителями. Играл небольшой оркестр — восемь зеркалян с незнакомыми музыкальными инструментами.

Едва только гости заняли свои места, уединившись один от другого, как зал наполнился странными щемящими звуками. Порой чудилось, что с помощью инструментов музыканты извлекали звуки из самих слушателей, точнее, вызывали ответное звучание в них, рождая печальные чувства. Музыка была вместе с тем удивительно мелодична и приятна на слух.

На пути в гостиницу один из зеркалян, нарушив привычное молчание, вдруг спросил:

— Как вам понравилась музыка?

Роми ответил:

— Музыка прекрасна... Но мне показалось, что она разбудила воспоминания о прошлом в ваших сердцах, в вашей памяти... Что-то в ней есть такое, что тоскует по другим временам, когда здесь кипела созидательная жизнь и жители вашей планеты не уходили добровольно в небытие. Строили новые города, прокладывали дороги, изобретали новые машины, возводили заводы и фабрики, смотрели далеко вперед, в будущее, которое им виделось счастливым, свободным, деятельным, совсем не таким, каким оно есть сегодня... Неужели никто из вас не понимает, что это уже не жизнь?

Зеркалянин выслушал слова Роми в полном молчании и у входа в гостиницу сказал:

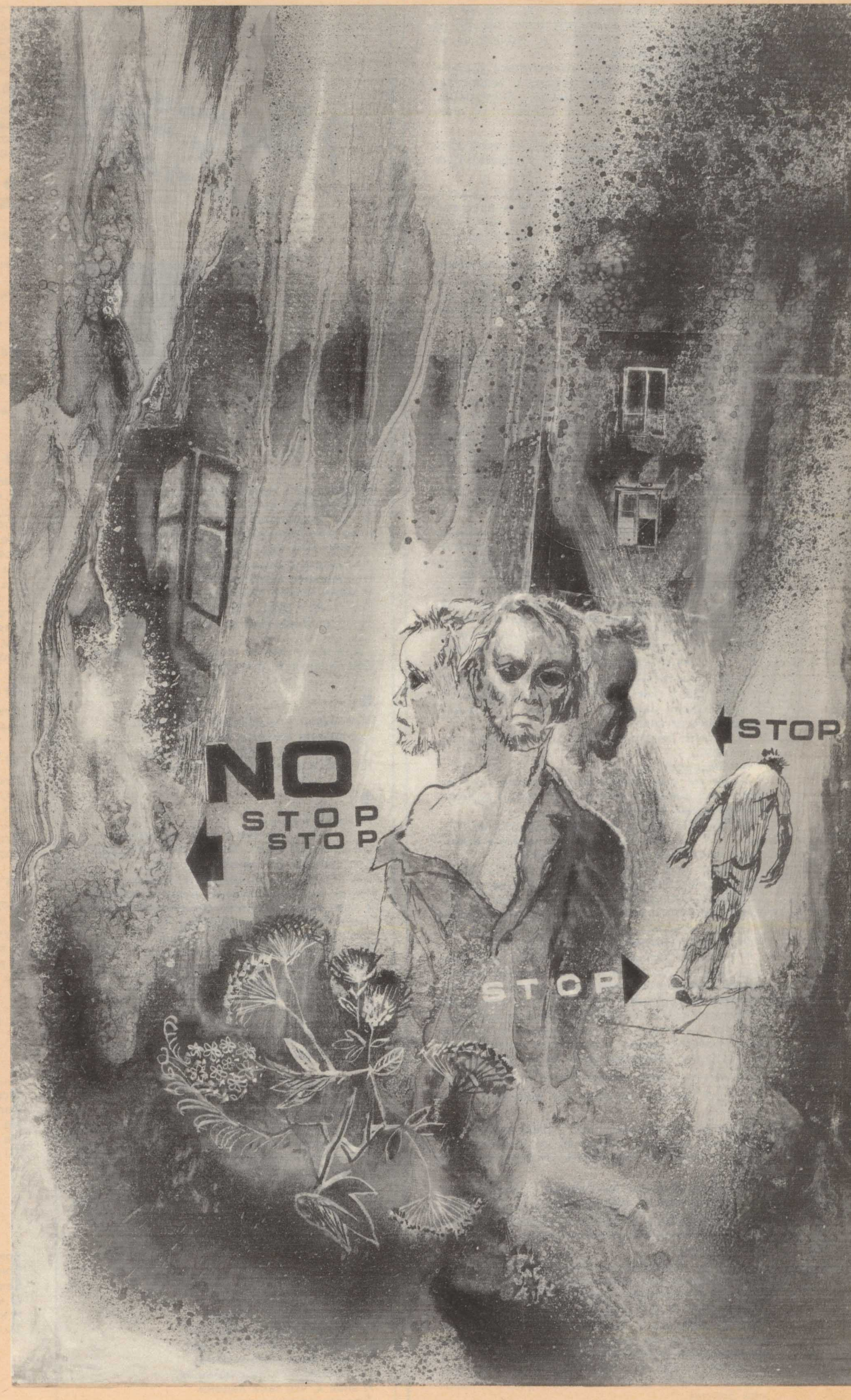
— Я передам ваши слова в соответствующие инстанции...

На следующее утро землянам было объявлено, что власти прерывают их пребывание на планете.

Начальник экспедиции попытался было протестовать, просил свидания с самыми главными правителями этого мира, но все было безрезультатно.

— В чем причина?— спросил он нового зеркалянина.

— Потому что вы пытаетесь понять суть нашей жизни,— невозмутимо ответил зеркаля-

нин.— А это категорически запрещено на нашей планете! Вам надлежит возвратиться на свой космический корабль и удалиться от нас,— повторил зеркалянин.

По его виду было ясно, что пытаться убедить его или просить о переговорах с вышестоящим начальством совершенно бесполезно. С упрямством испорченной машины он продолжал повторять:

— Вам надлежит возвратиться на свой космический корабль и удалиться от нашей планеты...

Пришлось подчиниться. На этот счет существовало предписание: не только не вмешиваться во внутренние дела внеземных цивилизаций, но и не навязывать силой своего присутствия.

Земляне возвратились на свой космический корабль Сверхдальней земной экспедиции и, сделав два витка для выбора наилучшей траектории движения в сторону Солнечной системы, взяли курс на Землю.

Расшифрованные выводы лежали на столе у Роми Сахни, и он только ждал, когда усядутся в кресла товарищи.

— Итак,— произнес значительно Роми,— машина считает эту цивилизацию во многом схожей с земной. По физическому типу и по спроецированной в прошлое схеме эволюции очень многое совпадает. Они, зеркаляне, почти достигли того уровня цивилизации, которая существовала на нашей планете в конце двадцатого столетия... Но дальше произошел какой-то сбой. Все пошло, как говорится, наперекосяк. Одним словом, наша главная машина определила цивилизацию Зеркальной как клонящуюся к упадку. Пока только выявлена одна главная причина. Вот слушайте, как сформулировано. Это чрезмерная, доведенная до абсурда регламентация производственной, экономической, общественной и даже личной жизни жителей планеты. И отсюда попытка свести все существующее разнообразие жизни к схемам и предписаниям.

— Вот так-то! — не выдержал Григорий Тайбарей.— Да я же знаю, как это называется! В свое время земляне с трудом, но сумели избавиться от него.

— Так что же это такое?— с интересом спросил Тхань.

— Бюрократизм!

— Да ты что? Чтобы бюрократизм погубил цветущую цивилизацию?! — с оттенком недоверия произнес Чулков.

— Тем не менее это так,— продолжал Роми,— и я склонен согласиться с предварительными выводами нашего компьютера.

И вдруг всех одновременно охватило чувство глубокой жалости и сочувствия к человекоподобным существам, оставшимся там, на далекой зеленой планете, уже невидимой даже в самый мощный телескоп космического корабля Сверхдальней земной экспедиции.

И еще раз все вздрогнули, когда послышалась музыка. Та самая музыка, которая исполнялась небольшим оркестром зеркалян в маленьком умирающем городке на исчезнувшей в космической дали планете. Она звучала, напоминая о встречах, о расставании, о чувстве глубокого сожаления и подлинно человеческого участия к гибнущим братьям по разуму...

Когда наступила тишина, Роми Сахни сказал:

— Мне удалось записать эту музыку...

Радость возвращения на Землю понемногу вытеснила грустные мысли об оставленной далеко, на окраине Вселенной, Зеркальной планете.

Накануне посадки на Главный земной космодром в районе пустыни Сахара во всех уголках космического корабля Сверхдальней земной экспедиции был услышан голос начальника экспедиции:

— Всем научным сотрудникам — подготовить отчеты в трех экземплярах! Сверить идентичность копий! Всем членам экипажа — приготовить личные документы, сертификаты о состоянии здоровья! Техническому персоналу — держать наготове документацию о состоянии двигательных установок, уровне радиации...

Огромная радость переполняла их: они уже, можно сказать, дома, на своей родной зеленой Земле!

Ты есть у меня или нет?

Лев
ОШАНИН

●

Прорвавшись через все моря упрямо
В балтийскую сегодняшнюю тишь,
Я, как мальчишка, жду радиограммы,
А ты уже четвертый день молчишь.
Ты весточки моей не получила?
Или не все с дорогой решено?
Или меня от сердца отключила
И ждать ответа попросту смешно?
Все может быть. Ты выгляни в окошко —
Горит любовь. Над ней угрюмый чад.

...А я вожу листок с твоей ладошкой —
Вон тоненькие пальчики торчат...

●

Маленький мой нежный человечек...
Дождиком секунды по окну.
К нам разлуку приближает вечер.
Хочешь, слезки у тебя сглотну?

●

Храм бога Ра —
я лез к нему по скалам.
Он звал, он ждал, вселяя боль и страх.
Сто сильных до меня его искало,
Он, непослушный, прятался в горах.
Какой он, что приводит душу в трепет?
В нем, как в Луксоре, стоколонный зал?
Кто выдумал его великолепье?
Кто именем египетским назвал?
К нему, наверно, выбиты ступени
Волшебными стопами божества.
...Он кровянил мне ногти и колени,
Еще не зная нашего родства.
Висела под ногами панорама
Из пропастей и скал, из ничего.
Добрался ли я все-таки до храма —
Об этом знает только божество.

...Нездешняя, от крови руки мокли...
Где ты сейчас, понять не хватит сил.
На первой высоте тебя я проклял,
А на последней я тебя простил.
Такая красота вокруг сияла,
Таким покоем на душу легла,
Когда сквозь облака прорезал скалы
Звенящий луч рассвета и тепла.
Ты спросишь, где он, этот храм, в который
Я шел всю ночь, покинутый тобой?
Храм бога Ра? Да это просто горы
И тридцать лишних звезд над головой.

●

Еще ты не была моей,
А мне уже моей казалась.
То восхищение, то жалость
Сменялись в прихоти теней.
Я знал, что к моему плечу
Ты голову свою преклонишь,
И знал я, что твои ладони
Для поцелуев получу.
Пусть завтра, затянув петлю,
Вдруг все окажется прошедшим,
Но как светло и сумасшедше
Сегодня я тебя люблю.

●

Ты глядишь нелюдимо
На меня через стол.
Только если ты льдина,
Значит, я ледокол.

●

Нет, не страсть, для которой
глупеть, и терзаться, и падать.
Грызть подушку в слезах
и смеяться небрежно потом,—
Ты пришла и осталась,
как мудрая тихая радость.
Та, что водит ночами
пернатым и легким пером,
И еще мы умели
бежать, обо всем забывая,
На морозец без шапки,
в осенний туман без пальто...
...Хочешь, будем, как дети,
на задней площадке трамвая
Целоваться и думать —
не видит никто.

●

Так случилось, что, сам не желая,
Я в судьбе твоей гость. Просто гость.
Ты прости меня, женщина злая,
Что не мог я унять твою злость.
Не любовь, не мечту, не открытость
Всех ветров, что ты встретить могла.
Ты прости мне, что жадность и сытость
Ты девизом своим избрала.

Я стою, сединой убеленный,
Глядя в дали вчерашних дорог.
Ты прости мне, что я, ослепленный,
Разглядеть тебя сразу не смог.

●

Руки ли, губы ли...
Были, только убыли...

●

Кто нрав любви и страсти угадает?
То, словно шторм, взорвется и смолкает,
То, как вулкан,— попробуй прикури!
То, как костер геологов «ленивый»,
Что не звенит огнем велеречиво,
Зато всю ночь не гаснет до зари.

●

Дорога и ветер
И зелень резная,
Луна как неспелый ранет.
И вновь мы в разлуке,
И вновь я не знаю —
Ты есть у меня или нет?
Вчера еще точно
Была ты моею,
Теплом твоим весь я прогрет.
А где ты сегодня?
От страха немею —
Ты есть у меня или нет?
Ты снишься мне длинно,
Особенно утром,
Когда подступает рассвет.
Не прячься от солнца,
Не мучай, не путай —
Ты есть у меня или нет?
Бегу через поле,
Ломаю кусты я,
Вот рядом он, твой силуэт.
Тяну к тебе руки,
А руки пустые...
Ты есть у меня или нет?
Вокруг тебя души,
Вокруг тебя лица,
Вечерний волнующий свет...
О чем ты тоскуешь,
И кто тебе снится?
Ты есть у меня или нет?
Вчера еще точно
Была ты моею,
Теплом твоим весь я прогрет.
А где ты сегодня?
От страха немею...
Ты есть у меня или нет?

НЕДЕЛЯ СЮРПРИЗОВ

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

В эти августовские дни поклонники шахмат во всем мире сверяют свои часы по Гринвичу. С пяти до десяти ежевечерне все крупнейшие телеграфные агентства передают из Лондона экстренные сообщения о событии, вызывающем поистине глобальный интерес,— происходящем там матче-реванше Каспаров — Карпов. Как подчеркивает пресса, впервые в истории чемпионатов два советских гроссмейстера согласились на единоборство за пределами своей страны, и впервые английской столице выпала почетная привилегия провести шахматное состязание подобного значения и масштаба.

Организация матча оказалась превосходной. Для игры предоставлен один из самых престижных залов — бальный зал фешенебельного «Парк Лейн», отеля на центральной Пикадилли. В годы войны это великолепное в своем убранстве помещение предназначалось для заседаний парламента на случай бомбежки Вестминстерского аббатства. Зданию 60 лет, но сейчас оно оборудовано специально для матча всеми современными достижениями электронной техники. Расположенный там пресс-центр уставлен компьютерами, видеоэкранами, телексами, позволяющими сразу же получать всю информацию о ходе поединка и оповещать о нем весь мир. А значение, придаваемое в Лондоне состязанию наших гроссмейстеров, было официально подчеркнуто визитом премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер на открытие матча.

А герои торжественного события были уже на открытии всеми помыслами устремлены в грядущее единоборство. Они оба понимали и сложность стоявших перед ними задач, и ответственность перед шахматным миром за творческое содержание партий. И оба верили в свои возможности. Здесь они были единодушны.

«Сказать, что матч будет трудным, значит ничего не сказать,— признал чемпион мира.— Но я чувствую в себе силы. Есть желание, есть здоровье. Будем играть!»

Сдержанный оптимизм звучал и в словах экс-чемпиона: «Мне надо было проанализировать прошлый матч и побыстрее его забыть. Надеюсь, мой вызов на матч-реванш обоснован. Рассчитываю показать игру значительно лучшую, чем в нашем последнем матче».

И вот долгожданный поединок начался. Старт матча иным ревнителям острых ощущений может показаться излишне осторожным и академичным. Действительно, все три первые партии закончились миром (чего ни разу не случилось в прошлых матчах), протекали они внешне весьма спокойно и, минуя самую сложную фазу борьбы—миттельшпиль, где обычно у соперников и возникали принципиальные творческие столкновения, переходили из дебюта прямо в эндшпиль. Словом, складывались скучновато... Но такое впечатление поверхностно. Сыгранные партии и глубже, и содержательнее их внешнего рисунка, бесспорно, сложны своим психологическим подтекстом. Прежде всего обращает на себя внимание начавшаяся с первых же ходов увлекательная теоретическая дуэль. Опыт прошлого говорил о том, что дебютная фаза в единоборстве шахматистов столь противоположных стилей становится все более важной, определяющей весь ход борьбы. Как подчеркивал М. Таль, «дуэль-85» была выиграна Г. Каспаровым не столько потому, что он сильнее А. Карпова (их мощь в сравнении измеряется лишь гранами), а вследствие того, что Гарри удавалось навязывать свою игру чаще, чем это делал Анатолий.

Но вот начинается единоборство, и первый же дебютный сюрприз преподносит чемпион мира. Он решительно порывает с построениями взятого на вооружение прежде ферзевого гамбита и предлагает сопернику теоретический диспут на неизведанной основе — в защите Грюнфельда!

Можно было предположить, что Каспаров постарается заменить ферзевый гамбит на какой-либо другой дебют. Для этого в его распоряжении было немало близких по духу и апробированных в прошлом схем. Включение в репертуар совсем нового дебюта, да еще в таком поединке, было для всех полной неожиданностью! Для этого ведь недостаточно просто заучить книжные хрестоматийные варианты. Нужно проникнуться их содержанием, постичь глубину, исследовать многочисленные разветвления и, главное, найти в них новые неисхоженные тропинки, привнести свое толкование в сформулированные оценки. Это поистине грандиозный труд, и не вспомнить, какой из сложившихся гроссмейстеров отваживался на него!

Смелость и неожиданность такого решения принесли свои плоды. Карпов не был готов принять вызов и в двух встречах, где случалась защита Грюнфельда, довольствовался пока диспутом по второстепенным проблемам, что не поставило перед Каспаровым серьезных трудностей.

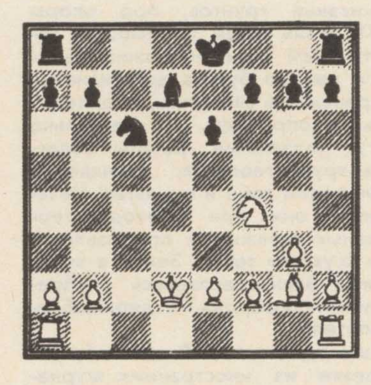
Для выработки весомых аргументов в затеянном теоретическом споре требуется определенное время, и, видимо, Карпов решил отложить применение наиболее принципиальных схем на будущее.

Со своей стороны, и экс-чемпион мира успел продемонстрировать результаты предматчевой подготовки. И тоже преподнес неожиданность. Кто мог подумать, что он решится вновь довериться защите Нимцовича. Ведь этот дебют был главным виновником его поражения: представить только — всего полтора очка в шести партиях. Но наступило время матча-реванша, и при первой же возможности Карпов, не колеблясь, возвратился к, казалось бы, исчерпавшей себя дебютной схеме. Вновь защита Нимцовича и вновь вариант Романишина — камень преткновения в прошлом матче. Но это, разумеется, не проявление наивности или упрямства, а результат убежденности в полноценности облюбованного дебюта, убежденности, подкрепленной кропотливым анализом и постижением новых ресурсов позиции. И результаты исследований оказались ненапрасными. 35 минут думал над своим ответом уже после шестого хода черных Каспаров, но опровергнуть дебютного новшества ему не удалось,— теоретический диспут впереди. Словом, уже в первую неделю тем для дальнейших дебютных разработок лишь добавилось. Секундантам покоя не будет...

Что же касается психологического подтекста борьбы, то и здесь немало сюрпризов.

Принято считать, что в позициях классических, ясных и рациональных по содержанию, виртуозная техника экс-чемпиона мира позволяет ему удивительным образом накапливать незначительные позиционные выгоды и постепенно превращать маленькие достижения в большое очко. И напротив, сила чемпиона мира проявляется в романтических комбинационных осложнениях, где царит иррациональная игра на рациональной основе. Казалось бы, в первых трех партиях именно Карпову удалось навязать сражения на облюбованной им территории. Они протекали в строго позиционном стиле, при ранних упрощениях, и главные события в них происходили в эндшпилях, считавшихся чуть ли не монополией экс-чемпиона мира. Но удивительным образом в единственной из этих партий, где одному из соперников удалось переиграть другого в подлинно классическом стиле, привычную карповскую роль виртуозно исполнил... Каспаров. Пожалуй, впервые он столь успешно вел бой оружием соперника, и эта метаморфоза оказалась главным сюрпризом старта. И хотя и в этом случае партия кончилась миром (тому обстоятельства сложились особые!), но по своему психологическому значению ей, вероятно, суждено пролонгированное действие.

Обратимся к объективным шахматам.

Это положение возникло после 13 ходов во второй партии матча-реванша Каспаров — Карпов. На доске — окончание с однозначными фигурами при почти симметричных пешечных цепях и без позиционных слабостей с обеих сторон. И хотя очевидно, что дальнобойный слон g2 активнее своего оппонента на d7, трудно предположить, что такой нюанс может сыграть существенную роль в ходе дальнейшей борьбы, тем более что ряды черных защищает экс-чемпион мира.

И действительно, после 14. Лhc1 Крe7 15. Кd3 (перевод коня на c5 единственная возможность бороться за инициативу) 15... Лhc8 16. Кc5 Лab8 17. Лc3 Кd8 18. Лac1 кажется, что наступает время для мирных переговоров. Вероятно, сыграй сейчас Карпов 18... b6 и на 19. Кa6 — 19... Л:c3 20. Л:c3 Лc8, дальнейшая игра теряла смысл, но, практически добившись ничейного положения, он, как показывает ход борьбы, на какое-то время утратил бдительность, и игра неожиданно приобрела новый оборот.

18...Сc6 19.Кd3 Сd7 20. Кe5 Л:c3 21. Л:c3 Сe8. Трудно объяснить, почему Карпов добровольно уступает линию «с». Естественнее был бы ход 21... Лc8.

22. b4 a6 23. Сe4 h6. Снова неточность — малозаметная, вроде бы несущественная, но все-таки неточность. Правильно было сыграть 23... f6 24. Кd3 f5 25. Сf3 Сc6, сохраняя все возможности защиты.

24. a3 f6 25. Кd3 Сc6 26. С : c6 К : c6 27. Кc5. Как-то исподволь, мало-помалу, но Каспарову удалось реально усилить позицию и создать уже конкретные угрозы. Черным нужно считаться с ударами 28. К:a6 или 28. К:b7.

Кe5 28. f4 Кd7 29. Кb3 Крd6. С этого момента начинает сказываться недостаток времени для обдумывания, что увеличивает вероятность ошибок. В частности, вместо сделанного хода лучше было 29... f5.

30. e4 g5. Чувствуя, что пассивная игра становится опасной, Карпов ищет контршансы, имея своей целью при случае вскрыть одну из вертикалей на королевском фланге.

31. Крe3 e5 32. fg fg 33. Кa5! Крайне неприятный для черных выпад. Их ладья приковывается теперь к пешке b7, поскольку ее продвижение открыло бы поле c6 для вторжения белых фигур.

33... g4. Уже здесь Карпов замыслил для критической ситуации возможный перевод ладьи на вертикаль «f» и готовит там форпосты.

34. Лc2 h5 35. Лc1 b6. Больше выжидать невозможно — при ходах короля белая ладья вторгается на c7, на ходы коня приходится считаться с опасным выпадом. 36. Лc5, а потому Карпову приходится пуститься во все тяжкие.

36. Лc6+ Крe7 37. Кc4 Лf8 39. Крe2 Лf3? Стремление вырваться ладьей на простор вполне объяснимо, но в цейтноте Карпов не замечает, что эта запланированная активность могла оказаться фатальной... Следовало играть 39... Лf6.

40. Кe3? Удивительно! Добившись филигранной игрой выигрышного положения, Каспаров автоматически осуществляет ранее намеченный позиционный перевод коня на d5 или f5 и пропускает выпавший шанс немедленно решить судьбу партии простым ходом 39. Лc7, после чего прямая угроза 40. К : e5, К : b6 и тактическая — 40. Л : d7+! Кр:d7 41. К:e5+ вынуждали неизбежную капитуляцию. Теперь же борьба затягивается. Ошибаются и чемпионы!..

39... Кf6 40. Л : b6 К : e4 41. Л : a6? А это уже следствие упущенной возможности. Контроль кончился, и Каспаров, конечно же, понял свой промах. Из трех минут, что думал над последним ходом, две с половиной он наверняка с горечью предавался воспоминаниям. Иначе не совершил бы новой оплошности. Обязательным был выпад 41. Кd5+, еще сохранявший преимущество. Теперь же черные точной игрой спасаются — их фигуры обретают активность. При доигрывании последовало:

41... Лf2+ 42. Крd3 Кd6! 43.Лa7+ Крe6 44. Лh7 e4+! 45. Крc3 Кb5+ 46. Крc4 К:a3+ 47. Крd4 Л:h2 48. Лh6+ Крd7 49. Кd5 h4! 50. Л : h4 Л:h4 51. gh g3 52. Кf4 Кc2+, и партнеры согласились на ничью.

Драматический поединок. А сколько таких впереди?

Ответа на этот вопрос ждать долго не пришлось. Уже на следующий день мы стали свидетелями нового волнующего поединка. Четвертая партия была отложена с лишней пешкой у чемпиона мира и с большими шансами на победу... Карпов сдал партию без доигрывания. Но подробнее о ходе борьбы в следующем обозрении.

первопроходцы

«ПОДЗЕМНАЯ» РАКЕТА И ЕЕ СУДЬБА

Вернувшись с фронта, генерал Циферов задумался: «А что, если ракету запустить не в небо, как это принято, а в землю!»

Мы не знаем, почему эта идея родилась в голове Михаила Ивановича. Может быть, однажды при нем зарылся в землю реактивный снаряд «Катюши». Может быть, ее породили другие ассоциации.

Но, сказано — сделано. Поставив проблему, как говорится, с ног на голову, умельцы, а к отцу подключился сын Владимир, изобрели новую систему бурения скважин и колодцев без буровых вышек, станков.

Новаторы разработали подземную ракету, проверили на практике. Получается... Да еще как!..

Но тут вступает в действие второй фактор: изобретение настолько опережает время, настолько нетрадиционно, что внедрение его, казалось бы, заинтересованными организациями задерживается на годы.

В очерке мы знакомим читателей с необыкновенным творчеством отца и сына Циферовых, надеясь, что тот или иной вариант их изобретения встретит поддержку и понимание.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

То, что правильность выводов может подтвердить только бурение, понимали все. Понимали, но боялись высказать, так как любому из присутствующих было ясно: доставить сюда, преодолев многокилометровые топи хляби, громаду буровой установки практически невозможно. Не поможет и вертолет — слишком велико расстояние, и даже при успехе это обойдется, что называется, в копеечку. Что же делать? Может быть, не стоит зря рисковать, не следует и думать о бурении, коли условия не позволяют.

И тут один из присутствующих вдруг хлопнул ладонью по лбу: есть выход! Есть же подземная ракета. И буровую тащить не нужно. И ничего городить для запуска. Поставил ракету где надо, включил, и пошла она в землю вгрызаться со скоростью до одного метра в секунду в любом грунте. С ее помощью мы за какой-нибудь день или два доподлинно узнаем, правильны ли наши расчеты и предложения. И все это почти даром. Ведь стоимость запусков ракеты в сравнении с бурением практически грошовая... Необходимо только с изобретателем ее связаться, с Циферовым Михаилом Ивановичем, военным инженером.

Изобретателя разыскали довольно быстро. Уточнили задание, обо всем договорились. Не прошло и недели, как автономный буровой реактивный снаряд без особенных хлопот был доставлен на место.

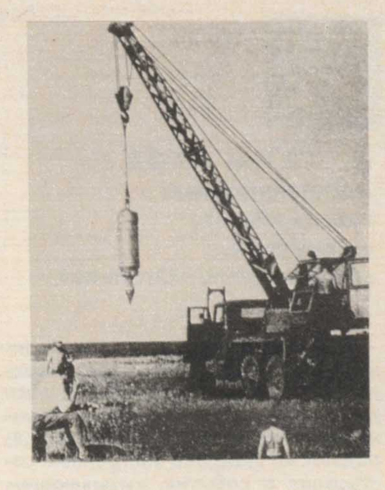
Запуск ждали с нетерпением. И вот долгожданный момент наступил. Раздался легкий, все нарастающий гул. Снаряд вздрогнул и... устремился в глубь земли. Вверх полетели комья земли, песок, мелкие камни. А вскоре в небо «забил» настоящий земляной фонтан высотой в десятки метров. Присутствующие зааплодировали. Не бил в ладоши только один человек — сам изобретатель Михаил Иванович Циферов. Лишь легкая улыбка пробежала по узкому, с орлиным профилем лицу, да поднявшийся ветер растрепал седые волосы.

Да и чего было волноваться генералу в отставке. Он был вполне уверен в успехе. Иначе и быть не могло. Идею реактивного бурения он вынашивал давно, еще в тяжелые послевоенные годы. Изобретение было впервые зарегистрировано в 1948 году. Правда, тогда оно, видимо, опередило свое время — реактивная техника только набирала силы, и мало кто верил в ее применение в изыскательском деле. Первый запуск реактивного снаряда Циферова был осуществлен лишь в 1966 году. И произошло это на том же полигоне, где стартовала первая советская ракета ГИРД-9 безвестных в те годы инженеров Цандера и Королева. Сегодня это совпадение почти символично.

...Небольшая квартира Михаила Ивановича во многом напоминает конструкторское бюро. На стенах — цветные схемы. На столе — рулоны чертежей. И всюду — на шкафу, тумбочке, подоконнике — обугленные и совсем новенькие детали реактивных снарядов.

Каждого, кто появляется здесь впервые, поражает это множество деталей, но еще больше удивляешься, взяв в руки папку с авторскими свидетельствами. Трудно поверить, сколь разнообразной может быть область применения подземных ракет. Добыча и транспортировка нефти и газа. Подземные переходы под реками и насыпями. Скважины под буронабивные сваи. Колодцы для замораживания грунтов, под опоры ЛЭП, линии связи. С помощью газоструйной техники можно быстро и дешево бурить артезианские и дренажные скважины, прокладывать водопроводы. А насколько могут подземные ракеты облегчить труд геологов, горняков в шельфовой зоне и в шахтах! Незаменимы они при проходке термальных скважин и при извлечении «сухого» тепла Земли в энергетике. Заинтересовались изобретениями Циферова и... дирижаблестроители.

Еще одна папка. В ней собраны вырезки из иностранных журналов и газет на аналогичную тему. В одной из статей я прочитал о том, что несколько лет тому назад в городе Св. Сусанна на Западном побережье США был испытан реактивный буровой снаряд, разработанный одним из авторов ракеты ФАУ-2 Вернером фон Брауном. И далее говорилось, что, по мнению специалистов, «горячая» ракета сделает революцию в бурении скважин в нефтяной,

угольной и горнорудной промышленности, при проходке тоннелей и прокладке трубопроводов под городами и коммуникациями. И все это писалось значительно позже публикаций Циферова.

«Русские бурят ракетой — революция в бурении!», «Советский Союз проводит испытания реактивного газового бура!», «Как сообщают русские, реактивная ракета произведет бурение тоннелей с громадной скоростью!» Такие и другие не менее сенсационные заголовки можно увидеть в зарубежных газетах пятнадцатилетней давности.

Примерно в это же самое время вступила в строй установка по сверхглубокому бурению СГ-3 на Кольском полуострове. За последующие годы ее скважина прошла 12 километров. Намечается пройти еще три километра и достичь пятнадцатикилометровой отметки. Что и говорить, достижение буровой установки великолепное. Но не слишком ли мала скорость и не слишком ли велики расходы?

Нашел я в этой папке и сообщения о других разработках реактивных буровых снарядов зарубежными специалистами. Но из материалов явствовало, что изобретение советского инженера М. И. Циферова давно уже было широко известно. Более того, способ и устройство были запатентованы в десяти высокоразвитых странах — США, ФРГ, Японии, Италии, Великобритании...

Фирмы Японии, Франции, США и некоторых других государств в свое время выразили желание купить лицензии на советское изобретение или вести совместную разработку. Однако ГКНТ ответил на все эти запросы, что Советский Союз не готов ни к продаже лицензий, ни к разработке. И это было действительно так. По подземной реактивной технике не было создано специальной организации, а сам изобретатель являлся лишь частным лицом.

Не следует думать, что изобретение Циферова не встретило заинтересованности у нас в стране. При ГКНТ СССР был организован специальный научный совет по проблеме «Создание и использование техники реактивного действия в горной промышленности». Более того, в 1977—1978 годах советом принято решение о «целесообразности создания специаль-

ного конструкторского бюро с опытным производством и полигоном для создания этой техники». Решение это так и осталось на бумаге. Несмотря на ряд успешно проведенных разработок и экспериментов, развитие техники реактивного действия застопорилось. Продолжают работу умельцы Циферовы с группой энтузиастов на общественных началах.

Ну, а пока по всей стране бурят сотни, тысячи всевозможных скважин методом столетней давности. И тратятся огромные суммы.

Каковы же перспективы использования техники завтрашнего дня? Проанализировав обширную международную научно-техническую патентную информацию, французский журнал «Наука и жизнь» «Seince et vie» (№ 11 за 1984 год) делает вывод, что новая технология разрабатывается во многих странах, включая США, но «бесспорный приоритет в развитии технологии принадлежит СССР».

Такое признание может вызвать гордость, причем вполне законную, у изобретателя. И действительно, когда-то лет пятнадцать назад, когда я познакомился с Михаилом Ивановичем Циферовым, так оно и было. Хотя уже тогда проглядывала в его глазах грустинка: со дня выдачи первого авторского свидетельства прошло двадцать с лишним лет.

— Что мне зарубежное признание, известность? — не раз говорил Михаил Иванович.— Они нужны актерам. Изобретателю необходимо видеть результаты своего труда, знать, что его детище живет и действует в родной стране...

Когда человеку за семьдесят, он невольно начинает подводить итоги прожитой жизни, подсчитывать, многое ли успел. Задумывается и Михаил Иванович. Сделано вроде бы и немало: более полутора сотен авторских свидетельств. Открыт новый эффективный способ создания выработок в земной поверхности, названный именем М. И. Циферова и запатентованный во многих развитых странах мира, включая США.

— Что проку,— говорит Михаил Иванович,— что мой метод может применяться в сотнях областей, если практически он не применяется. Около сорока лет пытался «внедрить» я свою ракету. Не сумел. Не знаю, может быть, это удастся сыну Владимиру. Он ведь тоже изобретатель. Перевел ракету на жидкое топливо...

А как же с тем бурением, с которого начинался этот в общем-то не очень веселый рассказ? К сожалению, я вынужден признаться, что подобный запуск только МОГ иметь место. Работа энтузиастов газоструйной буровой технологии продолжается... лишь на общественных началах. Есть у подземной ракеты и, как говорится, устойчивые друзья, такие, как кандидат технических наук Е. П. Боженов, М. А. Волгин. На современном этапе ракетой Циферова занимается общественный научно-учебно-производственный центр разработки и внедрения «Магистраль» Минвуза СССР и Миннефтегазстроя. Но коллектив этот общественный, а значит, полномочия и возможности его весьма ограничены.

Геннадий МАКСИМОВИЧ

товар – прилавок – покупатель

Хрустальный звон приятнее малинового... И доходнее его! Доходнее, несмотря на то, что цены на хрусталь недавно снижены. Эти заметки делались на оптовой ярмарке, когда решался вопрос: как много хрусталя окажется на прилавках магазинов в 1987 году!

Взгляните на полку хозяйственного магазина и убедитесь: редкая поделка из хрусталя идет на рубли, чаще — на десятки. Не отсюда ли такая заинтересованность в выпуске хрусталя? Его ставят на поток даже металлургические заводы. Делать хрусталь они, понятно, не умеют, да и не научишься этому искусству за год-полтора, но, похоже, это лишь придает уверенности и лихости новичкам-энтузиастам. Как только видят они оптовые и розничные цены на этот товар, все сомнения отпадают:

— Не боги горшки обжигают...

— И не сомневайтесь,— уверял меня, помнится, представитель Саратовского завода технического стекла.— Освоим! Выдадим...

И начали ставить на конвейер вазы размером поболее, ценой подороже. От 150 до 230 рублей за штуку. Но цена не гарантировала ни уникальности, ни особой придумки мастеров. Шел ширпотреб, однако хрустальный.

Тогда торговля взбунтовалась, попыталась протестовать: зачем такое? Поставили на одной из ярмарок непреодолимый, как почему-то казалось, барьер. Не закупили у саратовцев их поделки на 15 миллионов рублей. А те и бровью не повели, стали искать оптовиков покладистее, чем базы Росхозторга. Очень просто решали проблему мастера технического стекла: стали рассылать свой товар не на те суммы, на которые заключили сделки, а в два, а то и в три раза больше. И посылать не соседям, а, скажем, в Хабаровск. Если и воспротивятся хабаровчане, и захотят лишнее отправить обратно, придется им все рассортировать, упаковать, составить акты, поискать и оплатить вагоны...

Видимо, сладка хрустальная жизнь, и тянутся к ней многие. За несколько лет Министерство промышленности строительных материалов, главное по хрусталю ведомство, поручило выпуск этой деликатной, изысканной продукции еще девяти предприятиям. Словно не знали — не подозревали в министерстве, что хрусталь — элитный, праздничный товар. Делать его всем подряд не следует. Нужны традиции, особое умение. Помнится, Аксайский завод стал выпускать такой же ассортимент, что и саратовцы, только качеством еще хуже. «Научимся, освоим»,— бодро заверяли тогда.

Но сметливый народ стеклоделы. Они знают, что за простой стакан больше, чем двадцать копеек (даже если размалевать его сомнительной ценности рисунками) не получишь, а вот за хрустальный меньше чем четыре — шесть рублей и запрашивать никто не станет. Смотрю предложенный на 1987 год ассортимент и диву даюсь. Хрустальная завеса как упала на глаза соответствующего (чуть было не написал — хрустального) начальства, так и не исчезает. Словно не знают, каков и на что ныне спрос. Зашли бы в любой магазин, увидели бы — все заставлено хрусталем: хорошим, не очень хорошим и откровенно плохим. «Стопка, артикул 11822», «Рюмка, арт. 11062». Этакое хрустальное виночерпие! А хороший бокал для сока не найти. Их традиционно выпускают заводы Латвии и Эстонии, Белоруссии. Но тиражи невелики. Не встречал я эту продукцию даже в магазинах Ленинграда и Москвы, а за Урал она вообще не попадает. Зато в любую точку страны готовы поставить свой «хрусталь» представители Костопольского стекольного завода, а также Ростовского завода стройматериалов № 3: стопки, бокалы, рюмки, стаканы для вина по 2 рубля 10 копеек за штуку. А вот таллинское стекло можно купить только по нарядам, оно — товар настолько ходовой, что не всякому торгу достается.

В производственном объединении «Армстекло» появился «Армхрусталь». Унылый он дает товар... В один ряд его можно поставить с продукцией завода «Топаз» из города Орджоникидзе, львовского производственного объединения «Радуга», других малоизвестных, а то и вовсе неведомых предприятий. Иду, читаю: «Скопинский хрусталь». Что за наваждение? Знаю дятьковский, ленинградский, гусевский, а вот скопинский — не встречал. Перелистал словарь и справочники, где говорится о хрустале, обратился к великолепной книге профессора Н. Качалова о стекле — нет там и намека на скопинский хрусталь.

Неужели так засосала хрустальная болезнь? Она и Кавказский хребет перешагнула. Горийское производственное объединение местной промышленности тоже предлагает свои изделия. Они находятся за нижним пределом требований к хрусталю: откровенно плохие, даже очень плохие, поделки. Но цены грузинские местпромовцы запрашивают более чем... Невзрачная ваза для цветов — 45 рублей за штуку. Теперь, понятно, цену придется снизить. А тираж уже определен — тысяча штук. Вдруг кто-нибудь польстится? Вазы для «сервировки стола» предлагались дешевле, по четвертному, но за них объединение рассчитывает все же получить немало рублей, так как намерено облагодетельствовать десять тысяч покупателей.

За три недавних года только предприятия Российской Федерации увеличили хрустальный вал на сто миллионов рублей. Вазы для цветов, для конфет, просто вазы, назначение которых, похоже, установить не удалось. И, как прежде, рюмки и рюмочки, граненые графинчики. Скоро настанет черед хрустальных сковородок?

Особо повезло крупногабаритному хрусталю. Этакие большие, ведерной емкости посудины с чуть намеченной, не отработанной до хрустальных кондиций бороздкой, которая по замыслу их авторов должна украсить это самое «ведро». Рассуждали, видимо, так: чем крупнее, тем заметнее. И не беда, что такая продукция оседает на складах...

Не пойму, кто позволил так издеваться над таким благородным материалом, как стекло? Отчего устроители этого оптового торга не воспротивились псевдохрустальному разгулу?

За фальсификацию пищевых продуктов полагается строгое наказание, за подделку «под золото» можно и под суд угодить, никто не рискнет фианит выдавать за бриллиант. А вот с хрусталем поступают как бог на душу положит.

Торговля никак не соберется с должной определенностью высказать свою позицию если не в защиту настоящего хрусталя, то хоть в заботе о покупателях. Не из-за того ли, что так увлеклись доходным товаром, нельзя купить в магазине витраж для квартирных дверей, специально для садовых домиков и теплиц сделанное стекло? Не стало в магазинах и посуды из жаропрочного стекла.

Конечно, деньги не пахнут. И рубль, полученный за псевдохрусталь, такой же, как и тот, что уплачен за хрусталь настоящий.

Что и неправильно.

К. КОСТИН

РОМАШ
В ЛУНН
ГОРАХ

Сергей МАРКОВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

— Вот они,— сказал шофер, остановившись.— Лунные горы.

Мы вышли из машины. Ни звезд, ни луны не было видно за черными неподвижными облаками. Еще в Москве и в Ашхабаде нам рассказывали о лунных горах, окружающих городок Кара-Калу, но тогда трудно было представить всю неземную, жуткую их безжизненность. А стоило увидеть ее, уйти от шоссе, и сделалось страшно. Захотелось оказаться отсюда подальше, хоть в пустыне, где лишь песок, да зато верблюжья колючка зеленеет.

— А когда-то они были живыми,— сказал Виктор Фет, зоолог, старший научный сотрудник Сюнт-Хасардагского заповедника.— Трава росла, кусты, деревья. Может быть, и соловей по ночам пел. Вообще можно поверить, что здесь зародилась цивилизация?

— В этих горах?!

— Во всяком случае, где-то здесь, в Юго-Западной Азии. И горы Копетдага в этом смысле, пожалуй, самый интересный и самый неизученный район. Один из главных центров происхождения культурных растений — айвы, граната, винограда, ореха, яблони, груши, миндаля, инжира... Николай Иванович Вавилов особое значение придавал охране здешней уникальной природы, сочетающей в себе черты Средиземноморья, Ирана, Средней Азии. Несмотря на все «старания» человека, здесь до сих пор сохранились такие растения, которые нигде больше не встретишь. Вы что-нибудь слышали, например, о мандрагоре туркменской?

Ездишь по заповедникам и все больше убеждаешься в том, что не ландшафтами своими они прежде всего интересны, не редкими животными, не птицами, не растениями, реликтовыми, эндемичными и прочими — людьми, так или иначе связанными с заповедным делом. Лоскутки природы, у которой человек, одумавшись, в какой-то момент перестал нещадно отбирать «милости»,— как лакмусовые бумажки для людей, их характеров и судеб.

— ...Здравствуйте, Ольга Фоминична,— сказал я, закрыв за собой калитку, и объяснил, что привела меня к ней мандрагора.

— Не буду я вам ничего рассказывать,— ответила старушка и снова наклонилась к грядке.— Потому что от вашей писанины только вред. Врете. Напридумывали бог знает что: мандрагора, мандрагора!..

— Но ведь говорил Соломон в «Песни Песней»: «Мандрагора издает аромат, и у нас имеются чудесные плоды, которые я все выложил для тебя, о моя возлюбленная»?

— А вот у нас их почти уже не имеется, разворовали.

— Я слышал, что в древности к мандрагоре привязывали голодную черную собаку, а сами убегали, чтобы не погибнуть от крика, которое издает растение, когда его вырывают,— продолжал я.

— Вот-вот!— слегка улыбнулась Ольга Фоминична.— И о влиянии мандрагоры на влюбленных ходили легенды, и о том, что корень дарует вечную юность...

Ольга Фоминична Мизгирева больше полувека работает на Туркменской опытной станции Всесоюзного института растениеводства. Много лет была директором станции. В тридцать восьмом году она нашла на южном склоне западного Копетдага неизвестное до тех пор растение — мандрагору туркменскую. Зона произрастания ценнейшего растения была объявлена заповедной, однако результата это не дало. Исчезали и многие другие уникальные виды растений и животных Копетдага.

Сорок лет Мизгирева говорила о необходимости создания государственного заповедника. Писала в самые высокие инстанции. Ездила, доказывала. Боролась, продолжая мысль и дело своего учителя — Н. И. Вавилова. Ее энергии, ее дей-

Лунные горы.

ственной любви ко всему живому, к этой земле своим рождением обязан Сюнт-Хасардагский заповедник. А мандрагору в диком виде сохранить все-таки не удалось.

— В теплицу пришлось загнать бедненькую,— говорит Ольга Фоминична,— хоть несколько кустиков спасти от любителей легенд! Да, из нее делали лекарства, и очень сильные, незаменимые. Но как? Никто этого уже не знает. По крайней мере у нас. И не только лекарства — ее скрещивать можно и с помидором, и с перцем сладким, можно получить много новых вкусных морозостойких овощных культур! Только ведь заниматься этим надо, а не легенды пересказывать.

К А
Ы Х

2

Дом Виктора Фета стоит под скалой в начале ущелья Айдере — наиболее, пожалуй, интересного и отдаленного участка заповедника. По нескольку дней, недель и месяцев живут в этом доме первокурсники и доктора наук, географы и ботаники, орнитологи и змееловы, лесники и фотографы из Москвы и Хабаровска, Вильнюса и Иркутска... Спят на полу или на досках, едят что придется.

— Французы установили, — шутит Фет, — что высота семьсот — восемьсот метров над уровнем моря, на которой мы сейчас находимся, идеальна для отдыха с семьей.

Жена его, Галина, тоже ученый, занимается растительностью Копетдага. С детьми — четырехлетней Лизкой и двухлетним, вечно чумазым, потому что возится в песке с черепахами, стрекозами, муравьями, Семкой — сидят по очереди.

Виктор утверждает, что любой без исключения человек, имеющий хоть самое отдаленное отношение к науке, приехав сюда, непременно найдет что-то новое, раньше неизвестное,— настолько не изучена еще здесь природа. Сам он с детства «помешан» был на паукообразных. Из двухсот видов пауков, которые он рассматривал в своей кандидатской диссертации, четырнадцать видов были для науки новыми. А как он рассказывает о пауках! Хочешь не хочешь, а зауважаешь этих не слишком, как казалось раньше, симпатичных насекомых. У многих народов паук считался олицетворением мудрости, усердия, мастерства. В «Метаморфозах» Овидия есть миф о том, как дочь красильщика тканей Арахна училась ткачеству у Афины Паллады и отважилась вызвать на состязание саму богиню. Разгневанная Паллада выткала на ковре картины, изображающие возмездие, неотвратимое для всякого земного грешника. А Арахна изобразила любовные утехи богов, и с таким чувством юмора, что Афина превратила свою любимую ученицу в паука. Пауки и называются по-латыни именем девушки.

— Аристотель был уверен,— говорит Виктор,— что пауки способны предвидеть изменение погоды. Плиний считал, что пауки чувствуют приближение землетрясений...

Ночью, когда я сидел на крыльце веранды, вспомнились мне слова, читанные мною однажды о том, что истребление ценных видов растений и животных приняло в наше время действительно ужасные размеры и пора, наконец, всем благоразумным людям сойтись в твердом решении положить конец этому истребительскому неистовству и сохранить, насколько возможно, то, что можно еще спасти... Исчезновение какого-либо звена в общей цепи живых организмов составляет всегда препятствие для исследователя, подобно тому как крушение моста разверзает пропасть у ног путника.

Это говорилось на первой международной конференции по охране природы в 1913 году. О какой же пропасти говорить нам, когда сотни видов птиц и млекопитающих исчезли навсегда и еще сотни и сотни — под угрозой исчезновения?

3

Саша опередил ее на долю секунды, на один удар сердца — и вот уже полутораметровая гюрза, бросившаяся из-под камня на пригорке, извивается на палке с крючком, пытаясь соскользнуть и повторить атаку. Бьется в палку с такой силой, что палка взлетает чуть ли не на полметра, соскальзывает, но не на землю — в мешок, и Саша тут же туго его затягивает.

— Не прикасайся, — говорит он мне, опускаясь на камень.— В прошлом году один паренек в рюкзак додумался гюрзу бросить. А рюкзак — на плечи. Не спасли. Будешь курить? Нет ничего приятней, чем закурить после этого.— Саша вытаскивает из кармана куртки пачку «Астры». Я замечаю, что пальцы его дрожат. И широкий белый шрам замечаю между большим и указательным пальцами на правой руке.— Цапнула,— объясняет Саша таким тоном, будто не гюрзу имеет в виду, у которой одна доза яда смертельна для двадцати пяти человек, а котенка.

Эфу, живущую у него дома в Харькове в террариуме, Саша называет эфочкой, хотя однажды после ее укуса побывал в состоянии клинической смерти.

За пятнадцать лет Александр Богуславский поймал сотни змей, но ни одной не убил. Я видел, как старательно, осторожно смазывал он йодом поранившуюся о камни кобру, как расстроился, когда рассказали об издевательствах над змеями в соседнем районе — парни зашивают суровыми нитками пасти змеям, чтобы с ними фотографироваться...

— Кое-где в Средней Азии считается,— говорит Александр,— что живой змею отпустить грех. Да, немало их убивают. А змея сто человек может спасти своим ядом. Одна.

— Но ведь и умирает сколько от укусов, Саша.

— Никогда змея сама не нападет на человека!

— А эфочка твоя милая?

— Сам виноват, раздразнил. У меня случаи были, что кобра или гюрза по ногам проползала, стремясь спрятаться в нору. Змея одного хочет — чтобы ей жить не мешали.

— Кто этого не хочет!..

— Но особенно змеи, которых на земле осталось так мало! Кобра в Красной книге, за гюрзой даже здесь, в Кара-Калинском районе, где их еще десять — пятнадцать лет назад кишмя кишело, приходится пробегать в день километров по сорок — пятьдесят. А то и с пустым мешком возвращаешься. Как люди не могут понять? Бронхиальную астму препаратами из яда лечат, и болезни сердца, и эпилепсию, и множество других недугов, но змеи и грызунов уничтожают, которые разносят всяческую инфекцию, в том числе чуму, холеру.

Снова, в который уже раз, здесь, в заповеднике, и вокруг него, где Александр ловит змей, заходит разговор о том, как все в природе продумано и необходимо. По-разному можно относиться к змеям. Можно брезговать, бояться или не бояться вовсе, как Владимир Михайлович Бабаш, заведующий Кара-Калинским серпентарием, о котором ходят легенды, или Александр, который вел себя с коброй уверенно, будто индийский факир. Змеи достойны уважения. И нельзя не восхищаться их красотой. Я понял это на закате, когда Саша поймал кобру. Поднявшись из травы почти на полметра, покачиваясь, отстраняясь, как боксерская перчатка перед решающим ударом, пошипывая, кобра смотрела человеку в глаза, и он смотрел ей в глаза; спина ее на солнце отливала янтарем, мелькал язычок, как иголка, и раздувался за головой широкий охристый капюшон.

До поздней ночи мы говорили о змеях. Наших, Австралии, Африки, Южной Америки. Александр о змеях знает все. После окончания биологического факультета он работает в Харьковском зоопарке, в отпуск ездит не к морю, а туда, где есть змеи. Не ради денег, конечно. Гюрза — двадцать рублей, кобра — тридцать, и того хватает на билеты туда и обратно и на житье. Ловит он змей из любви к искусству.

За несколько дней общения со змееловами змеи, даже самые огромные и ядовитые, стали нам понятней, стали казаться такими же, как все зверье на земле,— беззащитными перед венцом творения, человеком, нуждающимися в его защите.

4

Юрису Станиславовичу Карпинскому скоро пятьдесят. В Сюнт-Хасардагском заповеднике он работает младшим научным сотрудником. Во многих заповедниках он работал — в Кавказском, Уссурийском, Лазовском, Батхызском... Выгоняли. Так или иначе. За неуживчивый характер. В одном из заповедников, где Карпинский был инженером охраны, оперативная группа, призванная охранять, без-

Змеелов Александр Богуславский.

божно браконьерствовала — ловили форель, били на территории заповедника королевских оленей, зубров, туров... Сколько ни говорил об этом Карпинский, ему не верили. Или не хотели верить. И тогда он сам начал борьбу: с поличным — убитой медведицей — взял на рассвете начальника опергруппы с двумя его сыновьями. Привел. И понял, когда, словно с неба, стали рушиться на него беды — водительские права отобрали, нарезное оружие, из дома выгнали, потом и с работы «за несоответствие занимаемой должности»,— что не так просто все, как казалось; что не для себя старался начальник опергруппы, заготавливая в заповеднике мясо,— «для людей», для местного начальства и их гостей из центра, уважающих шашлычок...

Подобные истории мне приходилось слышать и в Смоленской области, и в Хабаровском крае, и на Байкале, и на Урале. Выходят фильмы на эту тему, то и дело в газетах появляются очерки и фельетоны о том, как охотовед или егерь один вступает в борьбу с круговой порукой, замешанной на крови «братьев наших меньших», притом тех, которых охраняет закон. В Уссурийском заповеднике мне рассказывали, что только за последние несколько лет умерли трое охотоведов. Притом не от браконьерской пули или ножа — от инфаркта. От гадостной бюрократии, равнодушия, подлости, лишь на определенную дозу которых, оказывается, рассчитано человеческое сердце. Как же так? Мы говорим, мы кричим об охране, о спасении природы, а люди, которые не на словах, а на деле этим занимаются, оказываются порой фактически бесправными, бессильными, беззащитными!

5

На лошадях мы поднимались по ущелью Айдере. Утро было тихое, солнечное. Несколько дней моросил дождь, в горах свистел и выл такой ветер, что казалось, мы не в Туркмении, а где-то рядом с Ледовитым океаном. Старики, поглядывая на небо, говорили, что такого не припомнят. Змееловы сидели без дела, потому что змеи попрятались в норы. Даже лягушек в пруду не было слышно по ночам. И вот сверкающая на солнце посреди ущелья речушка, пронзительно-голубое небо с редкими перламутровыми облачками, на которые больно смотреть. Маки, лилии, тюльпаны. Цветущий миндаль и алыча. Свиристит где-то каменка. Сами собой вспоминаются строчки Бальмонта:

Быть может, вся природа —
мозаика цветов?
Быть может, вся природа —
различность голосов?
Быть может, вся природа —
лишь числа и черты?
Быть может, вся природа —
желанье красоты?

Айдере в переводе — медвежье ущелье. Но медведей здесь давным-давно нет. Руководитель первой ботанической экспедиции в западный Копетдаг В. И. Липский в 1912 году видел в этом ущелье множество фазанов, фиговых и ореховых деревьев, виноград... Мы не видели ни одного фазана — их нет. Даже турачей, небольших зеленовато-серых с темными пестринками курочек, которых было в этих местах видимо-невидимо, практически всех перебили. Несколько лет назад, вскоре после создания заповедника, ученые начали искусственное разведение турача. Дело было новым, сложным. Но успеха добились — впервые у нас в стране ученым Сюнт-Хасардагского заповедника удалось получить птенцов турача в искусственных условиях. Через некоторое время, если все пойдет хорошо, турача можно будет встретить и в этом ущелье, и в других, и на равнине; можно будет и охотиться на него, соблюдая, естественно, правила охоты, чтобы снова не выбить.

— Правила, правила,— вздыхает Юрис Карпинский.— **В том-то и дело, что никогда никаких правил охоты здесь не соблюдалось. Охотились и охотятся круглый год на все, что шевелится. Джейранов после войны здесь были тысячные стада, а сейчас только в вольере у нас. Мы, работники заповедника, давно говорим: необходимо создать в этом районе крепкое охотничье хозяйство. Заповедник — это всего каких-нибудь тридцать тысяч гектаров, даже меньше. Ну, может быть, три заказника еще когда-нибудь будет на прилегающих территориях. А остальное? У остальной-то земли практически нет в этом смысле хозяина. Возьмем леопарда. Когда-то много их здесь было. А теперь по пальцам одной руки можно пересчитать. Перебили. И не потому, что шкура красивая, нет. Домашний скот режут. И особенно часто молодые попадаются, потому что не понимают, что туда, где один раз хорошо покушал, возвращаться нельзя — пристрелят. А леопард ведь на овец и на коров не от хорошей жизни нападает. Он бы с гораздо большим аппетитом горных баранов кушал или кабанов. Но где их взять? Будем теперь восстанавливать потихоньку численность, я как раз этим и занимаюсь. Прорубаю заросшие или новые тропы, очищаю родники... Ни леопарду, ни горному барану, ни кабану не запретишь выходить за границу заповедника. Поэтому и необходимо создать охотничье хозяйство, наладить охрану. Как в Прибалтике, например. Да и корм, конечно, кабану нужен. Тростник в поймах рек нужно восстанавливать, туган, ячмень сажать, дубняки, орех... Но с орехом грецким особая история. Видите завал вон там?..**

Чем выше мы поднимались по ущелью, тем чаще путь нам преграждали завалы громадных валунов и вырванных с корнем, поломанных, высохших и сгнивших деревьев. Приходилось объезжать их по воде или спешиваться и вести лошадей, держа под уздцы. Это последствия селевых паводков. Особенно заметные в ореховой роще. Грецкий орех здесь необычайно богат маслом, очень перспективен для селекции и необходим для зверья и птиц. В 1930 году в ущелье Айдере было три тысячи ореховых деревьев. В 1980-м — тысяча. Сейчас — меньше пятисот, причем большинство из них с ободранной корой, поломанные, обреченные на гибель. И все очень старые, молодых деревьев нет. Ужасное зрелище — в два, в три обхвата стволы, глядящие вывороченными корнями в небо. Но если бы только ореховые деревья гибли от этих неудержимых потоков грязи и камней с гор! Убытки настолько огромны, что и подсчитать трудно.

Человек нарушил равновесие в природе. И раньше шли дожди, и тоже спускались с гор паводки. Тот же В. И. Липский «видел кучи старого леса, нанесенные речонкой». Но никогда не было селевых паводков столь убийственной силы, как в последние пять лет. Смывает сады, ограды, дома, дороги... Раньше не было таких ливней, говорят старики. Осадки выпадали равномерно, лес регулировал их. И лес же не позволял паводкам сметать все на своем пути, корни держали почву. Но лес уничтожили. Вырубили почти всю арчу, покрывавшую некогда склоны, вырубили клены... Необходимо срочно лес восстанавливать, убеждены ученые. Для этого сажать не только деревья, росшие здесь испокон веку, вырастающие, как арча, очень медленно, но и новые для этих мест. Но в основном, конечно, боярышник, клен, миндаль, карагач... Однако лесхоз сажает одну лишь фисташку, которая плодоносить будет лет через сорок — пятьдесят. И сажают в год всего на территории в сто гектаров, столько же и вырубается ежегодно. Кроме того, ученые предлагают противопоставить одну стихию другой: взрывами перекрыть наверху ущелья, дамбы будут гасить селевые потоки, а просачивающаяся сквозь камни вода будет увлажнять склоны. С учеными согласны. Но проходит год за годом, селевые паводки все усиливаются, а взрывов в горах не слышно.

6

В одном очерке не расскажешь обо всем, что делается в заповеднике, даже в таком молодом и небольшом, как Сюнт-Хасардагский. Не расскажешь обо всех его проблемах. Но вот что, по-моему, важно, и это, к сожалению, касается не только заповедника в юго-западном Копетдаге.

Не просто жить в заповедниках. Люди, не те, что приезжают туда в научную экспедицию, с ревизией или для того, чтобы поснимать на кинопленку, пофотографировать флору и фауну, но живущие и работающие там годами — своего рода подвижники. Заповедник — это всегда удаленность от цивилизации, всегда в той или иной степени отсутствие удобств.

В ущелье Пархай, где расположена центральная усадьба заповедника, стоят вагончики. Стоят со дня его основания. Как в них люди живут, не представляю. Зимой лютый холод, летом душегубка. Некуда книги поставить, стол со стулом. А живут некоторые с семьями, с маленькими детьми. Денег нет у заповедника на строительство? Есть, в том-то и дело. Денег сполна хватило для того, чтобы разбить роскошный фруктовый сад в урочище Калалигез, что само по себе прямое нарушение Положения о заповеднике. По личной инициативе директора заповедника Н. Б. Андреева там построили даже бассейн! Не заповедник — прямо-таки вотчина... А на строительство жилья для сотрудников нет денег.

7

Уезжали мы из Кара-Калы ночью. Отъехав на несколько километров, снова оказались в лунных горах. Чтобы проститься с ними, попросили шофера остановить. В зеленоватом лунном свете они казались еще более жуткими. Я перепрыгнул через кювет и пошел. Трава кончилась, начался «лунный» грунт. Поднявшись метров на двадцать, я заметил впереди что-то белое. Это была ромашка. Маленькая, на коротком стебельке, обыкновенная дикая ромашка. Как она там выросла — ума не приложу. Но выросла. Я вернулся к машине. Через четверть часа лунные горы были позади. Мертвые, они возвышались, верней, зияли на фоне Млечного Пути как напоминание о давно угасшей жизни. Как предостережение.

Кара-Кала — Москва.

Фразы

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

ЧТОБЫ ВСЕГДА БЫТЬ ТОЧНЫМ, НАДО НИКОГДА НЕ ГОВОРИТЬ НИЧЕГО КОНКРЕТНОГО.

Евгений Корягин

А МОЖЕТ БЫТЬ, ЛУЧШЕ СОВСЕМ НИЧЕГО НЕ ЗНАТЬ, ЧЕМ ЗНАТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ТЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ?

ДОКАПЫВАЯСЬ ДО ИСТИНЫ, НЕ РОЙ СЕБЕ ЯМУ.

ИНОГДА УМ ЗА РАЗУМ ЗАХОДИТ, ЧТОБЫ СПРЯТАТЬСЯ.

С. Белоусов

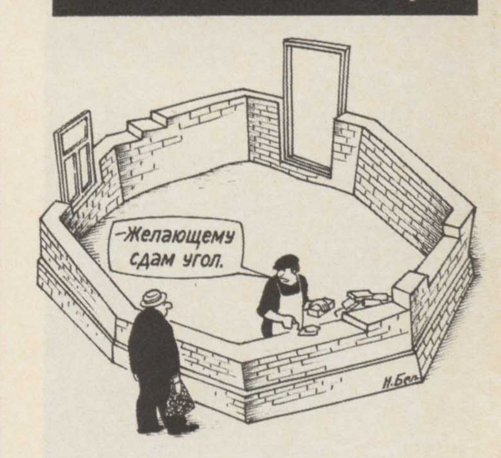

Рисунок **Н. БЕЛЕВЦЕВА**

А СЕКРЕТ БЫЛ УТРАЧЕН...

До недавнего времени считалось, что секрет изготовления некогда очень популярных в Латвии деревенских, или, как их еще называли, видземских, покрывал навсегда утерян. Возродить их производство помогла латвийским мастерам рижанка Расма Якобсон.

Вот уже четверть века Расма Якобсон работает в Риге акушеркой. А в свободное от работы время она училась ткацкому искусству в кружке районного дома культуры «Драудзиба». Через несколько лет Расма Якобсон уже во многом превзошла своих учителей. Ее работы стали удостаиваться всевозможных дипломов на различных республиканских и всесоюзных выставках. Узнав о том, что секрет изготовления видземских покрывал считается утраченным, рижанка загорелась идеей во что бы то ни стало возродить их производство.

Но как это сделать? Помогли старые книги. Расма Якобсон превратилась в самого настоящего исследователя. Многое подсказывалось интуицией и фантазией. Но изготовление видземских покрывал все равно оказалось делом непростым: давно исчезли из обихода деревенские станки, которые позволяли создавать нужный рисунок, были забыты приемы, существующие для окраски шерстяной нити природными красителями, да и саму пряжу нужно было прежде всего научиться выбирать...

И вот настал, наконец, день, когда первые покрывала вышли из рук рижского мастера. Красоты они были неописуемой. Их сразу же приобрел для своей коллекции Латвийский исторический музей. А вскоре у Расмы появились и первые ученики — утерянный, казалось бы, навсегда старинный секрет получил вторую жизнь...

Не так давно видземские покрывала Расмы Якобсон демонстрировались на выставках во Франции и Болгарии. Они стали самой настоящей сенсацией...

ИНТЕРВЬЮ

С НАИКРУПНЕЙШИМ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСАТЕЛЕМ, КОТОРОГО НИКОГДА НЕ БЫЛО, НО КОТОРОЕ — КТО ЗНАЕТ!— МОГЛО БЫ БЫТЬ...

Аполлинария Вырубаева мы застали за созданием очередного шедевра. Пока он писал и переписывал начисто свое новое творение, достойное по праву занять видное место в сокровищнице мировой классики, прошло минут десять. За это время мы успели осмотреть скромные апартаменты, где было написано не одно выдающееся произведение. Мы вдыхали неповторимый воздух, который выдыхали легкие великого человека, смотрели на потолок, по которому, очевидно, не раз скользил его пристальный взгляд и ползали живущие в атмосфере неустанного поиска мухи. В комнате было около четырех стен, с десяток-другой стульев. Деревянный пол находился как раз напротив потолка; двери, по всей видимости, навешенные на петли, и книги, книги, книги... Дюма, Семенов-Гималайский и Семенов Юлиан, но в основном А. Вырубаев. Аккуратно, с любовью подобранные по 300—400 экземпляров, в одинаковых обложках, с автографами и без автографов автора.

Отложив бессмертное перо, принадлежащее истории, и полностью завершенный шедевр, Аполлинарий Сильвестрович крякнул: «Ай да Вырубаев! Ай да сукин сын!» И направил на нас полный неотразимого человеколюбия взгляд великого человека.

— Уважаемый Ап...

— К чему официальности? — вежливо прервал он нас.— Просто гений! Да вы не смущайтесь, присаживайтесь. Чайку-с? Сахарку? Вижу, вижу, что не откажетесь! — Глаза его лучились непередаваемой добротой.— К сожалению, нет!

Мы сели на предварительно аккуратно застеленный клеенкой диванчик.

— Уважаемый гений! Поймите наше волнение. Редко в нашей напряженной жизни приходится вот так запросто разговаривать с живым, так сказать...

— Ничего! Ничего! Валяйте! — подбодрил нас автор романа «Брюква на склоне».

— Нам хо...

— Над каким шедевром я сейчас работаю? Вопрос сложный, сложный. Как говорил один из запоминающихся героев одного моего замечательного романа, жанра, в котором я являюсь наиболее непревзойденным мастером: «Голова у нас одна, а желающих много!» Как раз перед вашим приходом закончил одну выдающуюся вещичку, сразу ставшую настоящей жемчужиной мировой классики. Написана вещь в свойственной для меня ярко индивидуальной манере, с характерной широтой проникновения во внешний и внутренний мир героев и особенно удавшихся мне героинь. В ней не могут не поражать глубина мысли, теплый юмор, доброта, ум, задушевность, мягкий лиризм, завораживающие читателя с первых строк. Хотя, конечно, произведение не лишено свойственных для любого большого писателя противоречий. Весьма сложен жанр произведения — прозаическое восьмистишие. Есть там такие строки: «О! Как права она, которая, как женщина... Однако Венера засучила рукава! О! Ужас! Голова! А ноги?!» В этих строках заключена квинтинсинуация произведения, в них просматривается напряженная пульсация современности, динамизм и глубина социального обобщения, так свойственные для меня.

— И...

— Мои дальнейшие творческие планы? Они, как всегда, глобальны. Я задумал роман-эпопею, который станет эпохой в жанре романистики, по широте охвата и значительности поднимаемых проблем ее можно сравнить разве что с миром и войной графа Николаевича. Но у меня это будет значительно глубже, эпопейнее, глобальнее. Я уже начал собирать материалы... Хожу, пристально всматриваюсь в жизнь, приглядываюсь к людям, переворачиваю исторические пласты. Но об этой эпохалке говорить рано. В этой связи мне вспоминается одно мое мудрое изречение: не говори гоп, а то получишь в лоб. (Смеется.)

— А?..

— Как отношусь к юмору, иронии, сатире? Очень доброжелательно. Порой сам не прочь остроумно пошутить, хорошо посмеяться. Уместная ирония, живая смешинка, добрая шутка, точная, разительная сатира — все это не чуждо мне и нисколько не мешает в создании шедевров да и просто в трудной, противоречивой, многогранной жизни выдающегося человека. Вот совсем недавно, намедни, я очень неплохо пошутил. Когда мне задали вопрос мои страстные поклонники и почитатели в семейном кругу: «Так это вы тот самый крупнейший гений?» — я ответил в обворожительной улыбке: «Да что вы? Просто Аполлинарий!» (Смеется.)

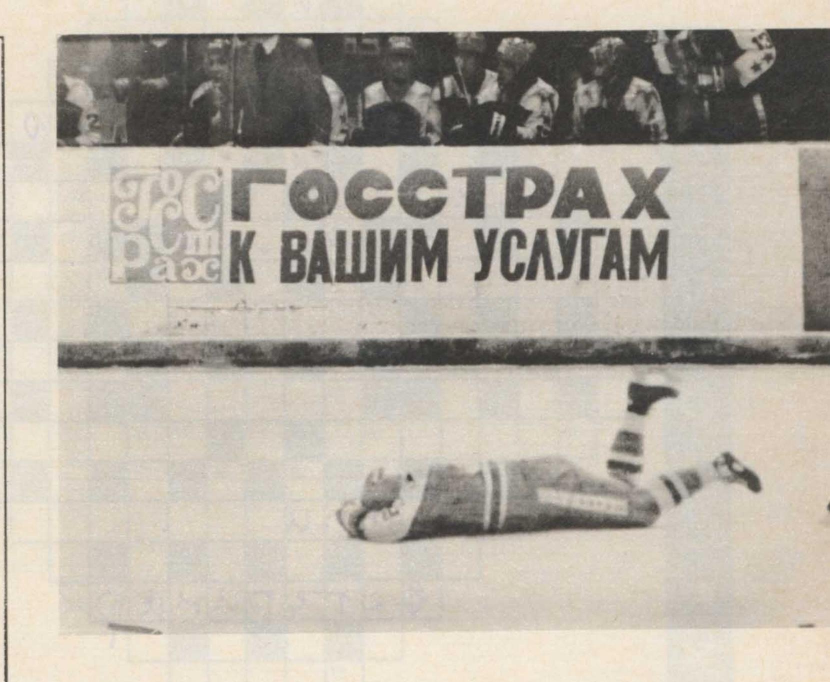
Смеемся и мы.

— Но...

— Как отношусь к славе? Вы знаете, устал! Иногда хочется уехать на Гаити к чертовой бабушке, почувствовать себя обычным маститым. Постоянная волна почитателей, мировая известность, бремя ответственности перед человечеством за мои новые шедевры, постоянное обогащение сокровищницы мировой классики, гениальные и просто блестящие, остроумные, глубокие, интересные мысли — все это, безусловно, тяжело. Постоянное опасение, что что-то может быть утеряно для человечества безвозвратно, для будущих историков, исследователей моего творчества. Приходится думать о всем этом. Вот и сейчас опять пришла гениальная мысль. (Записывает.) Порой хочется взять в руки серп, грабли, вилы, молот, отбойный молоток и повкалывать, что называется, как говорится, на пользу общества. Но как подумаю, как много может потерять за это время человечество, насколько обеднеет мировое культурное наследство, сажусь снова за стол и творю, творю, творю... (Садится за стол и творит.)

Мы незаметно уходим.

Михаил ЛЯШЕНКО

ИЗ ЖИЗНИ РЕКЛАМЫ Фото А. КРЕЙМЕРА

Рисунок Н. БЕЛЕВЦЕВА

Рисунок А. ПАНАСЕНКО

КАК СОБИРАТЬ ГРИБЫ

Заядлые грибники знают, что традиционно существуют две точки зрения на то, как снимать грибы: вырывать ли их с корнем или, может быть, лучше срезать.

Однако ученые доказали, что и в том, и в другом случае грибница (мицелий) погибает. Оставшаяся часть ножки разлагается и служит средой для питания и размножения губительных микроорганизмов, которые, распространяясь под землей по грибнице, в конце концов уничтожают ее.

Это и вынудило ученых искать другой способ сбора грибов. Выяснилось, что, если взять гриб за ножку и аккуратно повернуть ее вокруг своей оси, гриб сам «снимается» с места. Нити грибницы, оставшиеся под землей, при этом не повреждаются. Они и дадут жизнь новым грибным поколениям...

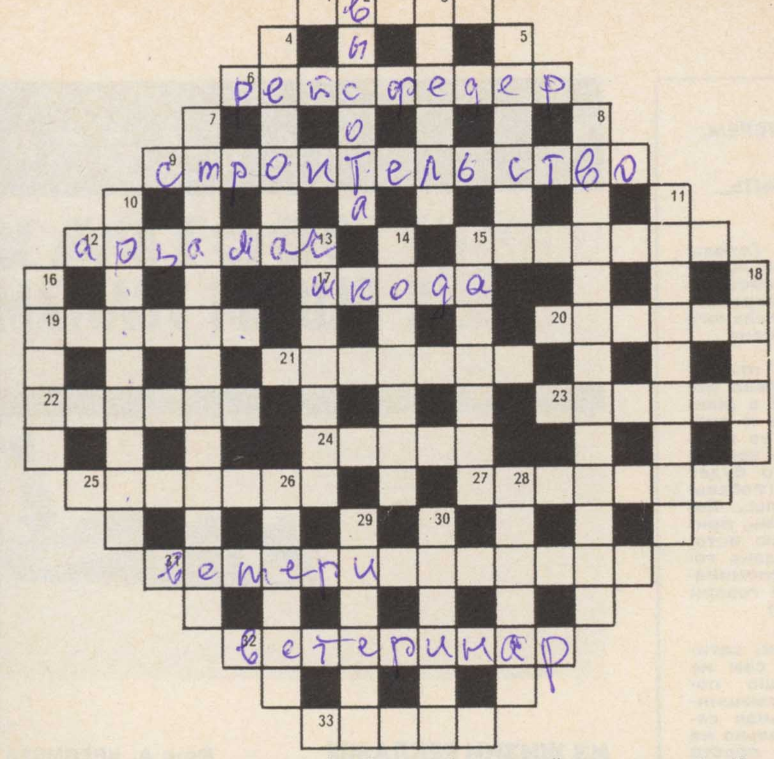
«ЧИСТАЯ» ЭКЗОТИКА

На Обоянском экспериментальном заводе древесных плит создали необычную теплицу. Там растут бананы, мандарины, лимоны, кактусы, живут длиннохвостые попугаи. А недавно с лимонного дерева сняли плод весом триста граммов!

Эту теплицу предложил создать директор завода А. Бондарев после возвращения из командировки в Шри Ланка. Наглядевшись на тамошние экзотические фрукты, А. Бондарев решил развести их на родном предприятии. И надо сказать, урожаи в теплице неплохие! В буфете заводской столовой цитрусовые продаются теперь круглый год...

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька»

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Породообразующий минерал. 6. Чертежный инструмент. 9. Возведение зданий, сооружений. 12. Литературный кружок, в котором участвовал А. С. Пушкин. 15. Специальная гиря для гимнастических упражнений. 17. Марка чехословацких автомобилей. 19. Многократный чемпион СССР в прыжках с шестом. 20. Действующее лицо в пьесах М. Горького «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие». 21. Река, впадающая в Байкал. 22. Дипломатическое представительство, делегация. 23. Ученый в области механики, академик, Герой Социалистического Труда. 24. Убеждения, основы мировоззрения. 25. Вид яблони. 27. Светонепроницаемый футляр в фотографии. 31. Спортсмен, гимнаст. 32. Специалист по лечению животных. 33. Единица магнитной индукции.

По вертикали: 2. Советский кинофильм, посвященный строителям. 3. Симфоническая поэма Ф. Листа. 4. Советская фехтовальщица, неоднократная олимпийская чемпионка. 5. Река, впадающая в Рыбинское водохранилище. 7. Предпосевная обработка семян для ускорения прорастания. 8. Украинский художник-передвижник. 10. Руководитель партизанского движения в Белоруссии, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда. 11. Математический прибор для определения площадей плоских фигур. 13. Деталь измерительных приборов, часов. 14. Степная птица, занесенная в Красную книгу СССР. 15. Административный центр штата в Индии. 16. Часть судна. 18. Город в Эстонии. 26. Французский композитор, автор песни «Свободу Тельману». 28. Древнегреческий историк и писатель. 29. Народная поэтесса Дагестана. 30. Стальная полоса, заготовка для сварных труб.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 3. Апофема. 5. Белград. 8. «Сытые». 9. «Локомотив». 10. Гиппократ. 12. «Барсуки». 16. Тамбур. 17. Лебедь. 18. Зубатка. 19. Пуссен. 20. Нэлепп. 22. Терраса. 27. Компостер. 28. Эклиптика. 29. Кунша. 30. Кутаиси. 31. «Рафаэль».

По вертикали: 1. Маслина. 2. Обелиск. 3. Автомат. 4. Ферма. 6. Гобой. 7. Декабрь. 11. Аметист. 12. Брезент. 13. Семафор. 14. Илиамна. 15. Вельвет. 19. Потомак. 21. Паскаль. 23. Елецкий. 24. Сакмара. 25. Сосна. 26. Шпала.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Открытие матча-реванша между Г. Каспаровым и А. Карповым. Лондон, 27 июля 1986 года.
(См. в номере материал «Неделя сюрпризов».)

Телефото АП—ТАСС

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Вес хороший»,— улыбается новорожденному джейраненку кандидат биологических наук Ольга Переладова * Черепашки на прогулке * Джейран Борька * Скорпион * Осторожно! Кобра предупреждает * Впервые в СССР турач выведен в неволе.
(См. в номере материал «Ромашка в лунных горах».)

Фото И. Гаврилова

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.07.86. Подписано к печати 05.08.86. А 00706. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2105. Заказ № 3190.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

??????? «ХОЧУ СПРОСИТЬ!» ???????

Мы — телезрители. У каждого — свое мнение о передачах, свои запросы, предложения, вопросы, недоумения... Представьте, что рядом с вами — человек, готовый авторитетно и квалифицированно рассказать обо всем, что касается телевидения. Заманчиво!

Предлагаем читателям «Огонька» такую возможность. На ваши вопросы ответит первый заместитель председателя Гостелерадио СССР Л. П. КРАВЧЕНКО.

Вопросы присылайте до 25 августа только по телеграфу: это быстрее, а главное — потребует от вас точности и краткости формулировок: все телеграммы участвуют в конкурсе на самый интересный, самый оригинальный, самый трудный вопрос. Победителя ждет приз — годовая подписка на журнал.

Итак, наш адрес: Москва, 101456, ГСП, Бумажный проезд, 14. «Огонек» — «Хочу спросить!».

ТВ В АВГУСТЕ

передачи, которые мы выбираем

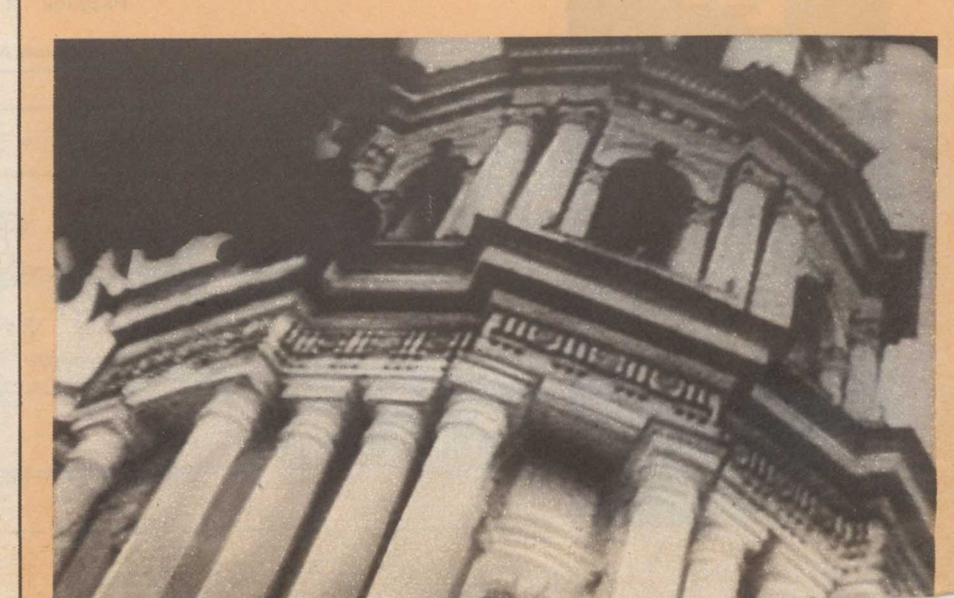
ВОЗРАСТ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ

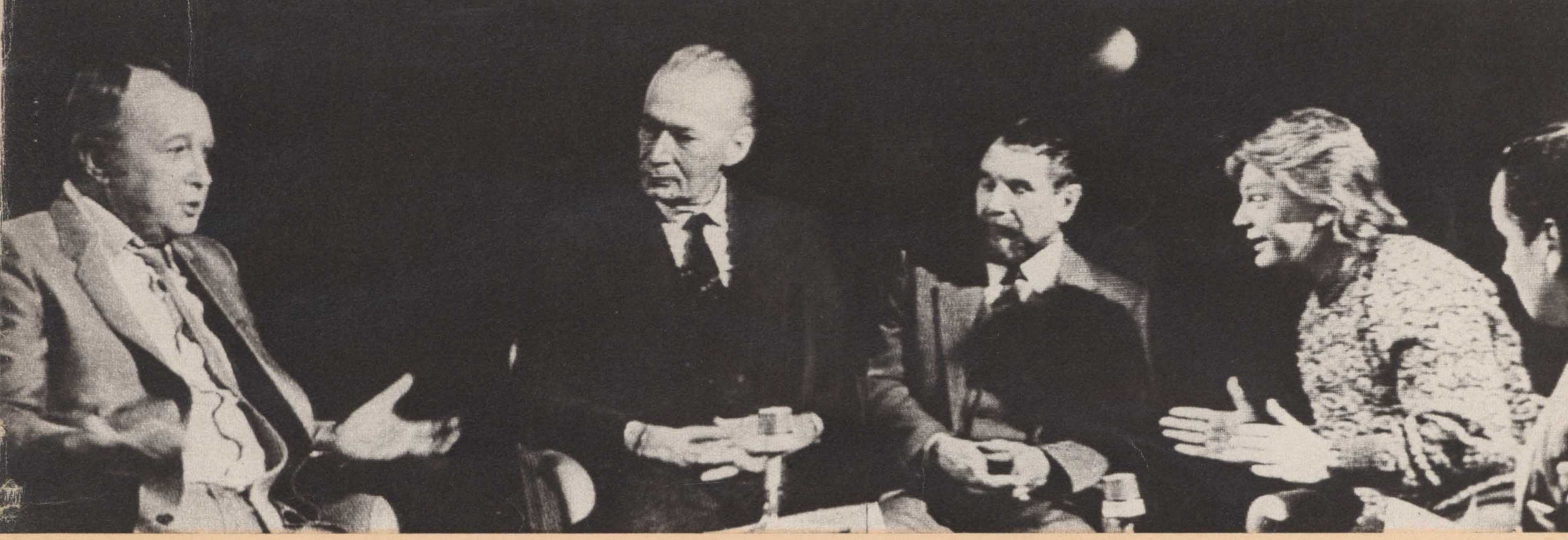
Около тысячи лет минуло со времени, когда на Русь пришло христианство. Это безусловно важное историко-культурное событие нашего прошлого. Но вот кое-кто, особенно из зарубежных клерикальных кругов, склонен считать его как бы сверхважным, видеть в нем начало и государственности, и самобытности, и всей культуры русского народа.

В угоду таким воззрениям отбрасываются серьезные, научно установленные факты. Скажем, договора дохристианских русских князей с Византией фиксировались, имели значение государственных документов. Есть и другие свидетельства, что культура славян к моменту крещения была развитой и богатой.

Крещение Руси было идеологической акцией, призванной усилить княжескую власть. Почему, скажем, Владимир остановил свой выбор на восточном, а не на западном христианстве? Идея подчинения светской власти церковникам была политически неприемлема для русского князя. У византийцев же светская власть, власть императора была выше церковной.

В передаче «Х век в истории Руси» участвует широкая аудитория слушателей. На их вопросы отвечают доктор философских наук Н. С. Гордиенко, доктор философских наук Н. П. Красников, кандидат философских наук Ю. П. Зуев.

В разговоре участвуют поэт В. Костров, журналист-международник М. Стуруа, профессор В. Гречко и композитор Ю. Антонов.

ПОСПОРИМ О МУЗЫКЕ

Пушкин признавал, что наслаждение музыкой сравнимо с силой любви. Шекспир предостерегал от доверия к тем, кто не любит музыки. А вот Толстой считал ее воздействие на человека до того сильным, что порой и опасным...

Голоса веков вспомнились в одном из залов Дворца культуры ЗИЛа, где собрались в этот вечер рабочие, служащие, инженеры и те, кто пришел к ним в гости. И обсуждение проблемы нашего сегодняшнего отношения к музыке было далеко от умиротворенной благостности.

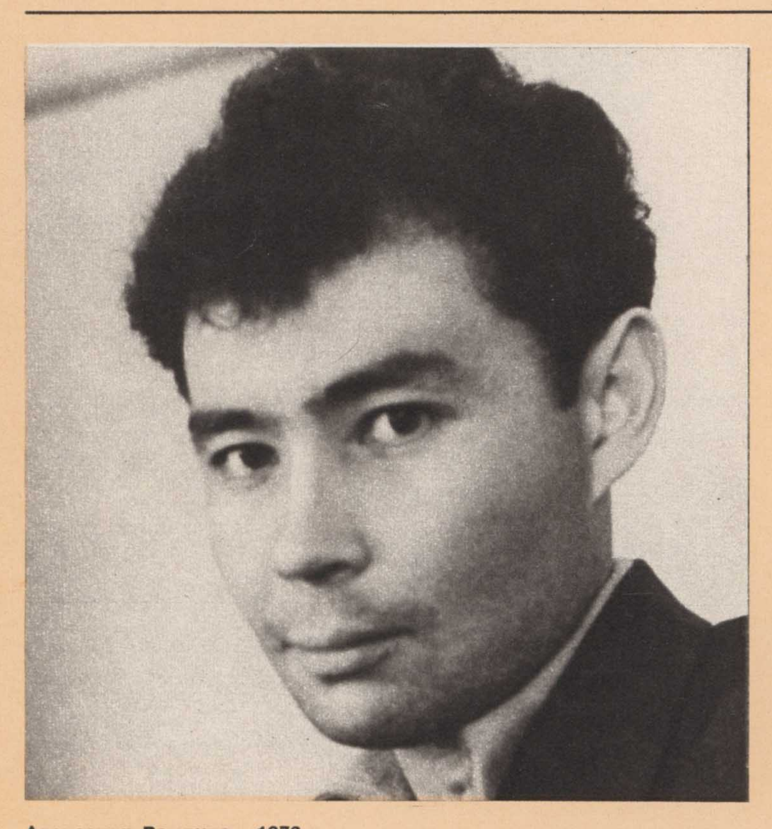
Необъятное море музыки — от Вивальди до Эллингтона, от русских народных песен до инструментальных композиций современных ансамблей — звучит в передаче «Музыка и мы». И острые, не совпадающие в чем-то мнения скрещиваются в ней.

Музыка изображает окружающую жизнь? Но вот пастушеский рожок может прозвучать в пасторали, говорит поэт В. Костров, а будет ли столь же правомерным автомобильный гудок в симфонии о городе?

Она объединяет людей? Но М. Стуруа увидел на концерте Вагнера министра обороны США Уайнбергера, и возникли ассоциации. Вагнера любили и главари нацистской Германии. Журналист вспомнил брата, погибшего под Сталинградом. Слушать было тяжело, музыка раздражала. Виноват ли тут Вагнер?

Она благотворно действует на состояние человека? Но сегодня уже точно доказано, что громкая, она вызывает гипертонию, ведет к снижению слуха.

Но к чему бы ни клонились споры, слушателей захватывали мелодии Моцарта, Стравинского, плавные канты петровской эпохи и острые джазовые ритмы.

Александр Вампилов. 1972 г.

Фото И. Александрова

КАК ИГРАТЬ ДОБРО?

Самой, наверное, грустной загадкой современной литературы стал безвременно ушедший от нас Александр Вампилов. Его загадку, скрытую в чудесных и по-своему необычных пьесах, разгадывают многие театры. Но, увы, абсолютно убедительных разгадок пока немного.

Помочь нам в разрешении этой загадки сможет августовский выпуск «Литературного альманаха».

Так случилось, что в юности, до всесоюзной славы и даже до городской иркутской известности они были друзьями — Александр Вампилов и замечательный прозаик Валентин Распутин.

Вот что он говорит о друге:

— Загадка Вампилова, очевидно, состоит в том, что везде и повсюду он добрый драматург, добрый писатель. Он проповедует это добро, а ведь добро показать не так просто. Чтобы сыграть это добро, нужно по сути своей быть добрым человеком...

«По-моему, лучшая передача последних лет — это «Жизнь на Земле». Расскажите о ее создателе».

Телезритель А. ДЕГТЯРЕВ

Воронежская область.

Английский натуралист Дэвид Эттенборо действительно вызывает симпатию не только содержанием своего рассказа, но и тем, какой он видит науку. Наука, может быть, и не очень проста, но, в сущности, демократична: у нее нет тайн от людей. Мы вместе с ведущим становимся грамотными зрителями театра жизни на сцене Земли. О любви к природе не говорится, но внимание к ней и удивление перед нею складываются именно в это чувство.

К разговору о Д. Эттенборо и его работе мы обязательно вернемся, когда завершится демонстрация многосерийного фильма.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663